

XXI ВЕК

ВОЛГА

1-2 2014

Литературно-художественный журнал

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

- А.Ю. Аврутин** – член Союза писателей Беларуси (Минск)
А.Б. Амусин – член Союза писателей России, председатель Ассоциации Саратовских Писателей
В.В. Бирюлин – член Союза писателей России (Саратов)
А.А. Бусс – член Союза писателей России (Саратов)
В.И. Вардугин – член Союза писателей России и Ассоциации Саратовских Писателей
Е.А. Грачёв – член Союза писателей России и Ассоциации Саратовских Писателей
А.А. Демченко – доктор филологических наук, профессор СГУ им. Н.Г. Чернышевского (Саратов)
Д.Е. Кан – член Союза писателей России (Новокуйбышевск)
О.И. Корниенко – член Союза писателей России (Сызрань)
В.В. Ковалёв – член Союза художников (Рига)
В.А. Кремер – член Союза писателей России (Саратов)
М.А. Лубоцкий – член Союза писателей Москвы, ответственный секретарь Ассоциации Саратовских Писателей
В.Д. Лютый – член Союза писателей России (Воронеж)
М.С. Муллин – член Союза писателей России и Ассоциации Саратовских Писателей
Г.П. Муренина – директор музея Н.Г. Чернышевского, член Ассоциации Саратовских Писателей
И.В. Пыров – член Союза писателей России (Саратов)
Н.В. Шаталина – член Союза журналистов России (Саратов)

САРАТОВ
2014

1-2 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭТОГРАД	
Борис ОРЛОВ. Часть природы	3
ДЕСЯТАЯ ПЛАНЕТА	
Валерий КРЕМЕР. Спрятанный свет	19
ПОЭТОГРАД	
Николай БЕСЕДИН. Моя земля как летопись событий...	21
СЛОВО ПИСАТЕЛЯ	
«Мечтать не вредно...» (Беседа с детским писателем М.А. Каришневым-Лубоцким)	28
ОТРАЖЕНИЯ	
Владимир КАНТОР. Помрачение	37
ОСТАНЕТСЯ МОЙ ГОЛОС	
Виктор ПОЛИТОВ. Не в моря впадают реки...	100
В МИРЕ ИСКУССТВА	
Ольга ЧЕРЕНЦОВА. Кража	110
ОТРАЖЕНИЯ	
Светлана ПАНКРАТОВА. Голод	118
ПОЭТОГРАД	
Олег КОРНИЕНКО. Взлётная полоса	126
ОТРАЖЕНИЯ	
Владимир АВИЛОВ. На войне возможно всё!	129
В САДАХ ЛИЦЕЯ	
Сергей СИНЬКОВ. Вечерний свет струится с высоты.	139
КАМЕРА АБСУРДА	
Валерий ШАМРАТОВ. Рассказы за Одессу	142
СТАТЬИ	
Вячеслав ЛЮТЫЙ. Гонец	148
ПОРТРЕТ	
Галина РОГОЖИНА. Зелёная лира Виктора Политова	158
РЕЦЕНЗИИ	
Валерий КРЕМЕР. Прикосновенье к счастью бытия	175
Михаил ЦАРТ. Журнал «Аргамак» как флагман современной литературы	175
ВОЛЖСКИЙ АРХИВ	
Евгений БАЖАНОВ. Священная река Раса (Волга) и символ Лабарум	177

**Борис
ОРЛОВ**

ЧАСТЬ ПРИРОДЫ

***

Грома, играя, чистят глотки.
На полушарии – весна.
Но в тесном корпусе подлодки
Мы – как ростки внутри зерна.

Дыханье солнца помним смутно –
Над головою сталь крепка.
Но в люк однажды хлынет утро –
И мы услышим... облака.

И всплыть – новое рожденье –
Волной ветров окатит нас.
Предстанет зыбким, как виденье,
Мир, не вместившийся в приказ.

***

Выхожу к реке – чернеет прорубь
Родниковой вязкою водой.
Лёгкий дым, как будто сизый голубь,
Вьётся над кирпичною трубой.

Санный след. Клочки сырого сена,
А над ними – серебристый пар.
Всё вокруг и вечно, и мгновенно.
И не знаю, юн я или стар.

-
- Борис Александрович Орлов родился в 1955 году в деревне Живетьево Брейтовского района Ярославской области. Окончил Ленинградское высшее военно-морское инженерное училище имени Ф. Э. Дзержинского и Московский литературный институт имени М. Горького. Автор 16 книг стихов. Служил на Северном флоте на атомной подводной лодке. Был начальником отдела Центрального военно-морского музея. Секретарь Союза писателей России, председатель правления Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России. Главный редактор газеты «Литературный Петербург». Академик Петровской академии наук и искусств. Лауреат литературных премий «Золотой кортик» (1994), имени К. М. Симонова (1998), имени В. С. Пикуля (1999), Большой литературной премии России (2011). Живёт в Кронштадте.

***

Умирал великий флот Союза –
Флаги со звездой срывал приказ.
Скатывались якоря из клюзов,
Словно слёзы из ослепших глаз.

Уходили с палуб офицеры
На причалы, как на эшафот.
И надежды рушились, и нервы
Рвались. Погибал без боя флот.

Выбросили – и на барахолку,
И в металлолом, и под волну...
Умирал великий флот, поскольку
Был не в силах пережить страну.

***

Голову кружит ладан.
Молча зажгу свечу,
Чтоб прикоснуться взглядом
К Господу, как к врачу.

Ломаный, тёртый, битый,
Чтобы душою креп,
Я прошепчу молитву
Точную, как рецепт.

***

Умрёт село. И зарастёт дорога.
Уйдёт в трясину пахотная гладь.
Я в этой жизни знаю очень много
Того, чего хотелось бы не знать.

А мне твердят: всё в мире позитивно
И совестью гордятся чернь и голь.
И так порой становится противно,
Что даже не спасает алкоголь.

***

То трагедии в мире, то драмы –
За безверие платят сполна.
Но возносятся белые храмы
Над страной, что от горя черна.

Жизнь зовёт приниматься за дело.
Сеют хлеб. Ржёт на пастбище конь.
Над селом, что душой протрезвело,
Поднят крест, словно Божья ладонь.

***

С ладони птичку покормил –
И в храм вошёл согрет.
Иконы – окна в Божий мир,
Из них струится свет.

Когда в душе темным-темно,
Когда она болит –
Для излечения дано
Свечение молитв.

***

Читаю книги. Кофе пью.
Придут и прочь уйдут заботы.
На рынке зяблика куплю
И разучу лесные ноты.

Ко мне протянет краснотал
Свои стремительные ветки.
Забуду всё, о чём читал,
И вспомню всё, что знали предки.

***

Повадился ветер листву воровать.
Дождь льёт, как из рваного сита.
Мне душу от родины не оторвать –
Как будто гвоздями прибита.

К себе не заманят ни тундра, ни степь...
Болею в краю незнакомом.
Посажена детством на длинную цепь
Душа возле отчего дома.

Вновь осень, как баба, грузна и свежа,
Полощет пелёнки в болоте.
Стремится не в космос больная душа,
А в дом, где укуталась плотью.

***

Шуршат дожди по гладкой мостовой,
Как метлы. Распахнулось неба чрево.
Стоит ненастье, словно постовой:
Ни вправо не подвинется, ни влево.

Растрелли, Монферран... Изящен вид
Строений. Но не хуже божья лепта:
Как достопримечательность стоит
Ненастье в центре Невского проспекта.

***

Гостиничная койка. Щербатое трюмо.
На тумбочке белеет забытое письмо.
Не греет батарея. Шныряют сквозняки.
Не скоро дочитаю две летние строки.

***

Кипрей опалил пепелище.
Усыпан кувшинками пруд.
Смысл жизни растенья не ищут,
А просто растут и растут.

Природа не терпит сомненья,
Её назначение – жить!
Она не терзает растенья
Вопросами: быть иль не быть?

Заботы, заботы, заботы..
В них наша вина и беда.
Забыли, что частью природы
Мы были... Мы будем всегда.

***

Я список кораблей прочёл до середины...

О. Мандельштам

Указ или приказ – как вражеский фугас:
Уходит флот ржаветь на мели и глубины.
Я список кораблей прочёл десяток раз,
А раньше я не мог прочесть до середины.

Останки кораблей – вдоль русских берегов,
Но сраму ни они, ни моряки не имеют.
Всё тайные враги... А явных нет врагов,
И гибнут корабли трагичней, чем в Цусиму.

Заморские моря грустят без наших рей,
Но флаги на морях не нашего пошива.
О флотские сыны, романтики морей!
Здесь движет не любовь, а зависть и нажива.

***

Я – офицер, нарушивший присягу...
Назад ни шагу и вперёд ни шагу
Не сделал. Разворована страна.
А за развал на мне лежит вина.

Я – офицер, нарушивший присягу...
Безропотно служу чужому флагу,
Тому, который раньше презирал.
Чужому флагу служат генерал
И рядовой. На всех лежит вина.
Проиграна холодная война.

Я – офицер, нарушивший присягу...
Я в плен попал, не проявил отвагу.
В плену и генерал, и рядовой.
Никто не поплатился головой.
Но мучается наш народ в плену.
Я проиграл холодную войну.

Я – офицер, нарушивший присягу...

***

Толпа слепа. И беспощаден крик
Сидящих в пышных ложах. Сердцу зябко...
Я вышел в жизнь, как на арену бык,
Бросался в бой, обманываясь тряпкой.

Но скоро понял, что не в тряпке – зло
И что тореадор – толпы «шестёрка».
Ревели ложи... Ну а мне везло:
Молилась Богу за меня галёрка.

Со шпагой под лопаткой я умолк,
Но не коснулась сердца тень позора.
Я, умирая, видел: в тёмный морг,
Как тряпку, унесли тореадора.

***

Важнее – дом... И ты права.
Хотя живут на свете
И подзаборная трава,
И беспризорный ветер.

В светёлке – свет, в подполье – тень.
Всего есть понемногу...
Но сохраню на чёрный день
И посох, и дорогу.

***

Холодно и сыро. Солнце тускло
Светит. Имярек – безродный век.
Я родился русским, жил по-русски
И умру как русский человек.

Отпоют священники и ветры
Прах. И ляжет крест на аналой.
Я хочу, чтоб два квадратных метра
Оставались русской землёй.

***

Забор. Сорока на калитке.
Ольшаник. Вербные кусты.
И наступают пирамидки
На деревянные кресты.

Я разведу кусты рукою –
В безвестный холмик ткнётся глаз.
И нет ни вечного покоя,
Ни вечной памяти у нас.

***

Благословлю крестьянский труд
И на чердак заброшу книжки.
Как хорошо, когда идут
С отцами в поле ребятишки.

Люблю, когда коса в руке,
Как птица утренняя, свищет.
Но не люблю на сквозняке
По вечерам брести в жилище.

Все деревенские – родня.
Родство незыблемо и свято.
Вот только жаль, что у меня
Ни сына, ни отца, ни брата.

**Валерий
КРЕМЕР**

*Фрагмент картины Сандро Боттичелли
«Рождение Венеры» (1482–1486)*

СПРЯТАННЫЙ СВЕТ

Примяв спиной густую прохладную траву, я лежу, раскинув руки. Надо мной выцветшее от зноя небо. Вот-вот меня похитит сон. Я поворачиваю голову, чтобы успеть увидеть твоё лицо. Ты лежишь рядом. Моя ладонь сжимает твою. Счастье...

Резко сигналист машина. Раз, другой, третий. Откуда она здесь, на лугу? Я вскидываю голову и смотрю в небо, прямо на солнце. Оно светит всё сильнее. Глазам становится больно, я сейчас ослепну. «А-а-а!» – кричу я странным, чужим голосом и просыпаюсь.

Лампочка, свисая с потолка подсобки, светит мне прямо в лицо. На улице отчаянно сигналист машина. Вскрываю с самодельного ложа (три ящика и полушубок) и бегу открывать дверь. Неужели уже шесть утра? Обычно к этому времени я просыпаюсь.

Задвижка плохо слушается онемевших пальцев. Наконец тяжёлая железная дверь со скрипом поддаётся моим усилиям, вижу хлебовозку и курящего рядом с ней Василича. Хорошо, что сегодня Василич. Он добрый.

– Ну ты и дрыхнешь, студент, – ворчит беззлобно Василич.

Ему нравится называть меня студентом, хотя я давно вышел из этого возраста, просто выгляжу моложе своих тридцати восьми. Высокий, худой, тихоголосый, задумчивый. Наверное, Василич так представляет себе студентов. Может, в его время они такими и были. Хотя вряд ли.

-
- Валерий Адольфович Кремер родился в 1954 году в Саратове. Окончил филологический факультет СГУ. Служил в армии, работал учителем в сельской школе, корреспондентом в различных газетах Саратова. Стихи печатались в саратовской периодике, коллективных сборниках Приволжского книжного издательства, журналах «Волга», «Волга–XXI век», в литературно-художественных альманахах «Саратов литературный», «Зелёный остров», «Сюжет», «Моргенштерн» (Союз российских немецких писателей), «Тритон» (г. Москва), «Трёхцветная кошка» и «Сквозь тишину» (г. Санкт-Петербург). Лауреат фестивалей поэзии в Волгограде и Сызрани. Автор книг стихов: «Путь», «Время Вдоха», «Путешествие к Центру Вихря», «Свидетельство о жизни», «Под небом молодым». Член Союза писателей России. Живёт в Саратове.

– Привет, Василич, – говорю я.
– Привет. Что снилось?
– Да так. Бывшая любовь. Ошибка юности.
– Почему ошибка? Любовь – это хорошо, – говорит Василич и сплёвывает в сугроб.

Я принимаю груз. Ношу лотки с батонами, кирпичиками белого и ржаного в магазин. Может быть, ради этого я здесь и работаю. Ради запаха тёплого, недавно выпеченного хлеба. Запаха настоящего.

– Ну, пока, – улыбается Василич. – Спи дальше.

И уезжает.

Я долго смотрю на падающий снег и только начинаю понимать, что это ты мне приснилась. Ты. Впервые. Я запретил тебе сниться. Гнал прочь мысли о тебе. Но ты нарушила запрет. Ты всегда поступаешь так, как хочешь. А запреты для тебя только в твоём сердце. И теперь я не могу думать ни о чём другом. Только о нас и о Викторе. О том, что случилось тогда.

Виктор появился в моей жизни, когда я учился в девятом классе. До этого настоящих друзей у меня не было – всем одноклассникам я был приятелем, и больше всего на свете любил погонять после уроков футбольный мяч во дворе в битвах класса на класс.

С первого дня новичок почему-то выделил меня из всех и стал опекать, как старший брат. В дружбе, как и любовном увлечении, всегда присутствует необъяснимость выбора. Мне было непонятно тогда, почему сильный, уверенный в себе, удачливый во всём Виктор захотел общаться именно со мной. Я хотя и был себе на уме, но очень податлив, уступчив внешнему давлению, не любил скандалов и разборок. Может быть, Виктор почувствовал во мне возможность быть другим, таким же, как он, всегда имеющим своё мнение и действующим самостоятельно.

Когда он впервые вошёл в класс, сразу вспомнилась строчка детских стихов: «Среднего роста, плечистый и крепкий...» Я сидел за партой один, и он направился ко мне. Может быть, эта случайность определила нашу дружбу. Виктор казался старше нас. Он говорил точно, умно. Хорошо знал, чего хотел.

Позже я узнал, что, когда он начал учиться в школе, его отец, заместитель директора крупного предприятия, ушёл к другой женщине. Платил, конечно, алименты, но появлялся редко, дарил дорогой подарок и опять надолго исчезал. Жили они с матерью трудно, и Виктор решил доказать отцу, что он и без его поддержки добьётся всего, чего хочет. Сам. Это слово стало определяющим в его жизни. И добиваться он умел. Если учитель, спросив его один раз на уроке, ставил ему четвёрку, Виктор подходил к нему на перемене и говорил: «Спросите меня ещё. Я знаю эту тему на «пять». Мне не нужна четвёрка». И, к нашему удивлению, учитель шёл на это.

Виктор первым делом разобрался с моим именем. Родителей угораздило назвать меня Валентином. В школе меня именовали Валёк, во дворе вообще окликали женским именем Валька. «Что это ещё за Валёк? – спросил Виктор. – Как вы лодку назовёте, так она и поплывёт». И подарил мне мужественное иностранное имя Вэл.

Сам он, когда к нему обращались: «Вить», вежливо, но твёрдо поправлял: «Виктор». Постепенно все привыкли и по-другому не называли.

Увидев однажды у меня книгу Андрея Старостина «Большой футбол», которой я тогда зачитывался, потому что в ней были подробно описаны матчи «Спартак» и нашей сборной за много лет, Виктор удивился: «Тебе сколько лет? Десять?» – и принёс мне «Лезвие бритвы» Ивана Ефремова и «Трудно быть богом» Аркадия и Бориса Стругацких. Я их с интересом прочёл.

После случая с Кураевым наша дружба стала ещё крепче. Это был великовозрастный второгодник с пробивающимися над верхней губой усами. Он появлялся в школе лишь с целью «нашакалить» денег на выпивку. Обычно он, оккупировав с дружками мужской туалет, вытряхивал добычу из карманов неудачливых школяров, захотевших облегчиться именно во время его редкого визита.

Ни Кураев, ни его дружки не производили впечатления суперменов, но ходили слухи об их близости к блатному миру, и связываться с ними не хотели даже десятиклассники, послушно расставаясь с мелочью и радуясь, что «орда» совершает набеги не слишком часто.

Мы с Виктором уже заканчивали процедуру, когда в туалет ввалились «ордынцы».

«Не повезло», – подумал я, пытаюсь незаметно просочиться мимо них.

– Стой, жердь! – встал на пути Кураев. – Куда бежишь? Делись!

– Да нет у меня ничего, – сказал я.

– А если поискать? – процедил Кураев, хитро улыбаясь и выпускающая мне в лицо сигаретный дым.

И тут произошло неожиданное: Виктор спокойно подошёл к нам и с ходу двинул кулаком вымогателю в челюсть. Тот, потеряв равновесие, взмахнул руками и отлетел к противоположной стене.

Все присутствующие при этой сцене опешили.

Кураев кинулся на Виктора, но, наткнувшись на точный удар в солнечное сплетение, охнул, рухнул на колени и, вытаращив от боли и недоумения глаза, пытался, как рыба на песке, вдохнуть.

Один «ордынец» бросился было на Виктора, но, получив сильный удар в нос, надолго занялся остановкой кровотечения.

Больше желающих заступиться за обиженного предводителя не нашлось. Виктор положил мне руку на плечо и сказал: «Пошли отсюда». И когда мы шли по коридору в класс, добавил: «С каждым надо говорить на его языке. Эти понимают только кулак».

Весть о посрамлении Кураева мгновенно разнеслась по школе. Виктор стал знаменитостью. На него показывали пальцами и приходили смотреть. Он, казалось, не обращал на это никакого внимания.

– Говорят, у тебя разряд по боксу, ты – чемпион города? – спросил я его.

– Вот ещё! – усмехнулся он. – Я был в секции ровно столько, чтобы освоить навык мордобития. Зачем мне эти кубки и медали? Чтобы однажды нос сломали или мозги отшибли? Они мне ещё пригодятся.

В тот день я ничего не слышал и не видел, отвечал на уроках невпопад. Был как сжатая пружина: ждал мести Кураева. Уже мерещились мне хищные взгляды отпетых уголовников с финками, поджигавших нас у школы. Виктор почувствовал моё состояние и сказал: «Не бойся. Ничего не будет». Он оказался, как всегда, прав. А вскоре Кураеву дали срок за грабёж, и он перестал появляться в школе.

Когда мы выбирали, куда пойти учиться, Виктор сказал: «Пойду на исторический. Хочется узнать, как люди становились великими. Знаешь, Вэл, ты или подчиняешься правилам игры, или создаёшь их. Я хочу создавать».

Я не ставил перед собой таких задач. Я писал стишки на злобу дня, развлекавая одноклассников. И путь мой был определён: филфак.

Там я тебя и встретил.

Филфаковские девушки были не похожи на тебя: манерные, капризные, что-то из себя изображающие. Не все, конечно. Были и попроще. Но они выглядели растерянными и зажатыми. Они учились здесь не потому, что любили литературу, а потому, что не понимали физику, химию и математику. Ты была другая. Но я это понял не сразу. Ты показалась мне наивной и смешной со своими искренними и живыми реакциями, я подумал даже, что ты глуповата. А ты была просто естественной. Хрупкая, нежная, невысокая, ты казалась семиклассницей. Так я тебя и воспринимал. На втором курсе я зазвал всех к себе на день рождения, представителей сильной половины человечества было мало, и я пригласил Виктора.

Я обхаживал тогда одну красивую однокурсницу – статную, зеленоглазую, знающую себе цену. В конце вечера Виктор сказал: «Зачем ты пресмыкаешься перед этой куклой?» Я обиделся и попросил его не лезть в мои отношения. Он сказал: «Здесь только одна нормальная девчонка – Юлька». Я удивился: «Юлька? Да это ребёнок». «Дурак ты, – сказал Виктор. – Она особенная. Таких редко встретишь».

В тот вечер он пошёл тебя провожать. И что-то у вас сложилось. Я отнёсся к этому как к причуде Виктора. Но он серьёзно увлёкся тобой, мы даже стали реже видеться с ним.

Однажды вы пришли ко мне, радостные, возбуждённые: «Вэл, мы подали заявление в загс, поздравь нас!» Я поздравил.

– Это надо отметить, – сказал Виктор. – Ждите, я сбегаю за вином.

Я не знал, как себя вести, пытался тебя развлекать. Ты вышла на лоджию, смотрела на город. «Здорово! Отсюда всю Волгу видно».

В то время я увлекался всякими классификациями. Сказал тебе, что, по-моему, люди делятся на жаждущих власти, работников и творцов. Ты засмеялась и сказала, что в моей «менделеевской таблице» явно не хватает многих элементов. Меня это не обидело, потому что ты сказала это незло. Виктора всё не было. Ты стала смотреть книги, пластинки. Сказала вдруг: «Поставь Баха». Я включил проигрыватель, и что-то произошло. Я смотрел на тебя и думал, что комната словно осветилась, ты оживила её. Звучала музыка. Я как будто увидел тебя впервые. Почему я не заметил, что ты похожа на героиню картины «Рождение Венеры» Боттичелли? А ведь я даже вырезал репродукцию из журнала и часто рассматривал её.

Особенно притягивал взгляд. В нём светились сила и незащищённость, распаханность и таинственность. И удивительное спокойствие понимания и верности.

Я мечтал, что когда-нибудь встречу такую женщину – и жизнь преобразится. Всё мелкое и ненужное уйдёт из неё. И не видел, что ты уже рядом, совсем близко от меня. Где были мои глаза и моё сердце? Теперь больше всего на свете я хотел, чтобы ты никуда не уходила из моей комнаты. Потом пришёл Виктор, мы выпили, смеялись, шутили, а я понял, что упустил в своей жизни самое главное – тебя. И мне было тоскливо.

Когда я отучился на филфаке, меня ждало распределение в деревню. Правда, мой диплом многих заинтересовал. Я коснулся тем, которые не рассматривались, и пришёл к неожиданным выводам. Поговаривали об аспирантуре, но я понимал, что это всего лишь разговоры, потому что у преподавателей были свои дети и другие родственники, которых надо было пристроить.

Виктор сказал: «Ты серьёзно собираешься в деревню?» – «Да. Нужно же кому-то учить этих детей». – «Ну что ж, в жизни всегда есть место подвигу».

В университете нам пудрили мозги высокими материями, теориями о том, что частей речи две, а может быть, четырнадцать или даже больше. Всё это для работы в сельской школе не имело никакого значения. Нужно было уметь растапливать печку, колоть дрова и не сходить с ума долгими одинокими вечерами, разговаривая с самим собой.

В осенние каникулы я вырвался в город, оторвался по полной программе: ходил по приятелям, пил вино, бродил по городу и всё время думал о тебе, но прийти к вам почему-то не решился. Встретились с тобой, когда я уезжал. Ты шла на работу, в библиотеку, куда тебя устроил Виктор, а я на вокзал. Когда я увидел тебя, больно сжало сердце от мысли, что у нас ничего не может быть. Ты, как всегда, была приветлива, расспрашивала меня о житье-бытье. Я что-то угрюмо бурчал, ты поняла моё настроение, что мне плохо. «Обещай, что ты напишешь мне, всё расскажешь». «Посмотрим!» – сказал я. Ещё не хватало, чтобы Виктор читал мои письма.

Приехав в деревню, я действительно стал писать тебе, зная, что ты никогда не увидишь моих писем. Я рассказывал, что здесь совсем не так, как в городе. Из всех окон на тебя смотрят, ты всегда будто под прицелом. Печка не топится, что-то с ней не так, я сплю с обогревателем у постели. Пришёл какой-то пьяный печник, потребовал водки, разобрал полпечки и больше не появлялся. В халупе, где меня поселили, десять лет никто не жил, бегают непуганые мыши и очень удивляются моему присутствию. Про то, что у меня нет даже туалета (бегаю в кустики), я не решился написать.

Я писал, что дети здесь не похожи на городских, словно с другой планеты, и я для них для всех чужак-инопланетянин.

Письма копились, я настроил их целую пачку. Ты как будто была рядом, я разговаривал с тобой, и мне становилось легче.

В городе я провёл только часть зимних каникул: директор школы сказал, что каникулы для детей, а для учителей это рабочие дни. Я

отоспался, отмылся как следует, насладился домашним уютом, погулял по знакомым с детства улицам, украшенным праздничными гирляндами. А главное – встретил Новый год у вас. Там было много знакомых и незнакомых, в шуме и веселье поговорить толком не удалось. Я бодрился, шутил, рассказывал смешные истории из деревенской и школьной жизни. Танцевал с тобой и был счастлив. «Почему ты мне не пишешь?» – спросила ты. «Я пишу», – ответил я. Но тут музыка кончилась, и мы пошли к столу.

Через месяц я сильно простудился, лежал в своём холодном доме, закутавшись, как мог, и непрерывно кашлял. Пришла какая-то женщина, сказала, что фельдшер. Измерила температуру и велела пить чай с мёдом и малиновым вареньем. Ни того, ни другого у меня не было, я лежал, трясаясь от озноба, и думал, что так можно загнаться. Тогда же я решил, что выздоровею и сразу сбегу отсюда, пока не поздно.

Не успел я поправиться, как у меня сильно заболел зуб. Промучившись две ночи, я отпросился в райцентр, в больницу.

Начиналась метель, но это не остановило меня. Я шёл к литерному поезду и знал, что в деревню больше не вернусь. Пусть хоть расстреляют. Метель набирала силу. Где-то на середине пути ветер начал сбивать с ног, снег сёк лицо. Я закрылся рукой и с трудом двигался вперёд, не понимая, правильно ли я иду, потому что всё вокруг меня было бело и ничего не было видно. Деревня не хотела меня отпустить. В отчаянии я крикнул, обернувшись: «Проклятая дыра! Я всё равно уеду! Всё равно!»

Наконец, я увидел ориентир – силосную башню. За ней были другая деревня и полустанок.

Приехав в город, я напился обезболивающих лекарств и нашёл Виктора, который был уже инструктором горкома комсомола. Он, сочувственно меня выслушав, сказал: «Ну, Вэл, что и требовалось доказать. Не знаю, зачем ты решил помучиться. У меня есть знакомый в облоно. Он мне должен. Сделает тебе открепление, раз не предоставили нормального жилья».

Спустя две недели я получил в школе расчёт и начал жизнь с нуля. Теперь, когда я был в одном городе с тобой, что-то могло измениться в наших отношениях. Эта мысль волновала и радовала меня. В жизни иногда сбываются даже самые невероятные мечты. Главное, чтобы они были.

Когда я вернулся в город, мир стремительно изменялся. В деревне это было незаметно, а здесь прежняя жизнь таяла вместе с весенним снегом. Появились новые слова: перестройка, ускорение, гласность, ветер перемен. Появились люди, произносившие их.

Под перестроечное словоблудие страна начала сходить с ума. Будто всех долго держали взаперти, и вдруг надсмотрщики куда-то делись, а двери камер оказались открытыми.

Вырвавшись на волю, опьянённые бесконтрольностью, люди пустились во все тяжкие. Мужчины исходили истомой от порнофильмов в видеосалонах, женщины открыто пили вино и пиво на улицах и в скверах, чего раньше себе не позволяли.

Видеосалоны размещались где попало. Один, например, был просто в автобусе на вокзале. Попавшие на задние сидения постепенно грудились в проходе, разглядывая через головы подробности происходящих на телеэкране событий.

Во множестве расплодилось напёрсточники и другие разновидности мошенников. С них открыто собирали дань милиция и бандиты.

А с утра все бежали в очереди к газетным киоскам прочесть очередное скандальное разоблачение прежних правителей.

Характер эпидемии, с постоянной гульбой и пальбой, когда стало опасно ходить по улицам, жизнь приняла немного позже, но сумасшествие уже начиналось. Долго сжимавшаяся внутри каждого пружина стремительно разжалась, и самыми расхожими фразами того времени стали: «Да у неё просто крыша поехала» и «У него совсем башню сорвало».

– Знаешь, Вэл, – говорил Виктор, – скоро всё, что было, уйдёт в прошлое: КПСС, комсомол, вся эта тошнотворная фигня. Будет эпоха первоначального накопления капитала. Надо просто делать деньги, пока всё опять не устаканилось, пока появились возможности.

И он делал. Проводил платные дискотеки, продавал гербалайф, организовал торгово-закупочный кооператив, продолжая работать в горкоме. Его энергия наконец-то нашла применение. Он и меня пытался в это втянуть, но я был занят другим: осваивал новую профессию – журналиста. Виктор пристроил меня в новую городскую газету, миссия которой – показать, как ветер перемен преобразует жизнь.

Как и любая газета, новая рисовала свою информационную картину мира, соответствующую поставленным задачам, отбирая и комментируя факты так, как нужно. На первых порах нуждались в перестроечном романтизме, и мы его искренне выдавали, не представляя, какой катастрофой всё это обернётся.

Чтобы встретиться с тобой без Виктора, я придумал тему, связанную с работой библиотек. Ты обрадовалась, увидев меня. Как раз начинался обеденный перерыв, и мы пошли в кафе неподалёку выпить кофе. Это кафе постепенно стало местом наших постоянных встреч. Мы разговаривали обо всём, что приходило в голову, шутили, смеялись, сближаясь всё сильнее. Я чувствовал, что влюблённость перерастает в настоящую любовь, и уже не мог без этих встреч. Нам было вдвоём легко и весело.

Однажды мы потянулись одновременно к салфетке, и наши пальцы встретились. Я положил ладонь на твою, и ты не убрала её. Я не смог удержать силу нежности, хлынувшей из меня, стал гладить, ласкать твою руку, и ты ответила. Наши пальцы зажили самостоятельной жизнью, переплетаясь, танцуя, передавая то, что мы ещё не решались назвать. Я гладил твоё лицо, и ты смотрела на меня каким-то новым взглядом. В нём были удивление и благодарность. Не знаю, любила ли ты меня тогда? Но каждой женщине нужны восхищённое внимание и нежность. Ты не удержалась и ответила мне. Виктору, вероятно, было не до тебя, он упивался новыми возможностями. Да и мы, встречаясь, не думали о нём, будто попадали в особое, отдельное

от всех, только наше пространство. Я совсем потерял голову, забыл, что ты – жена друга.

Мы встречались через две недели. Потом чаще. Я просто звонил тебе или ты мне. Иногда я трезвел, мучился чувством вины по отношению к другу, решал всё закончить, но оттягивал это.

Однажды ты сказала: «Мы делаем что-то не то. Давай не встречаться без Виктора». «Давай», – ответил я.

Мы протерпели только десять дней. Ты позвонила и сказала, что очень хочешь меня видеть. Очень.

Когда я приходил к вам иногда, на дни рождения, Новый год, всё было по-прежнему. Виктор рассказывал о своей бурной жизни, я – о своей. Никто не знал о нашей с тобой тайне. Нам везло. Следующей весной мы опьянели от солнца, стали ходить по безлюдным улочкам и целоваться в подворотнях, но ни разу не нарвались на знакомых.

Ты говорила: «Нежный мой, маленький, я чувствую, как ты меня любишь. Это так чудесно!» И время останавливалось. Я купался в этих словах, уносился куда-то ввысь, и сердце моё ещё сильнее сжималось от любви. Как тебя описать? Твою хрупкость, твой нежный взгляд? Разве это возможно? Ты была для меня всем в тот момент, когда я гладил твои руки, а ты говорила: «Как хорошо, как хорошо, как хорошо, что ты есть на свете, такой, как есть».

Летом Виктору предложили работу в Москве, он колебался, ехать или нет, были перспективы и здесь. Я решил, что надо как-то определяться в наших отношениях с тобой, пока он не увёз тебя, поехать с тобой на дачу и там, в тишине, на природе, где никто не помешает, сказать наконец, что не могу без тебя жить, что хочу жениться на тебе.

У тебя был свободный день, я взял отгул, и мы отправились в эту поездку, которая, как мы оба чувствовали, должна была что-то определить.

Мы шли по лесной дороге, и всё восхищало тебя: резные листья высоких дубов, шум ручья, переливающегося серебром, ярко-зелёная лужайка в стороне от тропинки. Трава была ещё свежа и густа, ты упала в неё, раскинув руки. «Всё, никуда не хочу, останусь здесь!»

Мы лежали, глядя на облака,двигающиеся в небе. Я сжимал твою ладонь, и действительно хотелось, чтобы это всё длилось, длилось, длилось...

На даче, вместо того, чтобы начать разговор о нашем будущем, я стал жадно целовать тебя всю прямо через одежду. Ты немного растерялась, потом разделась и легла, вздрогнув, на кровать: деревянная дача ещё не успела нагреться, и простыни были холодные. Я опять стал целовать твоё тело от шеи до ступней, изнемогая от желания. Ты лежала, закрыв глаза, и вдруг резко села и сказала: «Нет, прости, я не могу так, не могу. Я дура, прости меня».

Я выскочил из дачи как ошпаренный. Отдышался. Птицы щебетали, как ни в чём не бывало, розовели черешни, а у меня внутри всё оборвалось, лопнуло, как струна, которая была слишком сильно натянута. Обида постепенно становилась какой-то чёрной пустотой.

Ты вышла уже одетая.

– Поедем?

– Поедем.

Я закрыл дачу, и мы в молчании побрели по лесной дороге к автобусу.

Приехав в город, сразу попрощались.

– Пока.

– Счастливо.

И разошлись в разные стороны.

На другой день я пришёл из редакции поздно – отработывал отгул. В двери торчала записка: «Хорошо, что я не застал тебя, а то бы, наверно, набил морду. Не ожидал такой прыти, шустрый ты фрукт оказался. Юлька мне всё рассказала. У меня к тебе последняя просьба: ради нашей бывшей дружбы дай ей спокойно уехать со мной в Москву. Не разрушай семью. Она моя жена. И любит меня. И я её люблю. Что ты творишь? Ну поиграли в романтику, и хватит. Я сам виноват, совсем закурился, мало ей внимания уделял. Но теперь всё пойдёт по-другому. Будь человеком, не дёргай её. Не появляйся. Виктор».

У меня было ощущение, что это происходит не со мной, или со мной, но во сне. Я перечитал записку несколько раз, чуть не плача от обиды и на тебя, и на Виктора, и на весь мир. Скомкав записку в кулаке, сбежал вниз по лестнице.

Не могу сейчас вспомнить, по каким улицам я ходил и сколько времени. Была глубокая ночь, когда я оказался на окраине города. Впереди было шоссе, дома остались за спиной.

В голове звенели фразы: «Всё рассказала... Ради бывшей дружбы... Будь человеком...»

Придя домой, я упал на диван и заснул как убитый, а пробудившись утром, увидел, что всё ещё сжимаю в кулаке записку Виктора.

Я не знал, когда вы уезжали, нужно было как-то убить несколько дней. Боль, обида, стыд, тоска по тебе – всё смешалось в душе. Где-то на самом её доньшке теплилась глупая надежда, что ты придёшь ко мне, решишься уйти от Виктора.

«Всё рассказала». Что «всё»? Вдруг – что не можешь без меня жить. Я ничего не знал. Два дня никуда не выходил, не был на работе, сказал, что заболел. Я ждал тебя, а потом понял, что Виктор делает всё, чтобы этого не допустить.

Что было потом, я помню смутно. Я не мог быть один, таскался по приятелям, пил с ними. Остановился только после разговора с редактором газеты, который хотел меня уволить.

И началась другая жизнь – существование без тебя.

Когда живёшь не так, как хочешь, то изменяешься и сам. Я надеялся, что если буду жить с тобой, то стану лучше – радостнее, талантливее, счастливее. Однажды в кафе ты сказала: «Ты живёшь, не раскрываясь, не реализуясь. Иногда я думаю, если бы мы были вместе, ты бы открылся, взлетел наконец, а то ты даже не бежишь по взлётной полосе, просто прогуливаешься».

Теперь я даже не прогуливался по взлётной полосе – шёл, куда говорили. Газету начали заполнять платные материалы, так называе-

мая заказуха. Раньше я под разными предлогами отлынивал от этого, занимался другими темами, в том числе и для души. Теперь стало всё равно.

И когда надо было хвалить очередного «благотворителя», давшего денег на храм, — хама с наколками на пальцах, основной бизнес которого — вымогательство, — посылали меня. И я делал из косноязычного чудовища Цицерона — рассуждающего о нравственных ценностях и благе государства, ибо оплачено.

Сломавшись внутри, я превратился просто в авторучку, которая пишет, что нужно.

Я думал, что невозможно заставить себя не писать стихи, но у меня и это получилось, потому что я писал только о том, что не могу без тебя.

Так незаметно прошло пятнадцать лет, как в дурном сне. Конечно, у меня были женщины, и, когда я их целовал, было приятно. Но совсем не так, как было у нас. Касаясь тебя, я ощущал слитность и родство не только с тобой, а с жизнью вообще, будто ты и представляла жизнь. Обнимая тебя, я обнимал всё существующее. Это так же трудно передать словами, как музыку. Она звучит, и душа сливается с ней.

Когда мы виделись и касались друг друга, всегда возникало тайное пространство, принадлежащее только нам, где мы были по-настоящему свободны. Я не боялся, что ты не поймёшь меня, не откликнешься. Мне было с тобой легко и радостно. Я мог быть самим собой. Происходило то, что больше никогда не получалось у меня ни с кем другим.

За это время я сменил несколько газет и журналов, они возникали и исчезали, как бабочки-однодневки. Декорации стремительно менялись, но суть — гибельное сумасшествие происходящего — оставалась прежней. Менялись лишь группировки, борющиеся между собой за власть и денежные потоки.

О тебе я не знал ничего. Виктора иногда видел на телеэкране, он сделал неплохую карьеру. Последний раз он мелькнул в роли руководителя солидного инвестиционного фонда. Режиссёр показал крупным планом его лицо. У Виктора был пустой, остановившийся взгляд. Наверное, не заметил, что камера включена. Лицо человека, придавленного упавшим деревом в лесу, где его никто не спасёт, и смирившегося с этим. Видимо, столько раз пришлось переступить через человеческое в себе, что ничего живого не осталось.

Он хотел изменить к лучшему правила игры, но сам стал рабом правил, придуманных другими, винтиком в системе глобальной лжи. Может, и есть на планете десять человек, которые реально их создают и держат все нити в своих руках, но попасть в эту десятку практически невозможно. Остальные лишь подыгрывают им.

Мне стало обидно и за Виктора, и за себя, и за всех. На работе нужно было написать очередную заказуху, но я понял, что не могу больше врать. Просто тошнит.

Уволившись, я долго не мог найти работу, где не требовалось бы вранья. Потом устроился сторожем и приёмщиком в этот хлебный

магазин, потеряв в зарплате, но выиграв в неучастии во лжи. Хлеб он и есть хлеб, был и будет хлебом, основой жизни.

Я не читаю газет, не смотрю телевизор. У меня нет компьютера. Я в стороне от происходящего. И до сегодняшнего утра меня это устраивало.

Но ты прорвалась ко мне откуда-то и разбудила меня. Я понял, что моё спокойное существование – неправда. Я просто пуст внутри без любви, моя душа равнодушна и, по большому счёту, ничего не хочет. Я не спрятался, я потерялся. И нужно найти себя, своё, раз я человек, возможно, найти в чём-то общем, что нужно всем, в большом деле. Побегать вперёд со знаменем в руках, вместе со всеми отстаивая Правоту с большой буквы, а не сидеть, глядя пустыми глазами в окно.

Свет – то, что светит. Он виден всем. Что это за свет, спрятанный в тёмном чулане и говорящий, что он свет, просто его не видно в этой жуткой тьме? Свет – это то, что стало, что есть, а не станет когда-то. Я уверен, что ты осталась такой же, как была: живой, настоящей, поступающей так, как велит сердце. К тебе не липнет жизненная грязь.

Жизнь – бесконечное количество возможностей. Но мы живём так скудно, убого, довольствуясь лишь крохами радостей, и не умеем наслаждаться тем, что можем видеть, слышать, чувствовать, петь, танцевать, любить, прикасаться пальцами и губами к нежной плоти бытия.

Почему нами управляют страх, условности, придуманные кем-то для своей выгоды правила? Ведь победить можно только любовью.

Любить небо и землю, облака и деревья, всё живое и дышащее. А главное – людей. Ближних и дальних. Жить внутри любви. Пусть несчастные дерутся, мечутся, отнимают друг у друга копейки и крошки. Не нужно хватать их за руки, угрожать, заклинать. Утративших разум и человечность ничем не остановишь. Надо противопоставить им любовь, окружить любовью, взять любовь в плен. Это будет магнитом, который постепенно притянет всех. И перетянет.

Не злиться, не беситься, а просто любить, несмотря ни на что. Обидеться на жизнь и людей легко. Любить и труднее, и радостнее. Но всё равно любить легче, потому что это так же естественно, как петь и дышать. Я знаю, что ты понимаешь, о чём я говорю.

Ты разбудила меня, и я почувствовал, что никогда не переставал любить тебя, просто зарыл это чувство глубоко-глубоко в душе, чтобы не было слишком больно. Всё осталось по-прежнему, и я обязательно найду тебя, где бы ты ни была, и, значит, найду и себя, потому что я пока не умер и, значит, могу ещё хоть день успеть побыть настоящим.

**Николай
БЕСЕДИН**

МОЯ ЗЕМЛЯ КАК ЛЕТОПИСЬ СОБЫТИЙ...

РОССИЯ

Непроходящая боль материнская.
Жребий высокий, да долюшка – низкая.
Лико – пречистое, очи – пресветлые,
Да по ногам-то всё грязи несметные.
Высветит солнцем душа незакатная,
Беды не скроют и промыслы ратные.
В вечной нужде, как в молитве, склоняется,
И не грешна перед миром, а кается.
Доволь богатства, а всё поразвела,
Столько не сжала, сколько посеяла.
Выйдет живой из огня – да в полымя.
Вспомнить себя бы – забыла, как имя.
Дети чужие всё ближе, чем кровные,
Сердце святое, да руки греховные.
В серой понёве, в платье цветастом,
То улыбнётся берёзам вихрастым,
То опечалится речке и полю,
Вытрет икону, наплачется вволю,
Выдохнет тяжкое, душу гнетущее,
Скажет о малом, а выйдет про сущее.
Хоромы оглянет, поохает малость,
Чуду сподобится, миру на зависть,
И побредёт по разбитым дорогам
То ли под нехристом, то ли под Богом.

-
- Николай Васильевич Беседин родился в 1934 году в Кемеровской области. Окончил Мореходное училище в Ораниенбауме (1956 год), Литературный институт (семинар Н. Сидоренко) – в 1963 году. Работал в институте ядерной физики, научно-исследовательских институтах, Госплане СССР. Автор 16 сборников стихов и «Избранного» в трёх томах (издательство «Русский мир», 2009 год). Лауреат литературных премий им. Н. Заболоцкого, И. Бунина, А. Чехова, международной премии «Золотое перо». Живёт в Москве.

***

Я живу на обломках идей,
На развалинах Божьего храма,
В государстве усталых людей,
Посреди многоликого срама.
И когда для надгробий кресты
Обречённо увозят на Терек,
Мне на память приходят киты,
Что выбрасываются на берег.

***

Я люблю ту великую, грешную,
Ту ушедшую в вечность страну
И за веру её сумасшедшую,
И за праведную вину.
Не просила у мира, не кланялась,
Берегла свою честь испокон.
И прости её, Боже, что каялась
Не у тех, к сожаленью, икон.
Было всё: упоенье победами,
Были разными годы и дни,
Но над всеми смертями и бедами
Было что-то, что небу сродни.
И когда-нибудь праздные гости
Спросят новых вселенских святых:
– Что за звёзды горят на погосте?
И услышат:
– Молитесь о них.

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

Судьба не любит заклинаний
И мстит жестоко за гордыню...
Кому он – гимн воспоминаний?
И мы зачем – такие – гимну?
Ах, старый дом! Он мил и дорог
Лишь тем, кто дал ему обличье.
И даже диссонанс подпорок
Не портил музыки величья.
А те, кому он дан в наследство,
Он – символ затхлости и плена.
И манит то, что по соседству, –
Чужие окна, двери, стены...
Судить отцов считая вправе,
Мы окна настезь отворяли,
Но по великой той державе

Не ветры – сквозняки гуляли.
Мы думали, что мы молились
И за живых, и за распятых,
А мы смертельно простудились
На сквозняках шестидесятих.
И мир запомнил не победы –
Оставим в стороне лукавство, –
А наши жалобы и беды
В том неподвластном злату царстве.
Прости, Россия!
У иконы
Стоим и молимся о чуде –
Шестидесятники Симоны,
Шестидесятники Иуды.

***

Снег идёт, снег идёт, снег идёт.
Как вчера. Как сто лет. Как впервые.
Снова кто-то с надеждой поёт:
– Аве, Мария!
От беды, от огня, от воды,
От всего, что терзает и ранит,
От всего, что оставит следы,
От всего, что следов не оставит,
Ты спаси, ты спаси, ты спаси!
Просят добрые люди и злые.
И вздымаются руки без сил:
– Аве, Мария!
День за днём, от дорог до дорог,
Где добра и прощения мета,
Где упали не вдоль – поперёк,
Словно лезвия, полосы света,
О тебе, о тебе, о тебе
На воде, на земле, в небе синем,
О грядущем твоём, о судьбе:
– Аве, Россия!

***

Если время потребует жертвы
В судьбоносный истории час,
Значит, мы ещё духом не мертвы
И любовь не покинула нас.
Если мы не смиримся в бессилье
И отринем вселенское зло,
Значит, мы ещё дети России
И победа встаёт на крыло.

ЦВЕТЫ НА СКАЛЕ

Моя земля как летопись событий.
Вглубь проходя за слоем новый слой,
Найдёшь снаряд, по горло в землю вбитый,
Заросший мохом и разрыв-травой.
Потом картечь и маузер разбитый,
Что был отмечен не одной бедой,
И глубже чуть – омытые водой
Панелей окровавленные плиты.
А там, где глыбы глины и песка,
Найдёшь кривую саблю Кончака
И жемчуга, как слёзы Ярославны.
И мы пройдем – цветами на скале.
Но пусть наш след останется в земле,
Там, где закат в росе качали травы.

ГОНЕЦ

День отгремел грозою и ушёл.
Деревня спит.
Ни огонька в деревне.
Лишь слабый отблеск –
Символ жизни древней –
Костёр на берегу реки Оскол.
Переливаясь в Северский Донец,
Вода огнём задумчиво играет...
Кто у костра? Турист ли отдыхает,
Или уставший княжеский гонец?
Сойдя с лодьи, он высек из кремня
Очаг тепла и зыбкого приюта.
Болотный голубец заваривая круто,
Он не отводит взгляда от огня.
Глоток отвара завершит еду.
И сон короткий, как полёт кометы,
Прервёт гонец задолго до рассвета
И дальше, дальше понесёт беду.
Но спит пока медлительная Русь,
Спит в теремах и огнищах былинных.
Лишь мать склонилась над уснувшим сыном,
Предчувствуя всем сердцем смертный груз.
Лишь старый воин вышел за порог
И долго-долго в забытии тревожном,
Культипой кистью проводя по ножнам,
Всё смотрит неотрывно на восток.
Спокойна ночь. Но догорел костёр,

И горизонт взметнулся от пожара.
Гонец сгребаёт уголёчки жара,
Идёт к лодье и достаёт багор.

***

Мне мешает, мне что-то мешает
Навсегда распроститься с тобой.
То ли ангел над нами летает,
То ли ветер кружит снеговой,
То ли память, как птаха на стуже,
Всё не веря, что лето ушло,
Над местами заветными кружит,
Будто прежнее ищет тепло.
Иль душа на развилке дорожной
Всё никак не отыщет пути.
И вернуться назад невозможно,
И безрадостно дальше идти.
Или, может, как поле в преддверье
Прячет жаркое лето в стогу,
Так и я твоё светлое имя
В отлюбившей душе берегу.

***

Ко мне приходят ночью корабли,
Тревожной ночью, стонущей от ветра,
Когда вблизи не отыскать и метра
Среди штормов незыблемой земли.
Они идут доверчиво ко мне,
К моим рукам, как будто бы к причалам,
И мачты их склоняются устало
К моей груди в том необычном сне.
Я глажу их шершавые борта
И говорю по-человечьи нежно,
Что ведь земля, наверное, и та
Устала мчаться в космосе безбрежном.
Зачем вам одиночество морей,
И океанов ад девятибалльный,
И северных созвездий свет прощальный?
Зачем они?
Что Родины милей?
Что за её пределами найдёшь?
А эта ночь забудется едва ли.
И пробежит по корабельной стали
Живая человеческая дрожь.

***

Три путника шли по дороге ночной.
И каждый – с молитвою к Богу.
Один возжелал:
– Ниспошли мне покой,
Хранитель, за вечным порогом.

Другой торопил всё молитву свою,
И жар трепетал в каждом слове:
– Любовь дай, Господь!
Об одном лишь молю!
Всевышний! Как жить без любви?

А третий на землю глаза обратил:
– Наверное, жил я негоже.
И каялся мало.
И много грешил.
Оставь всё как было, о Боже!

***

Какое странное окно
Живёт напротив в доме.
По вечерам оно темно,
Хотя светлы все, кроме
Квадрата мрачного его,
Как входа в царство ада.
И никого, и никого –
Ни помысла, ни взгляда.
Когда же полночь пропоёт
В моих часах старинных,
Там чей-то профиль свет зажжёт,
Тревожа мрак совиный.
Недвижно встанет у окна
И смотрит, смотрит в темень.
И ночь, как верная жена,
С ним коротает время.
И так стоит он час, другой,
Как тень, в оконной раме,
Свет негасимый за спиной,
И тьма – перед глазами.

***

Выбрасывают книги на помойку.
Наверно, завершают перестройку.
Иль, может быть, готовит человек
Себя к отплытью в XXI век.

А там всё будет круто и толково,
Обузой станет человеку Слово.
Не будет ни сонета, ни романа,
А будут только кнопки и экраны.
И всё заменит – шёпот, стон и крик –
Компьютерно-рассудочный язык.
И будут петь и плакать – все на нём.
Но, слава Богу, мы не доживём.

***

Всё принимать, что разум воплотил
В бетон и сталь, в материю прогресса,
И не жалеть о том, что позабыл
Хмельную горечь мартовского леса.
Глядеть, как надвигаются дома,
С каким-то неосознанным испугом.
Уехать прочь.
И вдруг сойти с ума
От бабочки, порхающей над лугом.

***

Вот опять разболелась душа.
Что-то ломит её и корёжит.
То ли годы пора подытожить,
То ли нечем ей стало дышать.
Я устал на земле мельтешить.
У меня состоянье такое,
Словно нужно столетье покоя,
Чтобы снова неистово жить.
В мокрой глине с корнями травы
В тишине безраздельной сплетаясь,
Раствориться в земле.
Иль, скитаясь
Во Вселенной пылью синева,
Всё забыть:
Кем я был, чем я стал...
И очнуться в тридцатом столетье,
Чтоб увидеть всё то же на свете,
От чего я в двадцатом устал.

2014-й объявлен Годом культуры. Проводится он «в целях привлечения внимания общества к вопросам развития культуры, сохранения культурно-исторического наследия и роли российской культуры во всём мире», как сказано в Указе Президента В. В. Путина, подписанном 22 апреля 2013 года.

Год культуры – идея очень своевременная, потому что её воплощение может отразиться на дальнейшем развитии и повседневном существовании российской культуры и искусства. Было бы прекрасно, если бы всё не ограничилось только проведением мероприятий: праздников по поводу значимых памятных дат, выставок и фестивалей, хотя они тоже, разумеется, необходимы.

Речь о том, чтобы проведение Года культуры запрограммировало её дальнейшее развитие. И помогло бы решить её, культуры, проблемы. А самая проблемная область культуры – литература.

2015 год будет объявлен Годом литературы. Конечно, необходим ряд мероприятий, связанных с российской словесностью. Но, думается, прежде всего в этот год стоит поддержать тех, без кого невозможно существование литературы, – писателей. Пожалуй, из всех творческих работников писатели – социально самые не защищённые. Есть артисты, художники, музыканты. Но нет такой профессии – писатель. Даже Литературный институт выпускает «литературных работников», а не поэтов, прозаиков и т. п. Писатель не может заработать себе на жизнь своим трудом, его творческая деятельность не засчитывается в стаж, и пишущий человек, если он создаёт не серийную литературу на заказ, а индивидуальные литературные произведения, вынужден зарабатывать на жизнь чем угодно, только не писательством, в ущерб своему творчеству. Не говоря уже о сложностях издания и распространения авторских книг.

Как поддержать писателей, как привлечь читателя к их произведениям, как поднять престиж литературы и активизировать её влияние на общество? У самих литераторов есть что сказать о «наболевшем». Год культуры и Год литературы должны начинаться с нас самих. В новой рубрике нашего журнала мы предлагаем высказать своё мнение, свои варианты решения проблемы – писателям, живущим в нашем городе.

«МЕЧТАТЬ НЕ ВРЕДНО...»

Беседа с детским писателем
Михаилом Александровичем
Каришневым-Лубоцким

6 ноября 2013 года известному детскому писателю, нашему земляку Михаилу Александровичу Каришневу-Лубоцкому исполнилось 65 лет. В связи с этим представитель редакции нашего журнала встретился с Михаилом Александровичем и задал ему несколько вопросов.

– Михаил Александрович, подводили ли вы предварительные итоги своей творческой и общественной деятельности, ведь юбилей – самое подходящее для этого время?

– Итоги я подвёл. Опубликованы почти все мои произведения (но не все!). Поставлены в тридцати профессиональных театрах и в сотне ДК и клубов шесть моих пьес-сказок. Тысячи (десятки тысяч? сотни тысяч?) читателей познакомились с моими произведениями в интернет-библиотеках. Есть публикации в журналах и газетах. Отмечен литературными премиями... И всё-таки я чувствую, что мне удалось реализовать свои возможности далеко не на сто процентов. Подвёл я предварительные итоги и по такому направлению своей работы, как «общественная деятельность». И пришёл к выводу, что пора мне её прекращать. За те девять лет (2005–2013 гг.), что я и мои друзья по Ассоциации Саратовских Писателей посвятили составлению хрестоматий для детей, выпуску книг саратовских авторов, проведению десятков встреч с читателями, правке и редактированию чужих материалов для журнала «Волга–XXI век», а также участию в других мероприятиях, так или иначе связанных с поддержкой и развитием чтения в нашем регионе, – за эти девять лет на мою голову и головы моих товарищей было вылито столько грязи и откровенной лжи, что я решил с этой «общественной деятельностью» покончить. Принял такое решение, облегчённо вздохнул и мысленно повторил знаменитое изречение Мартина Лютера Кинга: «Свободен! Наконец-то свободен!»

– Вы хотите сказать, что в Год культуры и Год литературы решили заняться исключительно литературным творчеством и не участво-

вать ни в каких мероприятиях, не предлагать литературных проектов?

– Увы, моё «душевное расслабление» длилось недолго. Ровно через 15 дней после моего юбилея, а именно 21 ноября 2013 года, Президент России В. В. Путин, принимая активное участие в проведении «Российского литературного собрания», озвучил ряд своих предложений и серьёзных инициатив по решению накопившихся за долгие годы проблем, связанных с поддержкой и развитием отечественной литературы, русского языка, книгоиздания. Вряд ли Президент читал мои статьи в «Литературной газете», «Литературной России» и тем более в саратовском «Земском обозрении», опубликованные в нулевые и десятые годы нового тысячелетия. Но многие мнения Президента чудесным образом совпали с моими мнениями. Более того, деятельность нашей АСП пусть и весьма скромно, однако совпала с теми пожеланиями, которые высказал В. В. Путин 21 ноября 2013 года.

Итак, моё душевное успокоение, которое длилось ровно 15 дней, мгновенно улетучилось. Я поверил в добрые намерения Президента, мне даже захотелось включиться в эту работу, но... Президент далеко, он в Москве, Москва тоже далеко, а я и мои коллеги – в Саратове. А здесь с литературными делами за последние четверть века такая фантазмагория приключилась!.. Ну, и как губернатор будет реализовывать пожелания Президента – а он захочет это делать, – если его ближайшие помощники в этой фантазмагории, как я догадываюсь, ничего не понимают, впрочем, как и их предшественники на этих постах, и, главное, судя по всему, понимать ничего не желают.

Чтобы не быть голословным, приведу парочку примеров. Летом 2012 года я и ещё двое членов АСП нанесли ознакомительный визит новому министру культуры и предложили несколько своих проектов: издать к юбилею К. С. Петрова-Водкина его знаменитую книгу автобиографических повестей (которую затем губернатор мог бы презентовать на разных, Всероссийского и областного уровня, культурных мероприятиях); в рамках премиального фонда литературной премии имени М. Н. Алексеева учредить ещё две литпремии: имени К. А. Федина и А. Н. Радищева (вместо трёх «алексеевских» вручать одну «алексеевскую», одну «фединскую» и одну «радищевскую»), учредитель всех трёх премий – губернатор, а также по одному соучредителю – от реготделения СП России, АСП и литмузеев. Ещё предлагали провести областное совещание по литературным проблемам (типа «Российского литературного собрания») и областное совещание молодых писателей. По всем предложениям мы получили отказ.

– Насколько я помню, нам предложили написать проекты, затем самим изыскать средства на их реализацию, а после этого министерство обещало оказать нам всемерную поддержку, без которой, конечно, проведение подобных мероприятий состояться не может.

– Да, наверное, министр культуры искренно считает, что деньги на издание книги Петрова-Водкина и проведение областного совещания молодых писателей должны искать мы с вами, а не министерство. В октябре 2013 года на сайте «Взгляд-инфо Саратов» министр куль-

туры провела онлайн-конференцию. Я задал ей несколько вопросов. Министр мне ответила. Но конкретики в её ответах не было. То ли она не поняла, о чём я её спрашиваю, то ли не смогла по каким-то причинам прямо ответить.

– Видимо, такая позиция власти связана с наличием определённых проблем в сфере культуры?

– Как я понял, есть две большие проблемы. Первая: банальное отсутствие денег в бюджете области. Вторая: незнание литературной ситуации в регионе и нежелание эту ситуацию понять и осмыслить. И, осмыслив, приняться за реализацию конкретных проектов. Как сейчас модно говорить: «нет дорожной карты».

– Хорошо, но как нам создать эту «дорожную карту»?

– Возьму на себя смелость предложить своё видение решения некоторых проблем. Мой вариант решения первой проблемы: создание попечительского совета «Регионального Фонда поддержки и развития чтения и книгоиздания». Но сначала приведу пример из личного опыта: ни сама АСП, а также никто из членов АСП за всё время существования АСП не получили на издание своих книг ни одного рубля из бюджета. Что, однако, не помешало отдельным саратовским журналистам публиковать в СМИ сообщения о многотысячных тратах АСП бюджетных средств на свои книги и различные мероприятия. АСП получала спонсорскую помощь от членов попечительского совета АСП. От бизнесменов. А деньги на издание хрестоматий и журнала «Волга–XXI век» получали издательство СГСЭУ (выиграв грант по конкурсу!) и ГАУ «Саратов-Медиа». Ладно, пусть Бог простит этих журналистов, а заодно и некоторых господ и дам, чьи высокие должности я даже боюсь назвать... Итак, опыт АСП подсказывает: нужно создать попечительский совет «Регионального Фонда поддержки и развития чтения и книгоиздания». Если губернатор и депутаты областной Думы примут решение такой фонд создать, то его создадут. Попечительский совет тоже, Бог даст, образуется. Желающие поддержать инициативы Президента России, наверное, в губернии найдутся. Кстати, и в Москве тоже. Например, в здании на Охотном Ряду. Были бы воля и желание со стороны Саратова проявлены.

На «Программу по изданию книг саратовских авторов в 2015 году» желательно бы наскрести миллионов десять. Год литературы как-никак!

– Думаю, такие средства вряд ли найдутся.

– «Денег всегда нет, и деньги всегда есть!» – говаривал некогда Д. Ф. Аяцков (я лично слышал этот его афоризм по радио). А депутат областной Думы Сергей Афанасьев недавно посоветовал министру культуры предлагать депутатам областной Думы культурные проекты и требовать выделения денег на их реализацию, т. к. есть всё-таки разница между министром культуры и работником финорганов. Дословно я не помню, но смысл был такой.

Итак, гипотетически деньги на издание книг саратовских авторов мы нашли. Целых 10 миллионов рублей! Теперь нам осталось решить вторую обозначенную мною проблему: собрать данные о литературной ситуации в регионе, эти данные сгруппировать по отдельным

темам, проанализировать данные из этих групп, принять по ним конкретные решения, затем решения реализовать в конкретных делах. Другими словами, нужно просто издать хорошие книги саратовских авторов, а затем организовать всевозможные презентации этих книг в школах и в библиотеках областного центра и районов области. В Москве, разумеется, тоже. Всё это должно стать системой.

– Интересно, кто будет определять издательскую политику в регионе?

– Действительно, встаёт вопрос: кто возьмёт на себя смелость определить, какие книги следует выпустить в свет, а какие нет? Я уже говорил о фантазмагории в сфере литературных и книгоиздательских дел. Вместо того, чтобы отделить мух от котлет, у нас зачем-то отделили котлеты от гарнира: писателей от издателей. Изданием книг ведаёт министерство информации, а курирует писателей министерство культуры.

Но что же делать (как сказал бы ещё один мой саратовский коллега, не помри он более ста лет тому назад)?! Нет, не нужно покупать швейные машинки и раздавать их саратовским писателям и писательницам. И деньги им (нам!) тоже не давайте. Не все, но некоторые их могут потратить не по назначению. Однако выход есть! В Саратове существуют три основных писательских сообщества: региональное отделение СП России, наша АСП и «неформальная» группа, что-то вроде современного «андеграунда». Пусть руководители не существующего пока «Регионального Фонда...» предложат подготовить всем трём писательским сообществам книги к изданию по своему усмотрению на сумму от трёх до четырёх миллионов. Сделать всё это нужно до конца 2014 года, так как в 2015 году и начнутся литературные праздники, так или иначе связанные с этими книгами. «Риск! – скажут многие. – Как можно доверять огромные деньги неизвестно кому и неизвестно на что?!» Да, риск. Но, напоминая, давать следует не деньги, а гарантию издания книг. «Без предварительного рецензирования?!» Да, без предварительного рецензирования и какой-либо цензуры. Писательские сообщества должны на деле доказать, на что они способны (или не способны). Уверен, что более половины изданных книг будут приличного уровня. Да, наверное, будут и неудачи (мягко выражаясь). Кстати, обязательным условием должно стать следующее: среди текстов, отобранных к изданию, должны быть произведения умерших писателей (не менее трети от общего объема). Кроме нас, самих писателей, о наших коллегах некому позаботиться.

– Для чего необходим такой эксперимент?

– Он нужен, в первую очередь, руководителям региона. Они должны понять, на что и на кого они могут рассчитывать! Не хочу наступать на большую мозоль, однако потраченные в Год литературы два три миллиона рублей на плохие книги (7–8 миллионов потратятся на хорошие книги!) не идут ни в какое сравнение с теми миллионами, которые были потрачены на устранение последствий пожаров в ТЮЗе и филармонии.

– Создание попечительского совета и издание серии книг – это, как я поняла, первый вариант решения проблемы. А есть ли другие?

– А вот после издания серии книг следует, наверное, организовать их широкое обсуждение и рецензирование. Одним из пожеланий В. В. Путина было и возрождение традиций отечественной литературной критики. Саратов – город университетский. Объявите конкурс на лучшую обзорную статью и лучшую рецензию об изданных книгах. Отзовитесь на призыв Президента!

Накануне Нового года губернатор В. В. Радаев побывал в Саратовской филармонии и высказал такую мысль: коллективы филармонии должны выступать не только здесь, но и в районах. Возьму на себя смелость продолжить мысль губернатора: филармония (её лекторий) могла бы взять на себя обязанность организовывать в Саратове и в районах области встречи и с писателями. Почему филармония, а не писательская организация? Потому что в Саратове живут как минимум члены четырёх Всероссийских союзов писателей и заботиться о коллегах из одного «лагеря» писатели из другого «лагеря» не станут. Я же говорил: фантасмагория!

В 2014 году губернатор мог бы рассмотреть вопрос об учреждении трёх областных литературных премий. О них я уже говорил. Ситуацию, когда на протяжении 16 лет ежегодно по три литпремии вручаются только членам СП России, необходимо переломить. А в 2015 году премии можно было бы вручить победителям. Почему областных, а не Всероссийских? Только по одной причине: чтобы они честно доставались саратовским писателям. В честной борьбе за Всероссийскую премию большинство саратовских писателей уступят писателям из других регионов. На премии можно было бы выдвигать и книги саратовских литераторов, изданные в других регионах. У нас почему-то авторы книг, изданных в Москве или Питере, являются какими-то «белыми воронами»: на областные конкурсы такие книги не допускаются, на стендах в библиотеках таких книг тоже нет.

– Я думаю, что издание книг в Москве, в престижном издательстве – это знак качества. Дело не в том, что у одного более успешного и талантливого писателя книги издаются в Москве, а у другого не издаются даже в Саратове, а в том, что общество перестало быть литературоцентричным, люди не видят смысла в чтении книг, если только это не развлечение. А имён местных писателей саратовцы в большинстве своём не знают. Не слышали и не читали. Впрочем, и во многих других (но не во всех!) регионах такая же ситуация.

Серьёзная литература массового читателя отпугивает. Он не разбирается в ней. И не испытывает уважения к писателю. Для человека, работающего в рыночной системе, скажем, менеджера, настроенного на то, что всё покупается и продаётся, писатель, чьи книги издаются за счёт государства, – априори неудачник. В любом учреждении людей настраивают на то, что нужно прежде зарабатывать деньги. Это касается преподавателей вузов, журналистов, библиотекарей. Всех превращают в менеджеров.

Но боюсь, что основная проблема не финансовая. Проблема в том, что люди обходятся без чтения и без литературы. И нужно, чтобы что-то изменилось, сдвинулось в сознании общества. А для этого необходимо воспитать своего читателя. Будущего читателя. Как это сделать?

– По моему мнению, основная проблема всё-таки финансовая. Писатели, как правило, пишут либо то, что хотят, либо то, на что их подталкивают (издатели, в первую очередь). Вторым, естественно, с публикациями везёт больше, чем первым. Возникает (давным-давно возникла!) проблема: как донести до читателей то лучшее, что написано авторами из первой группы? Интернет – дело хорошее. Но там такая мешанина! Нужен какой-то механизм «по отделению зёрен от плевел». Допустим, что Правительство России нашло возможность выделить очень большие деньги на издание и продвижение книг современных отечественных авторов. И тут Правительство столкнётся с огромной проблемой: у нас в стране уничтожена система отбора качественной литературы! Почти нет умных, образованных, высокопрофессиональных редакторов! Почти нет умных, образованных, высокопрофессиональных и, главное, порядочных литературных критиков! Казалось бы, можно опустить руки. Но если у руководителей государства и регионов, у общества в целом появляется желание прекратить падение в бездну распада страны, то выход есть. Нужно возрождать и качественную редактуру, и честную и умную литкритику, и саму литературу. Об этом и говорил В. В. Путин в ноябре 2013 года. Как возрождать? Учреждать новые литературные конкурсы и литпремии, создавать попечительские советы литературных сообществ, выделять газетам и журналам гранты (субсидии) на создание литературных обзоров и рецензий... В областных центрах обязательно должны издаваться книги местных авторов, литературные журналы и альманахи.

– **А не случится ли так, что литературная ситуация станет похожей на существовавшую в советские времена?**

– При советской власти литераторы стремились вступить в Союз писателей, так как это обеспечивало им право публиковаться в журналах и издавать свои книги. Плюс сулило дополнительные дивиденды в виде квартир, путёвок в Дома творчества и даже подписки на собрания сочинений классиков мировой и отечественной литературы! Члены Саратовского отделения СП РСФСР старались поддерживать положительный имидж своей организации и откровенных графоманов в свои ряды не принимали. А так как других союзов писателей в стране не было, то в этот единственный старались вступить и «писатели от сохи», и «писатели от станка» и «писатели-интеллигенты». Неглупые писатели из первых двух групп старались подтянуть «свой культурный уровень» до уровня коллег из третьей группы. Оставляю за скобками те минусы, что были тогда в самой системе и в отдельно взятой писательской организации, но особо стыдиться за саратовских «письменников» властям не приходилось.

Всё резко изменилось в 1991 году. Единый Союз писателей РСФСР распался на три союза писателей: Союз писателей России, Союз российских писателей и Союз писателей Москвы. В Саратове также появились два региональных отделения: СП России и СРП. Позже отделение СРП формально прекратит своё существование, но два десятка его членов в Саратове по-прежнему живут и работают. Есть и два члена СП Москвы, а также есть члены

Союза писателей и переводчиков России (этот СП возник недавно). Тем не менее саратовские министерства по привычке предпочитают сотрудничать только с руководством регионального отделения СП России, «не замечая» других писательских союзов.

– **Жаль, что «окололитературные» проблемы в нашем городе часто заслоняют само творчество.**

– Мы с вами сегодня поговорили в основном не столько о самой литературе и литературном творчестве, сколько о проблемах окололитературных, но тоже очень важных. Увы, разговоров о тонкостях создания литературных произведений сейчас ведётся мало, в Саратове их почти не слышно. Если и говорят, то о «тенденциях», о том, куда удалось пристроить своё литературное детище, о том, «кто с кем дружит и против кого дружит», «сколько заплатили и заплатили ли вообще»... Мои редкие попытки перевести беседу на другие рельсы часто пресекались на второй или третьей минуте. Темы «связь сюжета и композиции», «психологические мотивировки поступков персонажей», «интонация прозаического текста, роль интонации в прозаическом произведении», «индивидуализация речи персонажей» и т. д. и т. п., по моему мнению, не интересуют многих даже тогда, когда они садятся за письменный стол. Скучный запас слов, убогость мыслей и ограниченность духовных запросов, отсутствие чувства юмора – всё это находит своё отражение в творениях некоторых писателей. Но есть в Саратове и литературно одарённые люди. Я не стану сейчас называть их фамилии, так как опасаясь кого-либо пропустить и не назвать в спешке. Но они есть, и именно им и должны помогать власти и общество.

– **Возвращаясь к «воспитанию» читателя: как вы сами стали читателем, пришли к литературе?**

– Мне в жизни повезло: мои родители, бабушка, прабабушка и прадедушка любили читать книги, у них были хорошие домашние библиотеки. Можно сказать, что я родился среди книг, с малых лет меня окружали тома русских и зарубежных писателей-классиков, огромное количество детских книг. А. Чехов, А. Пушкин, Н. Гоголь, А. Островский, Глеб, Николай и Лев Успенские, трое Толстых, Дюма-отец и Дюма-сын, Б. Лавренёв, М. Шолохов, Ч. Диккенс, М. Твен, В. Бианки, Г. Скребницкий, С. Маршак, К. и Н. Чуковские, Н. Носов, братья Гримм и братья Стругацкие, В. Гауф, С. Есенин, В. Маяковский, А. Блок... А сколько, живя в Хвалынске, я в отрочестве перечитал специальной литературы! «Горький о литературе», «Станиславский о театре», «Очерки о стилистике русского языка» профессора А. Гвоздева... Любимой книгой из этой «серии» была книга писателя А. Арго «Звучит слово». А ещё были «Охотники за микробами» и «Гомункулус», мемуары И. Репина и других художников-передвижников, мемуары писателей Н. Телешова, А. Сереброватихонова, К. Чуковского... Кто из подростков сейчас прочтёт с удовольствием два тома «В лесах» и два тома «На горах» П. Мельникова-Печерского? Два тома «Тихого Дона» и парочку томов из собрания сочинений Альфонса Доде? Кто станет читать дореволюционные издания с ятями и фитами Станюковича, Чехова, Шиллера, Гёте,

Ростана? Впрочем, я зря ворчу, такие подростки есть и теперь, я это знаю точно.

Сейчас много ведётся разговоров о национальных проблемах. Решения этих проблем я не готов предложить, но хочу сказать следующее. В детстве и в отрочестве я много читал сказок разных народов, много смотрел фильмов о знаменитых людях России, Украины, Узбекистана, Таджикистана... Я и сейчас помню названия этих фильмов: «Хирург Пирогов», «Василий Суриков», «Тарас Шевченко», «Жизнь поэта», «Судьба поэта», «Улугбек», «Сын Иристана»... По радио ежедневно звучали песни народов СССР. Сказки, фильмы и песни знакомили меня и моих сверстников с жизнью людей других национальностей. Много ли сейчас вы найдёте книг с народными сказками в библиотеках? Где фильмы об Улугбеке, Сурикове и Коста Хетагурове? Почему не звучат песни в исполнении Рашида Бейбутова, Николая Кондратюка, Георга Отса? Впрочем, я, кажется, немного ушёл в сторону от главной темы нашего разговора...

В заключение я хочу сказать, что девиз «Писателям ни копейки!» пора отменить. Писателей не обязательно чтить, но их желательно читать. И говорить им своё «фу» или «ай, молодец!» только после прочтения их творений, рождённых в творческих муках. Хочется верить: пройдут годы, и большинство саратовских писателей перестанут с опаской и недоверием относиться к интеллигентам. Возможно, что многие из них даже распрощаются с методом социалистического реализма, о котором они имеют весьма смутное представление, но которым они активно пользуются. Пока всё это – мои мечты. А мечтать, как говорит народная мудрость, не вредно.

Беседовала
Елизавета МАРТЫНОВА

Владимир КАНТОР

Саратовцам имя Владимира Карловича Кантора известно больше через научную ипостась его уникального дарования. Всемирно известный доктор философии, профессор крупного столичного вуза, он стал одним из участников научных чтений «Н. Г. Чернышевский и его эпоха», ежегодно проводимых Саратовским государственным университетом и музеем-усадьбой Н. Г. Чернышевского, и его работы о нашем великом земляке давно входят в золотой фонд науки о писателе.

Но Владимир Карлович ещё и талантливый прозаик, имеющий большую читательскую аудиторию в России и за рубежом. Убеждён: волжане с интересом встретят его новое произведение в своём журнале, а имя исследователя творчества Чернышевского, имя автора «Волги–XXI век» останется в летописи саратовской науки и культуры.

А. А. Демченко,
доктор филологических наук,
профессор СГУ им. Н. Г. Чернышевского

-
- Владимир Карлович Кантор – доктор философских наук, ординарный профессор философского факультета Национального исследовательского университета – Высшей школы экономики (НИУ-ВШЭ), член редколлегии журнала «Вопросы философии», член Союза российских писателей, прозаик, стипендиат Фонда имени Генриха Бёлля (Германия, 1992), лауреат нескольких отечественных премий, трижды номинировавшийся на Букеровскую премию, историк русской культуры, автор более шестисот опубликованных работ. Лауреат премии «Золотая вышка» за достижения в науке (2009, Москва). Лауреат первой премии в номинации «За лучшее философское эссе» в Первом Международном литературном Тютчевском конкурсе (2013). Область научных интересов – философия русской истории и культуры. По европейскому рейтингу, публикуемому раз в 40 лет (январь 2005) парижским журналом «Le nouvel observateur (hors serie)», вошёл в число 25 крупнейших мыслителей современности как «законный продолжатель творчества Ф. М. Достоевского и В. С. Соловьёва». Произведения Владимира Кантора переводились на английский, немецкий, французский, испанский, итальянский, польский, чешский, сербский, эстонский языки.

ПОМРАЧЕНИЕ

(журнальный вариант)

РОМАН¹

*Дух говорил, томимый страшным гнѣтом,
Другой рыдал, и мука их сердец
Моё чело покрыла смертным потом;
И я упал, как падает мертвец.*

Данте. «Божественная комедия»
(«Ад». Песнь пятая)

*И кто в избытке ощущений,
Когда кипит и стынет кровь,
Не ведал ваших искушений –
Самоубийство и Любовь!*

Фёдор Тютчев

ПРОЛОГ

КУШЕТКА ПСИХОАНАЛИТИКА

Последнее время его не покидало ощущение ужаса от завершения человеческого бытия. Смерть, о которой он запретил себе думать где-то в возрасте лет 12 или 14, в самый метафизический период вопрошания мира, вдруг стала из метафизики реальностью, к которой его приближал каждый прожитый год. Пока был молод, даже в случаях страшной опасности, запретил себе бояться смерти, которая была бы случайностью, а теперь она – неумолимый итог жизни. И дети – не утешение, они живут своей, уже далёкой и чужой ему жизнью, а потом ведь тоже умрут. То есть продолжение бытия в детях слишком сомнительно, чтобы давало опору для души, тем более смешно думать о закреплении себя в роде. Даже то главное счастье, которое даёт любовь, уходит в небытие, и ещё до смерти. Её уход и есть предварительная смерть. Жизнь становится не нужна, легче оборвать её каким-нибудь простым способом. Упасть как бы случайно под трамвай, умереть от сердечного приступа или ещё какой-либо болезни. Главное – неосознанно. Самоубийства он почему-то боялся. Вроде не верил христианскому запрету самоубийства, а вроде и верил...

¹ В тексте романа использованы стихи женщин, имена которых автор называть не вправе, тем более что к происходящему действию они никакого отношения не имеют.

Но когда он понял, что больше не может существовать, что не может спать и есть, что грудь горит, как будто внутри жжёт перцовый пластырь, что тянет остановиться вдруг перед мчащимся трамваем или машиной, он написал Алёнке смс, опасаясь мужа: «Можно ли позвонить?» Она ответила кратко: «Да». После страстных писем это звучало сухо и холодно. Но он позвонил и рассказал, что хочет пойти в психдиспансер. «Только осторожнее, — сказала она, проявляя вдруг искреннюю заботу, — не пей транквилизаторы. Они психику могут разрушить». Но против психдиспансера не возражала, видно, достал он её своими письмами. «Она и так разрушена», — отвечал он. И позвонил Серёже Солопову, лучшему психоаналитику Москвы, с которым он по случаю познакомился и даже подарил ему пару своих книг. В своё время Солопов защищал диссидентов, попавших в психушки, ставя им психиатрические диагнозы. Дело прошлое, но что-то ему удавалось, специалист он был высшей пробы. Органы с ним считались. Теперь он имел свою клинику.

«А, Семён Георгиевич? Чего это ты обо мне вспомнил? Выпить хочешь или проблема какая? Ну, приезжай ко мне, поговорим. Сегодня я в обычной поликлинике, там есть у меня своё отделение. Доезжаешь на трамвае до улицы Восьмого Марта, дом пятнадцать, четырёхэтажный, на первом этаже кабинет психоневролога, слово «психоаналитик» как-то у нас не принято, не прижилось», — он рассмеялся.

И Хворост поехал.

В кабинете полный, невысокий, улыбающийся черноволосый армянин в малиновом жилете посадил его за стол, нажал кнопку звонка, вошла сестричка, игриво улыбаясь шефу, он помахал отрицательно пальцем:

— Что нам, Клавочка, сегодня от посетителей досталось?

Она пожала плечами:

— Бутылка «Камю», ну, коробка шоколадных конфет ещё. Вот и всё, Сергей Арамисович.

— Налей нам, девочка, и иди.

Она разлила по стаканам коньяк и вышла. Семён выпил и, как часто последнее время, дёрнул шеей и посмотрел сверху вниз и одновременно исподлобья, как учёный попугай.

Они ещё выпили. Сергей откинулся на спинку стула, расстегнул жилет и сказал:

— Ты шеей давно дёргаешь? Ну, рассказывай. Только подробно.

Хворост замялся, не зная с чего начинать. Потом сказал, что был влюблён совершенно по-сумасшедшему, влюблён и сейчас, хотя она его оставила. Рассказал, что даже два месяца промучился опоясывающим лишаем, по-научному — герпесом, получив его на нервной почве. Так врач ему объяснил, что вирус этот близок ветряной оспе и есть в каждом человеке, но просыпается «в результате эмоционального потрясения». Употребив медицинский термин, Семён, хмыкнул:

— Да ты и так всё знаешь, чего я тебе рассказываю! Просто теперь жить не особо хочется. Мало того, что пребываем в постапокалиптической эпохе, но я ещё личный смысл вдруг потерял, хотя раньше был уверен, что мой смысл мной определяется, а не другим челове-

ком. Порой думаю, что хорошо бы было как бы случайно под трамвай попасть. Вот и скажи, что делать.

– Вот что, – покачал головой Солопов, – так дело не пойдёт. Давай тогда как положено. Ложись на кушетку и – шаг за шагом, эпизод за эпизодом. Ну вот, лёг, это хорошо. Закрой глаза. И будем немножко говорить. Ты сказал, что тебя тянет к смерти, amor fati, любовь к року, так сказать, к Танатосу, к смерти, так, что спокойно мимо трамвая или едущей машины пройти не можешь, что любовь тебя преследует, что вырвать её из себя не можешь. Что ж, Эрос часто сменяется Танатосом, они рядышком сосуществуют. Тут нужна исповедь Богу или священнику, но Бога убрали, священникам мало кто верит, слишком часто они служили известно кому, но после дедушки Фрейда служителей культа мы заменили.

Семён спросил:

– Так Фрейд ещё котируется?

Сергей ухмыльнулся:

– Ну, всяк по-своему считает. Есть такой анекдот. Попадает знаменитый психоаналитик Карл Густав Юнг на тот свет. И Господь сразу, почти у входа, говорит ему: «Все психотерапевты – в ад». Юнг бормочет: «Но, Господи, я же тут видел в райском саду Зигмунда Фрейда». Бог вздохнул и ответил: «Ну, знаете, милейший господин Юнг, – но это строго между нами, – какой же Фрейд – психотерапевт?!»

– И что же? – спросил Хворост.

Сергей снова ухмыльнулся:

– Но фрейдовская система всё же работает – в основе своей. Так что давай с самого начала. А про неё, про твою женщину, мне рассказывать пока не надо. Это тебе будет домашнее задание. Извини, мы давно не виделись. Ты сейчас с кем живёшь? С Валентиной или с Иветтой? Вообще лучше не так: у кого из них живёшь? Кто тебе чашку кофе наливает? У обеих? Давно? Десять лет почти? Это, братец, шизофренией пахнет. А ты ещё и третью завёл. Она-то, конечно, и оказалась самой большой страстью. Да ещё младше на тридцать лет. Естественно, свихнуться можно. А ты всерьёз влюбился? Бросил тебя? Ну-ну! О больном пока не будем. Скажи мне, в детстве у тебя были навязчивые состояния, страхи, от которых не мог избавиться? Знаю, ты человек добродушный, но были ведь враги, которых ты ненавидел искренно и, если б мог, уничтожил? Не торопись, сосредоточься...

Хворост вспомнил обиды от дворовых мальчишек, пугавших его, особенно одну историю с пистолетом, когда «большие ребята» рассказали ему, что видели убийцу в кондровском лесу. Вроде бы тот убил из пистолета женщину, которая ему «не дала» (этого тогда Семён, слава Богу, не понимал), потом разрезал на куски тело и спрятал куски в дупло, а пистолет в кустах обронил. И они повели перепуганного Семёну к дереву с дуплом. Андрей Карнаухов, самый высокий, сунул обе руки в дупло, а Кирилл Тимофеев, учившийся уже в восьмом классе, вдруг достал из кустов пистолет и запихнул Семёну в карман, сказав: «Пригодится...» В этот момент Карнаухов с диким

криком «а-а-а!» вытащил из дупла руки, испачканные чем-то красным, и заорал: «Кровь! Кровь!» И все пустились наутёк. Глупый маленький Семёна тоже. Дня три он ходил с пистолетом в кармане в сопровождении «больших ребят», которые вместе с ним караулили преступника за бывшим домом философа-эмигранта Степуна, иногда показывая на кого-то пальцем и говоря, что, наверно, тот самый, но надо обождать, не стрелять, присмотреться. Семён не понимал, почему такое важное дело ему доверили, спрашивал о милиции, но ему объясняли, что милиция и преступники все заодно. А потом Тимофеев сжалился, сообщил, что менты убийцу забрали, а ещё через год рассказал, что и пистолет-то был ненастоящий, что это они так пошутили. Вот тогда-то ему захотелось всей этой дворовой дряни как-то отомстить за издевательство. И он пожалел, что пистолет ненастоящий.

– Ну вот, – сказал Сергей, – детство, издёвки приятелей – это правильный путь. А теперь вспомни всё же: ты кого-то хотел убить, не по-детски?..

– Только когда был в армии на границе, – честно ответил Семён, – тех, кто посягнёт на нашу священную землю. Я ведь очень советским был по молодости.

– Ну, это не совсем то. Ты должен понять, кто и почему увёл твою женщину, идентифицировать их конкретно, понять тем самым, что ты не виноват и она не виновата. А тех простить, потому что, как говорит моя медсестра (ты её видел), «человек слаб, а Фрейд силён». Понял? Ты же интеллигентный человек. Иди, и вот тебе домашнее задание: старайся смотреть на мир под углом зрения того, кто больше содействовал её уходу от тебя. Тогда ты её простишь и сам успокоишься. Давай ещё по сто грамм.

– Но я могу, если что, к тебе обратиться?

– Какой вопрос! В любой момент.

Они ещё выпили. Хворост думал: кто? Кого ему хотелось бы убить, а он должен простить? Ответ, как ему казалось, Семён знал. Но всех надо простить. Так ли? Сергей вдруг встал, взял его за руку:

– Но ещё не конец сеанса. Я уйду. А ты ещё полежи часа два, повспоминай. И постарайся преодолеть *своё Я*, свою обиду. А потом уйдёшь. Тебя Клава проводит.

Но как случилось, как это произошло, что она, его Алёнка, оставила его, ушла? Она писала ему, когда они ссорились: «Ты мне нужен весь, не отталкивай меня. Это больно». И вдруг именно он стал не нужен – ни весь, ни частично, никак.

***

Он вспоминал, лёжа на кушетке...

Что и как? Начиналось красиво и трогательно. Сказав Иветте, что его пригласили на цикл лекций (Валентина давно ничего у него не спрашивала), Семён уехал в Ригу, взяв с собой Алёнку. Пару суток провели в случайном отеле, не выходили никуда. Только в кафе, мимоходом глядя на непривычные острые крыши. Хворост не мог от неё оторваться. А потом рванули на Рижское взморье, в Юрмалу, там у Алёнки жила знакомая, точнее, знакомая её матери, которой

она во всём призналась. Мать ужаснулась их разнице в возрасте. Но перечить дочери не стала. Эта знакомая и сдала им комнату.

Без умиления не мог Хворост вспоминать эти дни, как она пряталась от него, становясь сзади кресла, и заразительно хохотала, когда он растерянно искал её, а потом находил за креслом и облегчённо улыбался. Ей по-девчоночьи нравилось дразнить опытного мужчину, профессора, старше её на тридцать лет, которого она победила. Ей нравилось, когда он, словно молодой, лез по крутому обрыву, спускаясь к озеру, чтобы сорвать ей белую кувшинку, а потом пристраивал эту кувшинку в её чёрных вьющихся волосах. Вечерами они ходили в латышские кафе, где он чувствовал себя при деньгах, а потому всеильным мужчиной, который любимой женщине открывает европейскую жизнь. Уже была мастерская приятеля, уже он знал от своего распутного однокурсника, топ-менеджера Олега, о том, что она, скажем так, легкомысленна. Но всё равно молодое тело, светящиеся глаза и явная влюблённость в него пьянили его, придавая силу и страсть, которой он не ожидал в себе.

«Знаешь, – говорила она, – я же была глупой, восторженной девчонкой, считала себя поэтессой. Давно никому не читала, тебе прочитаю, ты не будешь смеяться:

*Многие любят розы –
Я же люблю крапиву.
Не тонкий запах мимозы,
Не гибкие ветви ивы –
Люблю я жару в пустыне,
И северные морозы,
И горькую грусть полыни...
Но многие любят розы...*

После десятого класса понесла их взрослому, самому известному поэту у нас в Проточино. Он и сделал меня женщиной. Как он говорил, «открыл мне глаза на жизнь». Я маме отплакалась, повинилась. Для неё это было ужасно, она знала только одного мужчину – моего отца, который, сделав меня, ушёл к другой женщине, но ради меня с мамой не разводился. Так мы и жили. Не знаю, что и сказать. Теперь я большая, сама выбираю. Мне с тобой повезло.

Потом универ, общежитие – это был просто ужас. Муж был, но и другие были. А как тебя увидела, поняла, что поздняк метаться. Я – твоя. Девчонки обычно мечтают о принце, а я мечтала сразу об императоре. Чтобы он меня полюбил, пусть он, как положено императору, был бы женат. Я ведь тоже замужем. Всё равно он любил бы меня больше, чем жену. Мне повезло. Ведь профессор в современной жизни всё равно что император. Мне не нужны новые русские. Они глупые. А ты умный, сильный, не бедный, но и не богатый. Как раз то, что мне нужно». Когда они шли с ней в их комнату, она обычно спрашивала, прижимаясь и немного снизу заглядывая в глаза: «Целоваться будем по-взрослому?» Он прижимал её к себе, бормоча страстно и счастливо: «Ещё как!»

Как-то хозяйка, постучав вечером в дверь их комнаты, войдя и многозначительно поглядывая на них, угостила их бутылкой вина, сказав: «Вы такие милые. Хотела сделать вам приятное, и чтобы у вас всё так и получилось. Выпейте сами». Поставила бутылку на стол и вышла. Как теперь думал Хворост, этой пожилой женщине просто приятно было видеть пару людей, светящихся от счастья. Вино называлось «Свадебное». Хворост разлил вино по стаканам и сказал задумчиво-растерянно: «Я бы тоже хотел, чтобы оно стало для нас счастливым знаком». При этом с тоской думая, что он пошёл бы в мормонь, чтобы можно было бы законно жить со всеми женщинами, которым что-то обещал. Особенно с Алёнкой, жизни без которой он теперь не представлял. Она погладила его по плечу, словно понимала его терзания: «Не волнуйся. Мне нравится быть *любовницей*. И слово красивое. Значит, я не *просто так*, не девочка на час. А послана тебе богиней любви».

Она словно приросла к нему, шептала: «Меня без тебя нет». И чувствовала всё, что с ним происходит, особенно когда касалось их отношений. Они договорились с хозяйкой, что ещё лишних пару дней проживут, и Семёну надо было позвонить Иветте, сообщить, что он задерживается из-за лекций. Не желая звонить с мобильного, чтобы его разговора не слушала Алёнка, он вошёл в вестибюль отеля, стеклянный, прозрачный, сквозь который всё было видно, но не слышно. Ветка расстроилась: «А скажи, очень нужны нам эти лекции? Много ты на них зарабатываешь?» Хворост, потративший уже всю свою записку, ответил: «Если я сейчас откажусь, то больше не позовут». Ветка ответила твёрдо: «Ну и ладно. Я больше не могу без тебя. Я соскучилась. Жду тебя. Понял?» И хлопнула трубкой, как ей было свойственно, когда раздражалась. Семён заколебался. Алёнка – вроде бы случайный роман, а там уже дочке восемь лет. Не говоря уж о Вальке с его же дочкой Кристиной. И вдруг сквозь стеклянную стену вестибюля он увидел Алёнку, которая бежала к нему, сжав кулачки, ничего не видя, волосы ведьмински растрепались... Никуда, конечно, он не поехал, они дожили эти два продлённых дня. Но Хворост часто потом вспоминал эту интуицию ведьмы, которая вдруг просыпалась у Алёнки. Когда это её касалось.

***

А потом были последние дни, перед тем, как она его оставила. Обычно они ездили в Прибалтику. И в этот раз они поехали вместе в командировку на конференцию в Вильнюс, у каждого было по докладу, он помог ей с тезисами. Конечно, Хворост был, по сути дела, негодяем. И ещё каким! И к психоаналитику ходить не надо! Алёнка с тоской говорила, когда вдруг узнала, что муж ей изменяет: «Ты пристроен: у тебя две женщины, не считая меня, две дочери, тебе есть куда пойти. Мне надо что-то спокойное, чтоб жизнь была предсказуемой». Он ответил весьма цинично (откуда оно взялось, это циничное равнодушие?): «Найдём тебе литовца, чтобы не очень нам мешал». Он знал, что так бывает. Но она не подпускала его к себе в Вильнюсе целую неделю, пока шла конференция. Хотя номе-

ра были рядом, в каждом по две широкие кровати. «Не лезь ко мне, а то наколдую – вообще никого не сможешь», – прошипев как кошка, сердито сказала она, почти шутила, но не очень. Когда-то писала ему другое и иначе: «Брось эту печаль. Хочешь, я наколдую – и она упрыгает от нас навсегда, как жаба. Я умею».

Страстные и горящие глаза, чёрные волосы, цыганскую волной падавшие ей на плечи, пухлые щёки... Он верил всему, что она говорила.

В Вильнюсе они были второй раз. Как-то в начале июня он там читал лекции, а она, сказав мужу, что едет на конференцию, приехала к нему. Семён, однако, каждый раз, когда долго с ней не общался, боялся, что возраст у него не для молодой любовницы. Написал: «Приезжай. Если Бог даст сил, будет счастье». Она прислала в ответ свою фотку, написав: «При чём здесь Бог?! Я дам тебе силы. Это я. Чтобы ты не забывал, как я выгляжу. Не волнуйся – сама фоткала».

Он встретил её на вокзале, и сразу они побежали в номер. Счастье и вправду наступило. Ему надо было отчитывать свои лекции две недели. Она уехала через четыре дня: трудно объяснить мужу долгую отлучку. Уже из дома она прислала ему мейл: «Родной мой, как же без тебя тяжело. Я так старалась не впасть в это состояние. Но всё зря. Убеждаю себя, что надо собраться и не киснуть. Но не могу. Эти четыре дня были одним сплошным счастьем. Хожу по квартире, раскладываю вещи из чемодана – как деревянная. Я к тебе совсем приросла. Напиши мне что-нибудь, хоть два слова. В Москве дождь. И прохладно. Прямо под моё настроение погода. Ничего не хочется. Даже не думала, что смогу вот так терзаться от любви. Ты моё счастье. Помни это, пожалуйста. Целую, твоя девочка». Потом снова была дискретная любовь, когда встреча раз в неделю казалась удачей. И опять выгорела конференция, причем в любимый город, да ещё и на шесть дней.

Он ждал, что вдруг в купе они окажутся одни, очень хотел её. Но в купе ещё ехал парень, маленького росточка, очень деловитый и обстоятельный по виду. И ещё одна случайная попутчица. Ночью ждали границу. «Может, кино посмотрим? Хотя бы до пограничников?» – спросил парень. Он открыл ноутбук и включил новинку – приключенческий русский фильм под названием «Мираж», в режиссуре знаменитого Тиграна Кеосаяна. Смесь «Неуловимых мстителей» и «Белого солнца пустыни», где есть даже невинная Гюльчатай в облике русской студентки в очках, которую убивают по ходу дела моджахеды. Так вот эта девочка говорила: «А может, существует на свете субъективный идеализм? Может, всё это мираж, всё нам кажется, что кругом ужас, а на самом деле мы сидим каждый в своём доме, в уюте, за книгами...» А русский супермен (почти «товарищ Сухов») отвечает: «Не мираж это, а война, настоящая война. Где убить могут». Хворост потом уже подумал, что любовь его была миражом, а на деле шло её завершение, жёсткое и непоправимое.

Всю эту командировку она язвила. Они гуляли по городу, заходили в кафе, хотя почти перед каждым заходом, когда он предлагал перекусить, она в духе брюсовской Ренаты произносила склочно:

«Если ты голоден, ступай обедать, я не хочу». Потом, правда, шла, они сидели в чудесных интерьерах, пили пиво, ели на закуску копчёные свиные уши, литовский сыр, с тмином или с паприкой, на горячее – то запечённого лосося, то судака. Чёрная кошка с большими глазами монгольского разреза глядела на него не страстно, не радостно, как обычно, а почти угрожающе, почти ведьмински. За соседним столом развалились здоровые литовские парни, говорили между собой то по-русски, то по-литовски. Хозяин спросил: «Как долго сидеть собираетесь?» Ответили со смехом: «До первых девок».

Но его каждое предложение пойти в гостиницу, где он хотел вернуть её прежнее любовное настроение, она встречала резко, переходя на «вы»: «Вы, Семён Георгиевич, мне не отец и не муж, вы не имеет никакого права удерживать меня рядом с собой. Вы думаете, что я сошлась с вами из-за работы в секторе? Это не так. Но при этом вы с завидным упорством повторяете, что я познакомилась с вами исключительно ради работы. Я считаю, это попрёк. И вообще недостойно. Это подло – так думать. Вы думаете, что если вы тратите на меня какие-то жалкие евро, то купили моё тело. Вы заблуждаетесь». Ему казалось, что от этих скандальных интонаций она на глазах глупеет. Он попытался пригрозить: «Ты меня теряешь», – полагая после всех её страстных писем и слов, что его ум, интеллект, опыт, его проза, его научные статьи и пр. так уж важны для неё. Позднее, перед смертью, то же сказал ему менеджер Олег Любский: «У тебя, Семёнушка, завышенная самооценка. Женщинам не это надо». А что? Тогда страсть застила ему глаза.

И всё же их тянуло друг к другу. Он водил её в лавочки с женскими тряпками, где в одной она вдруг совершенно влюбилась в дорогую шаль, позволила ему её купить. Но тем строже стала вести себя. Хотя их номера в гостинице были рядом, надежд она не давала. Пару раз она заходила к нему, но вырывалась, уходила. Потом вечером, перед сном, после того, как она убежала, он разделся, лёг, но встал и пришёл к ней, уже в пижаме. Она была в ночной рубашке, дверь всё же открыла. Посмотрев на него, поняла его решимость и, вздрогнув, спросила: «Ты зачем? Что нужно?» Вместо ответа он обхватил её руками и принялся целовать. Она была тёплая, сопротивлялась слабо, вот уже он уложил её на постель, поднял её ночную рубашку, сбросил пижамные брюки, руки блуждали по её нагому телу. Но она молила: «Не надо, прошу тебя. Не надо. Ты сейчас всё можешь, но не надо». Не привык Хворост брать женщину против её желания (потом жалел много раз об этом гостиничном эпизоде!), оторвался, поцеловал и вышел. Когда целовал, она лежала замерев.

Потом он писал ей, спрашивал. Она отвечала, поначалу спокойно. Он писал всё грубее. Наконец, она прислала последнее, ещё сравнительно мягкое письмо: «Хорошо. Я попытаюсь объяснить тебе в последний раз. Я любила тебя. Очень любила. Потом во мне что-то случилось. Надломилось. Не могу точно найти слова – кризис, депрессия... У меня не осталось сил ни на что, даже на чувства. Ты не захотел этого понять, не смог поддержать меня. Это нормально. На это нужно очень много сил. А ты привык к тому, что всё вра-

щается вокруг тебя, все поддерживают и жалеют тебя. Поэтому ты начал обвинять меня бог знает в чём, терзать меня упрёками и проч. И постепенно убил во мне все чувства к тебе. Тут никто не виноват». На этом любовная переписка закончилась.

Он посмотрел на часы. Пора было уходить. Медсестра Клава проводила его.

В голове были мрак и безумие. Отвергнутая любовь источала яды и отравляла организм. «Любимую любить увели...» Но кто? Он не понимал, как любящая женщина могла оставить его. Его! Его – такого умного, глубокого, так много понимающего... И очень любимого. И время не очень лечило. Пистолет появился позже и случайно.

Глава 1

ПОЯВЛЕНИЕ ПИСТОЛЕТА

С утра поехал Семён со второй своей постоянной – Веткой, Иветтой – на Востряковское кладбище, где были похоронены мать и отец. Зашли в церковь, где лежал на лавке полуголый мужик, утыканный всякими приборами – не то мёртвый, не то плохо ему и кардиограмму снимают. А в другом углу кого-то отпевали. Ветка быстро купила свечку в закрытом красном подсвечнике с металлической крышкой с дырочками. «Пойдём отсюда. Ох уж эта дикая Россия! Тут тебе и церковь, и госпиталь, и похороны». Почему-то обе его жены всё время ругали страну. Говорили, что жить здесь нельзя. Но при этом были очень традиционные. Ветка прибрала могилу, выполола сорняки, цветы посадила. Эта традиционность на самом деле была ему по сердцу. Всё-таки вырос Хворост в провинции. Помнил, как на садовой калитке, как на плоту, ранней весной он с Валеком, приятелем детства, катался по пруду. От воды тянуло холодом. Пруд был глубокий на окраине их крошечного городка. Хотя бы раз в год кто-то там тонул. Эта жизнь на грани смерти ему была понятна, очень русская.

...Поправив загородку, он об руку с Иветтой зашёл в кафе, где они выпили кофе с булочками. А потом ехали в машине, поймали частного – прыщеватый, чёрно- и длинноволосый, видимо, кавказец. По радио шло обычное шоу-интервью о всяких нарушениях закона. Девушка из Дагестана, голос с акцентом: «Чтобы моего двоюродного брата в армию взяли, пришлось военкому 15 тысяч дать. У нас парень без военного билета никуда на работу устроиться не может». Шофёр говорит: «Раньше взятки давали, чтобы в армию не брали». Ветка с заднего сиденья: «Да, страна чудес».

А Семён вспомнил, что как-то в начале первого брака поехал с друзьями (Валя его отпустила) в Дагестан. Там купались под Махачкалой (откуда, кстати, был родом Казбек, первый муж Ветки) в Каспийском море, поднимались на гору Гуниб, где воевал Шамиль. Переваляли на вертолёте большую гору, кажется, Ерыдаг, и в маленьком городке Ахты, бывшем лезгинском ауле, остановились в помещении школы, а вокруг большой фруктовый сад, где им позволили есть

любые фрукты сколько угодно, и юный сторож, местный симпатичный лезгин, говорил: «Вот через год куплю место военкома. Честное слово! Знаешь, сколько у меня денег будет?! Всем родственникам по машине куплю. Честное слово!» Он произносил: «Чесс слово!»

Дома Ветка накормила его обедом. Готовить она умела. А потом он поехал на похороны Кольки Грача. Старого друга, у которого жена погибла в автокатастрофе. С этого момента он начал пить и за год спился до смерти. Иветта не поехала. «Ты понимаешь, мне на дачу надо. Там моя мама с нашей же дочкой совсем замучилась. Хоть дача и твоего деда, но мать, ты ж понимаешь, считает её своей. Когда позвонишь-то? Позвони хотя бы завтра. А до метро я тебя отвезу. Ты ведь у меня безлошадный мужик».

Дача и вправду неожиданно оказалась дедовской. Два года назад вдруг выяснилось, что от расстрелянного деда осталась неотобранная дача в посёлке Железнодорожник по Ярославской дороге и что единственный наследник – Хворост. Ветка взяла на себя оформление бумаг, удивляясь фокусам отечественной Фемиды. Просто когда деда реабилитировали, должны были вернуть и конфискованное имущество. А конфискованного было-то всего заброшенная и заросшая бурьяном одноэтажная дачка, на которую никто не позарился.

По дороге до метро, чтобы ему не казалась гибель друга уж совсем катастрофой, Ветка рассказала похожую историю. Слушая, Семён поражался идиотизму человеческой жизни, но слушал. Это история из её прошлой жизни, когда она была замужем за начальником и общалась с людьми, ездящими в машинах. История простая. Муж, молодая жена ехали в авто. Ему 45, ей 25. Жена попросила немного порулить. Муж уступил. Она села за руль, и буквально через три минуты в машину врезался грузовик. Жену насмерть, а он абсолютно цел. Похоронил, как мог. Конечно, депрессия, даже водку пить не может. Отправили к психотерапевту, тот уговаривал, что никто ни в чём не виноват: жена сама попросила руль, он ей не мог отказать. Это судьба, с которой не поспоришь. «А я и не спорю», – отвечал он. А потом у него начали отказывать внутренние органы – один за другим: печень, почки, селезёнка, поджелудочная. Не организм, а кладбище органов жизни. Месяц его держали в реанимации. А потом просто перестало биться сердце. И он умер. Жить больше не захотел. А Семён вспоминал, как Ветка гоняла на своей «Хонде», которую купил ей прежний муж, чтобы его встретить, поцеловаться, потискаться в машине, приносилась к нему в Дом отдыха. И думал, что, конечно, эта история из старой Иветиной жизни.

Сегодня их жизнь была много суровее и проще. Она спросила напоследок, поцеловав его: «Ты вечером к Валентине?» Он усмехнулся: «К себе». Она помотала головой: «Всё равно в одной квартире живёте. Понимаю, что ничего у вас нет, а всё равно тебя ревную. Ты хоть мне эсэмэску сбрось, что меня любишь». Он кивнул: «Конечно. Ты же знаешь, как я тебя жажду!» Она усмехнулась: «Знаю. Молча. Меня все почему-то жаждут молча. Не только ты, но Касымов так же себя вёл. Но я же страстная женщина! Ты мне нужен! Завтра-то приедешь? Я умру от ревности».

Не к той надо было его ревновать. Но об этом она не подозревала даже. Вдруг прижалась к нему: «Я очень тебя люблю. Наверно, всё же я сделала в жизни что-то очень хорошее, чего сама не заметила. За это Бог и послал мне тебя». Он неловко улыбнулся. Подумал: «Господи, совсем я не заслуживаю таких слов».

Она погладила его по волосам: «Ладно, гуляй, Сёма, жуй опилки».

Вот и поехал один. День такой выпал.

Подумав о Кольке, Семён дёрнул головой вбок и вперёд. Валя, первая жена, острила, что он похож на попугая, когда так смотрит, тем более что и умные слова из книг умеет повторять как попугай. Хворост сердился, но отделаться уже от этого образа не мог. Когда смотрел в зеркало, видел мудрого попугая, который слишком многое знает, наблюдает, переживает. И точно: в советское время он умел произносить нужные слова. Но думал всегда своё, мрачноватое. Любил рассказывать анекдот об оптимисте и пессимисте: оптимист говорит: «Мы живём в лучшем из миров». Пессимист отвечает: «Боюсь, что вы правы». Да, лучший, остальные все, что были в истории, – хуже, было чудовищно. Что Аттила, что монголы, что Грозный, что Сталин, что Освенцим! Всё это было. А ведь это его история, он в ней продолжает жить. Как-то между прочим уничтожили в двадцатом веке несколько десятков миллионов людей. Десятков миллионов! Оправдыватели говорят, что всего два, максимум три миллиона, мол, нечего преувеличивать. Жаль, что они в это число не попали! Семён попытался вообразить ужас тех лет и не смог. Да, это было бы точное выражение: «Мы обжились в катастрофе». «Об этом написать, – думал он. – Но не забыть, что Кольку убила просто жизнь, её устройство». Может, жестокость заключается в самой субстанции бытия?

Вдруг забормотались строчки Высоцкого:

*Возвращаются все, кроме лучших друзей,
Кроме самых любимых и преданных женщин...*

Любимая женщина Хвороста оставила, а друг умер.

Грачу в жизни и везло, и не везло, у него, казалось поначалу, как у всех, полосатая была жизнь. Из украинской деревни он рвался в центр жизни, поступил в военное училище топографом, лет в двадцать женился. Первый брак был неудачным, жена изменила ему через месяц с лучшим другом по военному училищу, а потом ушла к нему, больше о ней Колька и слышать ничего не хотел. Но всё же карьера сложилась лучше, чем у друга-предателя. Подполковник, сотрудник МИДа, как сам он говорил: «Защищаю интересы России, отстаиваю наши границы, на которые Китай зарится. Может, Китай и прав, но я присягал защищать Россию. И буду защищать. Всё же я – солдат, и есть воинский долг и честь офицера».

На излёте Советской власти начал писать прозу, после перестройки опубликовал два романа и книгу очерков, хотя лучшие его тексты никто не печатал. Вступил в Союз писателей (Хворост дал ему рекомендацию). Правда, в перестройку, когда, вроде, наступила свобода,

его отец вдруг в их селе вышел на улицу с жовто-блакитным знаменем, которое прятал десятки лет на чердаке. Оказалось, что отец – бывший бандеровец, фамилия Грач и документы были взяты у убитого им советского офицера. Он ходил по улицам и кричал, что его сыны продались москалям, что он вынужден был скрываться, а теперь от них отрекается. Тут Кольке пришло предложение из Киева перейти в Украинскую армию с повышением в чине. Иллюзий по поводу российского правительства у него не было, Ельцина он презирал, но сказал: «Солдат приносит присягу один раз. И это навсегда».

Карьера снова пошла в гору. Получил наконец квартиру, обставил. И снова женился. Семён вспомнил Веткину историю о гибели чьей-то молодой жены. У Кольки жене только-только девятнадцать исполнилось. Удар судьбы. Грач пристроил её в МИД. Во время случайной поездки на служебной машине она и погибла. Грач запил, как пьют простые русские мужики. Семён почему-то даже глаза зажмурил, подумав об этом. Тоска! Почему человек не может с собой справиться? Его университетский приятель Олег Любский как-то сказал: «Человек – это неудачный проект Бога». Олег уже в советское время мыслил проектами. Вот и стал менеджером. Семён сжал зубы, стараясь не думать об Олеге.

Накануне вместе с двумя дамами из Союза писателей (МИД вычеркнул Грача за пьянство из списков сотрудников навсегда) Семён разбирал Колькины бумаги. На стенах – везде – висели фотографии погибшей жены. Их свадьба, *она улыбается ему, они* в саду среди белых яблонь, в поле *она* смотрит *на него* сквозь подсолнухи, на фоне окна среди домашних цветов... Обе комнаты были почти пустые, Колька все вещи, даже кресла, которыми одно время гордился (не хуже, чем у других мидовцев!), пропил, но фотографии остались. Женщины разбирали ящики шкафа, где лежали папки с рукописями. Коля как-то, протрезвев, позвонил в Союз и сказал, где в случае чего искать рукописи. Семён просматривал ящики письменного стола (стол тоже не пропил – всё же жил в нём писатель!). И вдруг в одном из нижних ящиков он увидел небольшую картонную коробку. Подумал, что там какие-то документы, могут понадобиться. Он взялся за неё и ощутил не бумажную тяжесть. Хворост раскрыл и увидел нечто завернутое в чистую тряпку. Достаточно было взяться за эту штуку, чтобы понять, что это. Все же три года в погранвойсках не прошли мимо. Семён развернул тряпку. Он правильно догадался: это был пистолет, пистолет Макарова. Быстро завернул его снова в тряпку, опустил в коробку, где лежали ещё две обоймы, а коробку сунул в портфель. Зачем – и сам не знал. Зачем и Колька держал пистолет, тоже не догадался, не понял. Только по дороге на автобус сообразил: друг всерьёз думал о самоубийстве. Но потом убил себя по-другому. Прав был Владимир Соловьёв, что сильная и трагическая любовь бесплодна, ведёт к самоубийству. Он помнил его фразу: «Сильная любовь большей частью бывает несчастна, а несчастная любовь ведёт к самоубийству в той или другой форме».

Женщины повезли рукописи в Союз. Договорились встретиться в день похорон около морга. Этот день наступил быстро. Семён долго

ехал на автобусе на окраину Москвы, шёл мимо чахлых кустиков и деревец по асфальтовой дорожке вдоль больничной ограды. Впереди он увидел идущего мужчину в форме военного моряка. На прощании в морге почти никого не было: моряк оказался тестем Грача, Колькин брат, он же врач, дважды пытавшийся лечить брата от запоя; его жена, Семён и две женщины, сотрудницы писательского Союза. Бывший тесть, почти ровесник Кольки, адмирал, в парадной форме, красивый, черноволосый, был с таким трагическим выражением на лице, какого Хворост в жизни не видел, только в кино. Колька был его последней связью с жизнью. Умерла пять лет назад жена, адмирал сам, один, воспитывал дочь, ради неё не женился, выдал её восемнадцати лет замуж. И вроде бы удачно. Колька был подполковник, топограф, работал в МИДе, да ещё писал романы. Марьяна увидела его на одном из вечеров в офицерском клубе, влюбилась. А уж он как любил! Ему было сорок пять, Марьяне – восемнадцать. Грач просто с ума сходил от страсти. Адмирал не считал это неравным браком. Он был рад, что у дочери муж – опытный мужчина, с положением и в общем-то не стар ещё. Но адмирала словно преследовал какой-то рок.

Хворост и сам прошёл армию – срочную службу в погранвойсках. Он вспоминал, что в детстве хотел быть пограничником. Иметь в руках настоящее оружие. Так что мечта детства исполнилась. Но на военную карьеру не согласился. Хотя и был в своей роте не последней сошкой. Он не очень любил рассказывать о своём пограничном прошлом. Правда, написал маленький роман «Имперские солдаты», который ему даже удалось издать отдельной книгой в молодёжной серии. Отсюда и ощущение себя писателем. Он продолжал писать, давно вступил в Союз писателей, хотя печатался немного. При знакомстве с Алёнкой он подарил ей роман и через день получил смс, как всегда у неё, лёгкое, шутовое, но серьёзное: «Секретная шифровка. Читаю роман. Да, ты большой писатель. Дочитала. Очень много мыслей теперь. ТЫ гений. Кажется». Потом стала называть себя «его Империей», не очень зная о героине Бальзака, блистательной куртизанке Возрождения с этим же именем.

Служил Хворост под Владивостоком. Он помнил, как ходил в самоволки, как проносил в казарму партию тройного одеколона, пить который считалось высшим шиком. Помнил поселковых девок, с их отработанными предыдущими солдатами-срочниками сексуальными приёмами. Помнил, как умел пройти строевым шагом мимо дежурного лейтенанта, умел браво отдать честь, а также, как бы между прочим, произнести свою дежурную шутку: «Мы отдаём честь военному начальству, а девушки – нам. Ведь в природе должно быть равновесие». И все обычно смеялись. Там он привык, что мужик живёт от самоволки до самоволки, от одной девки до другой. Дослужился до сержанта, потом до прапорщика, получил табельный пистолет, и авторитет его среди окружающих девиц вырос. Он был провинциал из-под Калуги, из маленького городка Кондрово, но дед до ареста был московским профессором, и Хворост успел отучиться год в Московском университете на философском факультете и для

местных девочек был настоящим москвичом, столичной штучкой. Да и делать *это* он умел лучше местных. У него ещё с детства было удивление перед строением женского тела. Но любви тогда не было и в помине, он тогда и подумать, вообразить даже не мог, как страсть может перейти в страдание.

Колька работал в китайской группе, куда после трёх совершенно безумных медовых месяцев пристроил и молодую жену – секретаршей в пекинскую группу. Она улетела в Пекин. Грач через неделю должен был лететь к ней на полгода. Он и поехал через неделю, чтобы привезти гроб с телом молодой жены. В Пекине стояла жара, и она поехала с подругой на казённой машине купаться на озеро. На обратном пути машину занесло, дёрнуло. Подруга ничего, а у Марьяны сломался шейный позвонок. «Очень хрупкая была», – говорил с тоской Коля, выпивал стакан водки и переводил дыхание.

Пять лет назад двоюродный брат Хвороста умер, уткнувшись лицом в диван. Пил, с работы выгоняли. Тут не любовь была, но тоже женщина, скорее, баба. Женился на лимитчице, она родила сына, прописалась у него, а с московской пропиской достигла того, к чему стремилась, и стала гулять. Переехала к любовнику. Сын Витька отбился от рук, то у матери жил, то у отца. Стал дворовым хулиганом, гнусной шпаной. Сашка пытался отдать его в суворовское училище, которое заканчивал Сашкин отец, дядя Семёна по матери. Витька сбежал и оттуда.

Колю Грача после торжественных речей (все-го-то две было – Семёна и сотрудницы из Союза писателей) из морга забрали родственники и увезли на автобусе на Украину. Перед отъездом, прямо на улице, Колькин брат достал бутылку, стаканы, быстро разлил, все выпили, без закуски. И автобусом увезли Кольку. Даже на кладбище не зайдёшь. И уже не пошутит он, улыбаясь деревенской белозубой улыбкой, не произнесёт свои постоянные холяжские прибаутки: «Дед сидит на завалинке украинской хаты. К нему со всех ног бежит внучок: «Диду, диду, москали у космос полетели!» Дед молчит, потом вынимает изо рта трубку, прочищает её и задаёт вопрос: «Уси?!» Второй анекдот: «Внучка хохла затяжелела, родила чёрненького, его приняли в семью. Дед всё так же сидит на завалинке, сосёт трубку, чёрненький играет с хлопцами. Наигрался, бежит к деду: «Диду, диду! Исты хочу!» Дед молчит, потом задумчиво и рассудительно говорит: «Иде ж я тебе бананьев достану?»

«Грач с твёрдым знаком на конце», – острит Колька, говоря о себе. Его село располагалось под Чернобылем, эта чернота словно окутала его жизнь. Хотя его-то там уже не было, когда станция рванула. Сам Колька опять же острит, что фраза Гоголя теперь получила основание: «Редкая птица долетит до середины Днепра». Деревенский мальчик, ставший подполковником-топографом, всегда ходил в костюме, белой рубашке и при галстукке. Лицо круглое, улычиво-хитроватое. Начал строить дачу под Москвой, чтоб не хуже, чем у мидовских приятелей. Сам рассказывал со смехом, что начало дачной стройке положил Ким Ир Сен, подаривший каждому из участников саммита по серебряной табличке со своими изречениями и выделанную шкуру

редкого пушного зверя. Коля тут же шкуру и табличку продал, денег хватило на фундамент. Строил почти десять лет. За год до женитьбы завершил.

Познакомились они на школе молодых писателей, Коле было тридцать четыре, Семёну – сорок четыре. Оба не хотели, чтобы начальство узнало про их писательские упражнения: был излёт советской власти, и всюду начальству мерещились диссиденты. Они подружались. Очень ему понравился Колин рассказ под невероятно банальным заглавием «Жизнь». Он помнил рассказ почти наизусть, потому что на совещании был разбирающим рассказ Грача. Рассказ был о том, как мальчик играет на альте на деревенских похоронах: «Из ямы, из мятых труб музыкантов, с неба дуло пронизывающим холодом... Стёпке было видно всё: и рыжая яма, и мужики, заколачивающие гроб, и серые лица людей. А мальчик работал, чувствуя свою нужность, косил глазом с гордостью на правый рукав с белым платком и выдувал из своего альта необходимые звуки». Потом музыкант в возрасте спрашивает его: «Скажи, Стёпка, что такое жизнь?» И сам отвечает: «Не знаешь. И я теперь, глядя на эту суету, стал сомневаться. Вообще-то, Стёпка, жизнь – это существование белковых тел. Это Энгельс сказал. Белки-то вы уже проходили? Нет? Ну не буду я тебе объяснять». Дома просыпается отец, давно не работающий, ворчит на Стёпку, мать прячет заработанную им пятёрку, а мальчик берёт «Биологию» за десятый класс и читает: «Белки – это высокомолекулярные органические вещества». И ничего не понимает. Рассказ так и не напечатали. Что закономерно, как считал Хворост.

Он тогда ещё подумал, что всё правда и люди, которые хоронили родственника, не более чем белковые тела. Но не решился сказать такое о народе. Впрочем, Коля и сам многое понимал. Тоска от деревенской жизни ему была понятна. Недаром рвался в Москву, в центр, писал рассказы. Но Хворосту со временем рассказ казался всё глубже и глубже. Строго говоря, и вообще, не только деревенские, но все люди лишь белковые тела. И все их писания, рисования, тем более получение денег и славы, корабли, нефть, банки – всё так преходяще. Всё это знали со времён древнейших мудрецов. Но те ещё к людям обращались, а надо бы быть спокойнее. Какого смысла искать в этой жизни, которая всего лишь способ существования белковых тел? А белковые тела – нечто бессмысленное. Все женские тела, женские прелести, которые были самым важным в его жизни, тоже всего лишь белок, сотворено из материи, которая уйдёт.

После смерти Марьяны Колька пил неделями, не ходил на работу, из МИДа его уволили, остался он при военной пенсии. Квартира осталась, осталась и дача, которую он сдал приезжим таджикам. То есть деньги были. Событьниками стали абсолютно подзаборные дворовые алкаши. Он, приехав в Москву из украинского села, хотел жить вровень со своими московскими коллегами, которые все были происхождения партийно-элитарного: дети и племянники бывших секретарей обкомов, генералов, министерских чиновников. Колька обладал невероятной энергией, ездил на переговоры, где, как сам с гордостью говорил, «отстаивал интересы России», писал отчёты, очерки в газе-

ты о китайской жизни, рассказы и романы из деревенской и военной жизни. Первая жена была давно. Колька носил в себе эту травму, пытался писать об этом, чтобы преодолеть боль, а в жизни перебивался случайными связями. Ждал принцессу, чтобы привести её в свой дворец. Привёл. Но после случившегося ужаса начал водить в эту квартиру всю местную пьянь, пропивая вещи, которые собирал долго и с надеждой. Надежда ушла. Он и с Семёном старался поменьше общаться. Но как-то позвал. Семён тогда первый раз ходил среди фотографий Марьяны, московских, пекинских, которыми Колька увесил все стены. И около каждой её фотографии выпивал и требовал того же от Хвороста.

А потом сказал: «Ты, Сёмка, не понимаешь, что такое страстная любовь молодой женщины, которой ты старше почти на тридцать лет! Это фантастическое счастье! И ужас, и пустота небытия, когда ты её теряешь. Скажи спасибо, что ты не пережил ничего подобного. Думаю, я себя водкой всё же добыю». Хворост спросил, чтобы хоть что-то сказать: «Ты у неё первый был?» Грач помотал головой: «Был до меня какой-то мудака. Учитель физики из старших классов. Потом мелким бизнесменишкой стал. Мы уж поженались, а он её всё по телефону доставал. Усатая такая тварь. Таракан. Почему-то усатым не доверяю, что-то в них из тараканьего мира. Нашёл я его, показал пистолет и сказал, что убью. И этот усатик мигом с горизонта исчез». «А что, убил бы?» Коля твёрдо посмотрел на него, словно не пил: «Конечно, убил бы. Знаешь, у каждого в душе живёт тёмный спутник. Невидимый. Как Немезида, тёмная звезда у нашего Солнца. Так вот, окончательные решения на Земле принимает она. Немезида, понимаешь?»

Похоже, именно этот пистолет Семён и нашёл у него в столе. Пистолет с историей. И вспомнив сейчас этот разговор, подумал, что пистолет был не для самоубийства, а орудием возможного убийства. В тот раз Семён выпил с ним, потому что боль от такой же потери (хоть и не такой страшной) засела и у него в груди, голове, сердце. Организм разлаживался. «В каком-то смысле, – думал он эгоистически, – мне страшнее. Не внешний рок, а какой-то внутренний разлад оторвал мою страсть от меня. И, похоже, оторвал навсегда». Он горел как хворост и болел от любви. Об этом как-то Алёнке, уже после размолвки, сказал: «Я и горю, как положено хворосту, но я не только Хворост, а хворость. Болею любовью к тебе». Она и ухом не повела. Бунин так сказал о Галине Кузнецовой, когда пригрозил, что их духовная близость кончилась. «Она и ухом не повела». Слово «bunin» было секретным его паролем для переписки с Алёнкой. Пароль этот и напроорочил им обоим. Он чувствовал себя иногда Буниным, а её – Галиной Кузнецовой. Только виллы не было, да и Нобелевской премии тоже. А когда-то она в восторге от его текстов (когда он сказал, что никогда никакой литературной премии не получит) улыбнулась сладко ему: «Я твоя «нобелевка».

Он шёл от морга к автобусной остановке вдоль всё той же больницы ограда, мимо мелких кустов. Несмотря на подавленность, шаг его был всё такой же лёгкий и быстрый, как всегда. Армия приучила

ходить ровно и быстро. Да и как иначе: биологический свой возраст он определял как сорокалетний, пусть сорокапятилетний (не больше!). Под кустами разлеглась большая чёрная кошка и словно провожала Семёна глазами. «Что же мне всюду Алёнка чудится?» – с тоской подумал он. Наклонился, попытался погладить, но кошка шипнула и отпрянула. В портфеле на дне лежала коробка с пистолетом, поэтому ноша была тяжелее обычной. Всё равно Кольке оружие уже ни к чему, а раз никто не хватился пропажи оружия, значит, Колька ПМ как-то заныкал. Связи в своё время у него были. Надо бы только пристрелять его. Но не теперь.

До остановки было недалеко. Тесть Грача уехал на служебной машине. Сотрудниц тоже подобрал какой-то казённый автобус. Перед Семёном шли две девчухи-первокурсницы. Одна – другой с возмущением: «Эти старухи не знают, кто такие абитуриенты!» Вторая – даже с ещё большим пафосом: «Вот какое невежество! И куда катится мир?!» Минуту шли молча. Потом: «Какая наглость в них!» – воскликнула первая. А вторая ответила важно, видимо, расхожим афоризмом: «Наглость – это второе счастье». Поразительно, сказал он себе, что они, эти дурёхи, воображают себя центром мира. У них мысли прыгали, как птички. Старшая вдруг сказала: «А ты заметила, как нам, девушкам, сейчас трудно? Ни одного нормального мальчика не найдёшь. Почти все голубые».

Хворост обогнал их и вспомнил рассказ старшей дочери Кристины (она матери рассказывала, разумеется), он его случайно услышал. Речь шла о её преподавателе немецкой литературы, который, не стесняясь, говорил, что у него есть постоянный друг, поэтому он не распутник. Однокурсницы её занимались *этим* при каждом удобном случае, словно опасаясь, что на их время мальчиков не хватит. У них даже термин был для этого занятия: «размножаться». И мать Кристиной подружки спрашивала у дочери, глядя на её помятую физиономию: «Ты сегодня опять размножалась?» Семёна всегда поражало как раз другое: безгрешность и даже какая-то ясность взгляда, свежесть в лице у Алёнки после полового акта. Особенно безгрешность была удивительна.

«Лупанарий, – подумал Хворост. – Петрония нам не хватает. Очередной конец Третьего Рима».

Девочек волновало отсутствие мальчиков, волновала однополая любовь. Он помнил и про Галину Кузнецову, и Маргу Степун, про то, как на конференции в Бостоне видел американскую неожиданную пару. Русская приятельница-эмигрантка шепнула: «Обрати внимание на высокую брюнетку Джоанну и блондиночку, пухлую Карен. Потом расскажу». Он не удержался с вопросом, показывая себя понимающим: «Лесбиянки, что ли?» Она покачала головой: «Сказала же: потом расскажу». И она рассказала уже по телефону, что Джоанна была Джоном, был нормальный брак. А потом Джон сменил пол. Поразительно, что они остались любящей парой. То есть любовь выше пола? Это он тоже понимал. Расстройству девочек, однако, сочувствовал. Теперь он сознавал, что женщине надо найти себя в замужестве, как говорила Алёнка, «пристроить себя в жизни».

***

Автобус, потом метро, потом снова автобус. В автобусе очень большегрудая девица с крупными чертами лица почти всю дорогу, не отрывая от уха мобильник, громким голосом на весь достаточно шумный автобус беседовала с кем-то: «В этой семье все девицы замуж выходят только с залёту. Одна залетела, теперь вот вторая. Я от первой знаю, мы к ней приезжали ножки младенца обмывать!»

Он вышел, глядя на привычные окрестности. Павильон с продуктами, лотки с уложенными фруктами, семечками и разнообразными орехами. Не сравнить с пустой Москвой в перестройку.

Надо идти домой. Но можно ли назвать домом то, где он живёт? Там его первая жена – Валя, там дочка Кристина. Но давно, очень давно он чувствовал себя здесь чужим. Особенно дело стало скверным после его и Валькиных измен, а совсем швах, когда он сошёлся с Иветтой, отбив её у своего начальника Казбека Касымова, развёлся с Валей, но съехаться с Веткой никак не получалось, и он жил вместе с бывшей женой и дочерью, но как сосед.

По дороге к дому пришлось вытащить зонт: полил резкий весенний дождь. Вдруг кто-то тронул его за локоть и спросил:

– Сёма, можно я к тебе под зонтик?

Пахнуло немытым женским телом. Он сказал «да» и повернул голову.

Рядом почти прижалась к нему соседка Люба со второго этажа. Когда она пользовалась лифтом, то после неё стоял запах чего-то противного. Жена Валентина как-то ходила собирать подписи жильцов под письмом префекту, чтобы починили дверь в подъезде, и зашла к ней. Потом рассказывала, что её чуть не вырвало. Ванна была завалена старой одеждой, банками с квашеной капустой, стало понятно, что мыться ей, детям и родителям негде. Странная была женщина – нет, не бомжиха, не проститутка. Жила в двухкомнатной квартире с отцом и матерью, двумя инвалидами, и с двумя детьми, которых прижила от студента-кубинца. Кубинец уехал на свой Остров Свободы, а она осталась в Москве, из-за детей уйдя со второго курса инженерно-транспортного института. Больше нигде не училась и не работала. Нигде, конечно, преувеличение. Как-то год она проработала почтальоном. Потом бросила. Теперь жила на пенсию стариков, сама и дети. Как на это жить? Непонятно. Ходила по соседям занимать деньги без отдачи. Когда не одалживали, смотрела злобно и мстительно, бормоча что-то вроде: «Ужо попомню». Валька никогда не давала ей денег, её разночинское сознание не могло допустить, что кому-то позволено паразитировать и не работать. И Семёну говорила, что когда-нибудь эта люмпен-пролетарка, если опять разрешат грабить, начнёт с их квартиры, а точнее, с неё. Люба водила стариков гулять. Мать ходила, опираясь на палку, в толстых очках, почти слепая. Отец брёл сзади. Дети её при этом были симпатичные, красивые даже. Девочка немного странная, а мальчик энергичный, гонявший на велосипеде с приятелями. «Я не разгибаюсь день и почти всю ночь, – злилась Валька. – Почему мне ей отдавать свои кровные?»

– Конечно, идите, – сказал Хворост, принципиально не переходя с ней на «ты», а сам вдруг прокрутил в мыслях афоризм прохожих девиц: «Наглость – второе счастье».

Они пошли рядом быстрыми шагами.

– Сёма, – неприятно амикошонски продолжала она, – а правду говорят, что когда люди вместе переживают что-нибудь серьёзное, то они становятся неразлучными?

– Не знаю, – сухо ответил Семён. (Примерно те же слова сказала ему тоже под дождём Алёнка за неделю или две перед тем, как его оставить.)

Но Люба не отставала, словно совместное движение под зонтиком давало ей на что-то право, и лезла в интимное.

– Скажи, вы ведь развелись... Да? А почему не разъезжаетесь? Ты ей, наверно, деньги даёшь? Поэтому она тебя и не отпускает.

Тут, слава Богу, они зашли в подъезд, Хворост закрыл зонтик, с отвращением вдыхая воздух подъезда, почти такой же тухлый, как запах от Любы. В подъезде стоял шум воды, текущей из прорванной трубы канализации в подвале. Вместе они зашли в лифт, Люба ехала до второго этажа, Семён – до десятого. Обычно она ходила на свой второй этаж пешком, но тут было явное желание побыть рядом с мужчиной, да ещё и разведённым мужчиной. Без надежды, просто так. Может, хотела также услышать какие-то резкие слова о Вале. Но о бывшей жене он старался ни с кем не говорить.

У Вали раньше была однокомнатная квартира в «хрущобе», у него – коммуналка. Сосед – пьяница. Часто засыпал перед дверью комнаты Хвороста, почти запирая её своим телом. Приходилось за ноги тащить алкаша в его конуру. А утром «за оскорбление его личности» выдавать на опохмел. Обменяли, получили с доплатой трехкомнатную на последнем этаже. Но жизнь не ладилась. Её тревожили его долгие отлучки. У неё была одна идея, одна страсть – чтобы дочка Кристина уехала в Европу и жила там. Уехала бы навсегда. Все деньги тратила на преподавателей иностранных языков. И Кристина знала свободно шведский, немецкий и английский. Валя очень ею гордилась. Потом жена, как многие маленькие женщины, быстро увяла. Да к тому же Валя уже сама постели не очень хотела, уставала от бесконечной компьютерной перепечатки, подрабатывая набором статей. В какой-то момент Семён начал понимать, что если о ком-то из клиентов она рассказывает больше, чем о других, – о нём, о его делах, семье, – значит, уступила, *дала*. Он всегда так думал, когда возникали подробности из жизни клиента.

Ему она тоже раньше печатала. Да и теперь иногда. И с ней у него до того, как они сошлись, были случаи «тактильных контактов», как говорят врачи. То приобожмёт, то за грудь потискает, то в губы поцелует. Однако прикосновения были лёгкие, необязательные. Но как-то он разозлился. Пришёл (она должна была к сроку перепечатать его текст), а она, разводя руками, очень по-русски ответила: «Ну, не смогла! Что теперь, застрелиться?» – «Нет, стреляться не надо. Но я потребую неустойку».

Он поздно решил защищаться, ему уже около сорока было, а она не напечатала первый вариант его кандидатской, которую надо было нести завтра научному руководителю. С Валеёй познакомил его сотрудник по сектору, гульливый армянин, сказав, что с ней *можно...* Валентина была младше его на четырнадцать лет. Её было двадцать шесть, для женщин самый возраст иметь постоянного мужчину. Семёну она не очень нравилась, советом он тогда пренебрёг. Но тут с шальным озорством он притянул её к себе и начал стягивать с неё кофточку, заваливая на диван. Пока он расстёгивал её лифчик, она сама сбросила брюки и трусики и пробормотала: «Давай я хоть постель расстелю».

Валя забеременела. Как порядочный человек, он на ней женился.

Они жили совсем небогато, он ходил в магазин к мясникам, которые его почему-то полюбили, сначала пожалели, увидев его как-то с тяжёлого похмелья, заведя за прилавок, налили стакан водки *полечиться*, отрубили кусок строганины – заесть. Потом, заведя за прилавок, рубили нужный кусок мяса, а ведь на прилавке валялись ошметки. В советские времена дружба с мясниками была великое дело. Узнав, что он пишет не только рассказы, которые тогда не печатались, но и статьи, мужики тут же попросили картинку к статьям. Виды, иллюстрации, фотки девочек. «Да я, ребята, совсем не тот, кто вам нужен. Я философ, картинками не балуюсь». Они ещё больше зауважали его: «Мы сразу поняли, что ты парень с извилинами». Потом их посадили. Мясной отдел был местом опасным.

Валя по-своему уважала его, наверно, и тоже любила. Даже и сейчас. Как-то позвонила им одна пожилая американка по имени Доротея, приятельница его покойного деда, попросила к телефону Семёну. Надо сказать, что до того, как деда «выслали» в Калужский политех, а потом отправили на пенсию – в Кондрово, городок под Калугой, он немало поездил по миру как молодой и перспективный советский инженер. Связи остались, хотя дед их тщательно скрывал и обрывал, какие мог. Валька ответила американке, что он не Семёна, а Семён Георгиевич Хворост, что он уже кандидатскую защитил. Настойчивая американка Хвороста всё же вызвонила и отчитала его: «У тебя очень грубая женщина. Как ты можешь с ней жить? У нас в Америке пожилых людей уважают. Ты с детства был для меня Семёной, Семёной и останешься». Тоже странная была особа: вышла в США за советского разведчика, вместе с ним бежала в Советский Союз. Разведчик до того был главным инженером на американском заводе, где работал и Семёнов дед, проходя зарубежную стажировку. После бегства разведчика в СССР дружбу они восстановили, несмотря на ссылку деда. Полковнику Петеру (бывшему Петрову) навещать старого друга не препятствовали. Но деда в начале пятидесятых арестовали даже в этом захолустье и вскоре расстреляли, квартиру описали, мать с Семёном (отец погиб на войне) выселили на окраину, в кондровскую коммуналку. Хотя какие там окраины?! Само Кондрово было окраиной при провинциальной Калуге. Там Хворост провёл всё школьное детство. На пустыре стоял дом, у которого не было ни номера, ни адреса. Жили прибудные тётки, бандиты, алкоголики, воры. Менты туда

не заходили, старшие школьники обходили стороной. У Семёна там завёлся приятель Валёк, с которым они на плоту катались по маленькому пруду. Надо сказать, когда многие боялись или не хотели с его матерью и с ним общаться, американка и её муж-разведчик оставались верными друзьями и, чем могли, помогали. Валя не желала про это слушать и это понимать. Муж-разведчик умер. Американка пережила его лет на восемь. За ней «ходила» домработница, помимо зарплаты рассчитывавшая на денежное наследство. Когда после смерти Доротеи вскрыли её завещание, домработница материлась как могла. Все свои деньги вдова разведчика пожертвовала «Пол Поту и борющемуся за свободу народу Кампучии». Бред, морок! Московская квартира ей улыбнулась. Семён, когда вырос, поставил себе цель вернуться в Москву. И вернулся.

В связке ключей, которую Семён носил в заднем кармане, он нащупал нужный и открыл входную дверь. Из своей комнаты выглянула дочь Кристина. Она знала, кто пришёл, но ей хотелось, чтобы отец прочитал на её лице неприязнь, переходившую в ненависть. После полугодовой стажировки в Швеции характер её стал чудовищным. Кристине написал её шведский бойфренд, чтобы она вышла фиктивно замуж за их общего приятеля, чтобы остаться в стране. А любить они будут друг друга дальше. Кристина рыдала. Тогда-то он и вспомнил Алёнку. И свой совет про литовца. Он знал это дочкино выражение лица, в душе сразу всё холодело. Почему-то чувствовал себя виноватым. Наверно, потому, что поступил так же, как шведский гадёныш. Но всё же сказал:

– Привет, дочка. Как дела?

– Тебе не всё ли равно? – ответила она.

Он понимал, что всё это он заслужил. Жена Валентина («бывшая», «первая») тоже часто так отвечала ему, порой и не глядя на него. А Иветту злило, что он никак, даже разведясь, не регистрирует их отношения. А она «ведь от мужа к нему ушла», говорила Ветка. И это было правдой (причём от богатого мужа).

Он откликался на каждое приглашение на каждую конференцию, ездил всегда. Это было почти полуофициальное пристанище (подальше от Валентины) и разрешение случайных сексуальных связей. Его завсектором Казбек Касымов всегда отпускал Семёна на конференции, доклады его нравились, он стал популярным. На бабские шашни Хвороста Касымов смотрел снисходительно, даже с какой-то гордостью.

На одной из конференционных фуршетных пьянок он познакомился с Веткой, которая всё подсаживалась к нему за стол, заговаривала; он всё удивлялся, что это за тридцатилетняя женщина (а ему уже пятьдесят шесть!) строит ему глазки. Но гонор у него был вполне молодой. Выпили, у него был отдельный номер. Там это и случилось. А утром призналась, что она жена его начальника, Казбека Касымова, и на вопрос, чего она в таком случае к нему клеилась, пояснила: «Муж много рассказывал о ведущем научном сотруднике в своём секторе, некоем Хворосте, говорил, что очень талантлив. Хотела посмотреть на вас, но спать с вами не собиралась. Как вам это удалось? Почему вдруг вы? Думала подружиться. Чтобы мы могли гулять

по парку и беседовать. Почему вы? У меня много молодых поклонников». Что-то детское было в её словах, поворотах мысли и выражениях. Она стала сразу писать ему эсэмэски: «Если вы сможете, то я готова с вами сегодня очень долго общаться». А через неделю общения пришла такая: «Она была девушка. Она была влюблена». Она стала называть его по фамилии, потому что, как она ему писала: «Хворост – это вселенная, это то, что заслуживает настоящих чувств, это что-то очень серьёзное». По имени вселенную не назовёшь. Была нежно-осторожна, учитывала, что он женат, спрашивала в смс: «А когда ты мне можешь позвонить?»

«Будь осторожнее с эсэмэсками», – как-то сказал он ей. Она сладко ответила: «Да уж, если он когда-нибудь откроет комп или мой мобильный, то сразу со мной разведётся». «Надо стирать письма», – ответил он наставительно. Она счастливо смотрела на него: «Жалко. Там столько нежных слов».

Но Касымов как-то открыл её мобильный, а потом проверил и компьютер. А тут и беременность подоспела. Она и ушла к Хворосту.

Похоже, она почти сразу решила забеременеть от него, это он только потом понял, вспомнив её письмо: «Запомни: Хворост – это навсегда. Даже если мы страшно, навсегда, бесповоротно поссоримся – я тебя буду очень любить, потому что мой Хворост – это то, что заслуживает настоящих чувств, это что-то очень серьёзное. Хочу быть с тобой, хочу».

И однажды она добилась своего. Кончилось всё тем, что она забеременела, родила дочку, назвала её Семёнка – то ли в честь Семёна, то ли в честь его семени – и ушла от мужа. Сына муж не отдал, оставил себе. Ветка не возражала, влюблённая по уши в Хвороста. Он должен был её взять к себе. Но куда? У Семёна своего дома не было. Иветта пошла работать в банк. Вместе они сумели купить однокомнатную квартиру. Семён не разводился, хотя с работы у Касимова, разумеется, ушёл. Имя уже наработал, его позвали в другой институт, где сразу дали сектор, выдвинули через год в членкоры, но в эту структуру не пошёл. Пошёл параллельно преподавать в университет. Хотел быть профессором, как дед. Так сказать, восстановить историческую справедливость.

С Веткой тем не менее он виделся, но не в купленной квартире, а по-прежнему на стороне. Его ненавидела его неофициальная теща. Она шипела, глядя на Семёна: «На цыпочках долго не прстоишь». Это когда Иветта сказала матери, какой он гениальный. Так что в тот дом приехать он не мог. Даже позже, когда уже было понятно, что с Валентиной он не живёт, что он фактический муж Иветты, её мать называла себя «злая теща Хвороста», но в дом не пускала: «Пусть свой строит». На робкие возражения Ветки, что там есть и деньги Семёна, она отмахивалась. Как-то за обедом при Семёне она брякнула: «Ну не люблю я Хвороста! Я это всем так прямо и говорю! Ничего с собой поделатъ не могу». И самодовольно огляделась, ища похвалу своей искренности. Хворост опустил голову. А Ветка охнула: «Мама, ведь Семён здесь». Мать ответила: «А я и от него не скрываю. Мне скрывать нечего».

И Хворост продолжал жить в квартире с Валькой. Так длилось уже одиннадцать лет. Семёнке было уже десять, а Кристине – двадцать два.

Вообще-то Хворосту было всё равно, где и с кем жить, он сам поражался своему равнодушию. Если в нём нуждаются, то ладно. Но только чтоб без лишних движений. Ветка как-то в самом начале их связи спросила: «Хворост, ты женишься на мне или нет? Давно хотела спросить. Ребёнка мне сделал. Дочка на тебя похожа. Муж об этом знал, но молчал. Он почти святой. Хотя бы вместе мы можем жить? Чего молчишь? Я же тебе предложение делаю! Сына ради тебя бросаю». Она смотрела на него своими синими, ясными, большими глазами с эротической поволокой. Он пожал плечами и отмолчался.

«Зачем я тебе? – спрашивал Семён. – Денег у меня мало, одним домом не живём...» Она усмехалась какой-то очень женской усмешкой: «Ты, Хворост, почти ни на что как муж не способен. Но ты мне нужен для разврата». – «Почему для разврата?» Она пояснила: «Потому что порядочной женщине раз в жизни нужно испытать настоящий разврат. А ты для этого очень приспособлен. Пригоден, хочу сказать». Они при этом продолжали собирать деньги на ещё одну однокомнатную квартиру, был шанс купить её в том же доме, даже в том же подъезде. Пока же как любовники встречались пару раз в неделю. Но бесхозный мужик – это добычка, вокруг него всегда кружатся девицы. Алёнка была, конечно, не просто девица, она была любовь, страсть, страдание. И она его оттолкнула.

Поэтому как-то месяц назад в командировке он не удержался и переспал с аппетитной сотрудницей института, где проходила конференция. Юная женщина разгорелась, особенно когда Хворост брякнул, что разведён, и закидала его эсэмэсками. Он терпеливо и от нечего делать отвечал, пока как-то ревнивая Ветка не сунула нос в его «эсэмэсную» почту... Иветта вначале обалдела. Он думал, что она разорвёт с ним или его разорвёт на части. Но она поступила, поразмыслив, по-женски мудро. Взяла недельный отпуск, уложила Хвороста на себя и устроила ему такой мусульманский рай, что он через неделю даже думать о сексе не хотел, сил не было. И потребовала, чтобы он переехал к ней. Мать она обещала приструнить. И та тоже чего-то притихла. Видимо, поняла, что дочка не её выберет, если что случится. А он не понимал, как сошёлся с той сотрудницей. Если бы Алёнка была с ним, даже не посмотрел бы.

Она и была реальной причиной, почему он два года назад притормозил свой переезд к Ветке. Именно об этом думал, когда слушал пару месяцев назад слова Кольки Грача о его трагедии. Уже после своего ухода Алёнка писала: «Я бы босиком к тебе прибежала, если бы могла. Но не могу». Почему? Он не мог понять. А теперь, войдя в квартиру, где он прожил почти двадцать лет с Валею, думал: «Да, запутался ты, господин Хворост. И Алёнка тебя уже бросила. Почему не жить так, – уговаривал он себя, – будто ничего этого не было – ни Леденёвой, ни их страстных свиданий, ни её сумасшедших писем?» Надо просто психологически вернуться на два года назад. Ведь мог же он жить, пока её не знал. Встреча их – случай-

ность. Вообразим, что случайности этой не было. Ведь жил же. Возможно это? И с тоской отвечал, что невозможно. Уже изменён состав крови. К худому ли, к хорошему?.. Кто знает? Но с этим надо жить. Вопрос – как? Она была Леденёва, он звал её красавицей Ледой, себе, разумеется, отводя роль Лебеда. «Дорогая подружка моя из созвездия Лебедь!» – твердил он без конца, слегка переиначивая строчку Визбора, ибо она принадлежала ему, его звезде. Хотя на Зевса-Лебеда он и не тянул. Безумная, непроходящая страсть и желание. Бесконечный жар в груди. Невозможность уснуть. Всё вертелось в голове слова, которые не то убедили бы её вернуться, не то обидели бы до конца. Вставал в пять утра и писал ей письма. Спать не мог, душа ныла. Раскладывал пасьянсы в компе. Если сойдётся, то Алёнка вернётся. Положительно сходил с ума. Он вспомнил почти настольную в юности книгу Стендаля «О любви». Когда вдруг наступила *кристаллизация*? Когда он понял, что желание перешло в настоящую любовь? Наверно, когда бросила.

*Возвращаются все, кроме лучших друзей,
Кроме самых любимых и преданных женщин...*

Кристина ушла к себе, он завернул в туалет, потом в свою комнату, переоделся и услышал, как Валька говорит по домашнему телефону. Тогда он по мобильному позвонил издательнице. Она была подавлена, еле говорила. У её мужа обнаружена последняя стадия рака поджелудочной. Всё болело, но он упрямо отказывался даже от обезболивающих, а без них не мог заснуть, мучался. Первый приступ два года назад. Дома отлежался, в больницу не поехал. Два года назад закрыли его Физический институт, где он был начальником отдела по разработке медицинских аппаратов – новаций, так сказать. Кстати, издательница рассказала, что знаменитый аппарат УЗИ был изобретён в начале пятидесятых в Советском Союзе, блестяще прошёл испытания, а потом производить его не стали. Патент выкупили на Западе, теперь все аппараты УЗИ идут из Штатов и Германии. Саша, говорила она, изобрёл аппарат, на котором один из медиков докторскую защитил. Он всегда говорил, что Саше поможем. Вот я к нему кинулась. А он мне, что, мол, год назад надо было приходить. А Саша, как институт закрыли, себя потерял, начал дачу строить, пилил, строгал. А душа болела. Вот и спусковой крючок для рака. «Социальная причина болезни, – сказал Семён. – Так болели русские эмигранты, когда Родина их неизвестно за что выгнала». – «Понимаете, он не мог не думать. Но он исследователь, не философ, ему приборы нужны, у него прекрасные сотрудники были. Всех на ноги поставил. Я ему говорила, чтобы он пожил для себя, а он не мог. Мы для себя жить не приучены».

Колька Грач пил, чтобы убить себя. А где его спусковой крючок, чтобы без самоубийства отойти в мир иной? У Семёна не было желания спиваться, хотя выпить любил. Когда он был ещё женат на Вале, то есть не просто жил в их общей квартире, а жил семьёй, произошёл случай с платформой Калинина. Реальной платформой на Павелец-

кой дороге. Хворост умудрился устроить для своего отдела в начале восьмидесятых, накануне перестройки, просмотры западных фильмов в Госфильмофонде, в Белых Столбах. К ним часто присоединялись и Колька Грач, и университетский приятель Семёна с другого курса – Олег Любский.

Уже едучи туда с Павелецкого вокзала, отдел начал выпивать. Сначала по чуть-чуть. Потом, уже в зале во время фильма, добавили. Там были фильмы-карате. Все чувствовали себя героями. Когда уезжали, хотели ещё купить, но в Белых Столбах магазинчика со спиртным не нашлось. В итоге пятеро смелых сошли на платформе Калинина, купили три бутылки водки, пяток плавленых сырков, маленький кружок ливерной колбасы (в скобках было написано «растительной»). Спустились с платформы в снежок на полянку, пили из пластмассовых стаканчиков, разогреваясь всё больше и больше, закусывая то плавленым сыром, то фальшивым ливером, то снежком, допили три бутылки. И ещё сравнительно бодро уселись в поезд. Кассы на платформе не было, но у них обратные билеты имелись.

В поезде шумели, хохмили. Семён, как всегда, когда спиртное туманило голову, начал клеиться к двум девицам, которые весьма мило отвечали на его заигрывания. Лиц их он не запомнил. Далее судил по рассказам друзей. Встав, чтобы проводить девиц к выходу, он вдруг упал на пол вагона, ударившись затылком. На станции Коломенское поезд стоит дольше – последняя перед Москвой. Сразу сообщив, что пьяного или мёртвого везти в Москву, в лапы милиции, нельзя, приятели вытащили его на платформу, на которую его и положили, изрядно испуганные, поскольку Хворост лежал бледно-зелёный и, казалось, не дышал. Сгрудилась толпа, как всегда в таких случаях, галдела, перекрывая воздух лежавшему, советуя вызвать скорую, милицию и т. п. Тут, как рассказывал Олег Иванович Любский, сквозь толпу пробрался «какой-то мещанин», расстегнул Семёну куртку и принялся растирать ему грудь. Тут-де Хворост открыл глаза и произнёс то, что в общественных местах обычно не говорил. Как рассказывали очевидцы, слова были произнесены твёрдым, ясным голосом. И «мещанин», добавлял Олег Иванович, счёл свою миссию выполненной и скрылся. Потом друзья подхватили Семёна под мышки и потащили по ступенькам, чтобы через мост выйти к такси. Ноги бились о ступеньки, и пару недель ещё были синяки на икрах. И Олег вместе с Колькой Грачом повезли его в такси к Вальке, по дороге завернув в Елисейский, где ещё продавалось спиртное. Привезя Семёна домой, они уложили его на диван в его кабинете, пошли на кухню и открыли бутылку. Настоящие друзья – они заслужили ещё выпивки. Но всё имеет свои пределы. От крика и шума проснулась двенадцатилетняя Кристина, стала плакать и звать маму. С трудом, путаясь ногами, спотыкаясь о коврик, друзья удалились.

Дальнейшее он помнил со слов жены. Только ушли друзья, погас в квартире свет, Кристина совсем разрыдалась. Тогда в полной темноте абсолютно пьяный Семён влез на табуретку и сменил пробки. Валька считала это одним из его немногих подвигов. Свет загорелся, и он рухнул опять на диван.

Утром он проснулся около шести. Как говорил его друг Борис Орешин, «короток и тревожен сон алкоголика». Он вышел в коридор, зажёл свет, посмотрел в зеркало и даже испугался, настолько лицо его стало бледно-зелёным и гипсовым. Но тут у его ног закружился пудель, желая гулять. Он вернулся в комнату. Сделав быстро привычную зарядку (тоже армейская привычка), снова вышел в коридор. С трудом найдя поводок, прицепив его к ошейнику, Семён вышел во двор. Погуляв минут двадцать, к семи он вернулся домой. Пора было будить Кристину в школу. Он зашёл в её комнату – в комнате дочери не было. А в квартире – тишина. Испуганный, он двинулся в комнату жены. Там и нашёл он обеих, обнявшихся и спавших в их супружеской постели. Семён кашлянул и спросил громко: «Не пора ли тебе в школу?» Кристина открыла свои огромные светлые глаза и произнесла: «Это после вчерашнего-то?» Про «вчерашнее» Хворост узнал только через час, за завтраком, когда простившая его за сменённые пробки Валентина рассказала ему, что он творил. Семён не знал, куда деваться. Но с тех пор комплекс вины перед дочерью не покидал его. А на жену он смотрел с некоторой тоской. Поскольку и напился-то, чтобы поменьше её видеть. А ведь когда-то шептал ей: «Валентина, звезда, мечтанье, как поют соловьи!»

***

Поговорив по мобильному, принял душ (после морга хотелось что-то с себя смыть), вернулся в свою комнату и сел за компьютер, включил outlook. Пришло письмо из Самары от одной из бывших его подружек, знавшей, что он любит такие парадоксальные штучки. В нём она цитировала чей-то «Живой журнал»: «Уголовное дело возбуждено против одного из блоггеров «Живого журнала». Пользователь под именем «Михаил Лермонтов» разместил в своём ЖЖ стихотворение «На смерть поэта», написанное в 19-м веке русским поэтом Михаилом Лермонтовым. В строчках «Но есть и Божий суд, наперсники разврата! / Есть грозный суд: он ждёт...» прокуратура усмотрела угрозы в адрес действующих властных структур. Обвинение предъявлено по статье 277-й Уголовного кодекса «Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля». Если вина автора интернет-дневника будет доказана, ему может грозить лишение свободы на срок от 12 до 20 лет». Потом тут же подруга сообщила, что это интернетная шутка, но больно характерная, а в конце приписала: «Хочу с тобой встретиться. Выберись в Самару, буду счастлива. Мужа по болезни в санаторий отправляют на месяц. Постарайся, любимый мой».

Хворост вздохнул, сам не понимая своей странной власти над женскими сердцами и чувствуя, что уже совсем запутался. Лучше о другом думать. Он вспомнил, как посадили за хранение перепечатки «Собачьего сердца» парня, хотя текст был уже опубликован в журнале «Знамя» в начале перестройки. Знал, что у него есть два свойства: умение предсказывать, причём, как правило, плохое, и невероятная память. Он помнил всё и мог повторить наизусть любое письмо,

любую фразу, даже иногда большие цитаты из книг, которые когда-то приводил в своих текстах. Он писал в своих пока не опубликованных текстах, что катастрофа не кончилась с уходом Сталина, даже с уходом Советской власти, что процесс распада, раз начавшись, продолжался. Люди плясали над пропастью. Самое ужасное, что раньше боялись вертикали, тех, кто выходил, поднимался над скошенной травой, тоже скашивали. А теперь этих поднявшихся просто не замечают. Страна, русская культура потеряла духовную вертикаль.

И следующий мейл из его института, с требованием как-то отреагировать. В приложении было официальное письмо, под которым стояла подпись академика Т. Он просил руководство институтов РАН историко-филологического профиля во исполнение приказа президента представить: а) «аннотированный перечень историко-культурных фальсификаций русофобского толка – с указанием фальсификаторов и степени их вредности для интересов России»; б) информацию о том, как сотрудники института борются с оными фальсификациями; в) списки потенциальных борцов с фальсификациями». «Опять шаг к пропасти, – с тоской подумал Хворост. – Кончилась эпоха, когда русские думали о возможных путях России, теперь сплошная усталость и абсолютное отсутствие будущего». Он вспомнил одного приятеля, марксиста из умных, который писал: «Если история действительно существует, она не может быть ничем иным, кроме как революционным процессом («перманентной революцией»), который нельзя остановить в каком-то пределе, придать законченную форму, застывшую в своей определённости. История и есть процесс революционного преобразования животного в человека, растянутый во времени. И не следует думать, что этот процесс завершился, что современный человек являет собой наивысший и окончательный тип человеческого развития. С исчерпанием, иссяканием революционных потенций исторического развития кончается и сама история». Может, оно и так.

Прозвучал звонок эсэмэски. Он посмотрел. очередное мелкое жульничество наудачу. Кто-то послал на его номер: «Мам, у меня проблемы! Срочно положи 950 р. на 9055379361 дома всё объясню». Он был явно не «мам». Элементарное, дешёвое, мелкое вымогательство-надувательство.

Не глядя на остальные пришедшие мейлы, Семён, как алкоголик, потянулся перечитывать Алёнкины письма, лежавшие в отдельной папке. Правда, он велел себе читать не больше одного в день, а писем было больше двух или трёх сотен. Пока любила, писала ему по несколько раз в день. Особенно когда он уезжал. Писала впрок. Тайком от мужа. Даже тайный адрес ему для их переписки придумала, с роковым паролем – «bunin». Первое письмо случилось после того, как они вместе съездили в Латвию, в Юрмалу. Она вернулась раньше, к мужу, чтобы казалось, что она там была одна.

С Иветтой последние два года он начал ездить по большой загранице. Были во Франции, Германии, Италии, Испании. Как-то в Германии смотрели Кранаха Старшего в Франконском зале крепости в Кранахе. Картина, которая остановила внимание Хвороста, называлась: «Christus und die Ehebrecherin». Семён сказал тогда: «Как у нем-

цев точно: «Христос и нарушившая супружеский долг», а по-русски абстрактно: «Христос и грешница». «А в чём ещё может быть грешна женщина? – заметила Ветка. – Только нарушить клятву супружеской верности. Это её главный долг – быть половинкой». То есть и сама Иветта, и его безумная страсть – Алёнка – грешны по определению: обе изменили своим мужьям. Они совершили главный грех. Почему мужчина не грешник? Когда он это сказал Ветке, она, нахмурившись и наморщив лобик, сказала: «А княжна Тараканова и граф Орлов? Она ведь доверилась любимому, а он её в крепость вёз. Женился при этом. Ты ведь тоже на мне собираешься жениться. А что у тебя на уме?» Семён побледнел, смутился. Она так спросила, будто знала про Алёнку. И все же, подумал он тогда себе в оправдание, женщины в этом смысле много раскованнее.

Если бы он вовремя уехал к Ветке, когда ей квартиру купил, всё было бы по-другому. Но приехала сидеть с малышкой мать Иветты из Владимира, хотя и злилась на дочь, что та променяла богатого, ставшего к тому моменту директором института, державшего свой пиар-бизнес, на простого доктора наук. «Довела-таки её наука до дури», – говорила она. Ветка ездила с Хворостом на конференции и иногда брала с собой Семёнку, их общую дочку, которую тёща настраивала против Хвороста, говоря, что в нём наверняка течёт еврейская кровь, раз дед был профессором, стало быть, он жид, а хуже жидов никого на свете нет. Но вот приехали они как-то на берег озера. Ранняя осень, тепло, ещё купаться можно. Прекрасный коттедж. Иветте и Семёнке Хворост выбил отдельную комнату, себе тоже. Семёнка огляделась, очень ей всё понравилось. Погуляла, пообедала, поужинала, а вечером говорит матери: «Ладно, иди к *своему*». Не к нашему папе, а к «своему». Не «моему» тем более.

А территориально он оставался с Валентиной. Может, она на что-то и надеялась, но он чувствовал её совсем чужой. Он вспомнил один эпизод из их жизни, который он по молодости и сексуальной небрежливости принял тогда как должное. С Валькой жизнь была тихая, она любила посидеть, выпить вино. Уставала от бедности. Он погуливал, но вовсе не так, как приписывала ему молва. А тут и Валя стала изменять ему. Он это видел. Было ясно, что их брак на грани распада. Она чувствовала свою вину, хотела как-то загладить её. Как-то сказала, что нашла богатого зарубежного человека, хочет от Хвороста уйти, и простодушно добавила, что сегодня привела свою подружку Иришку, которой он нравился: «Она готова с тобой хоть сейчас лечь, – шепнула она, когда они сидели на кухне, а Иришка ушла подкраситься в ванную комнату. – Ты ей нравишься. Я ей разрешила». Вернулась Иришка, Валя встала и сказала, что пойдёт в магазин и по делам и чтобы они не скучали без неё. «В комнату большую, что ли, пойдите. Там попросторнее, можно поболтать и вина попить». И ушла. Они зашли в комнату, а там уже была расстелена их большая супружеская постель. Бабник Хворост от этой простоты сжался, но виду не подал. Её большое белое тело было совсем не похоже на сухое смуглое тело его жены. Это его возбуждало, но стоило подумать о том, что он получает откупное за Валькину измену,

как он после одного лишь акта встал и ушёл на кухню курить. Потом как-то заезжал к Ире в Тушино, где у неё была комната в коммуналке и персидский кот. Она светилась от радости и сразу разобрала постель. Но рок их преследовал. После первой победы, когда они передыхали, ему на спину вдруг прыгнул кот и располосовал спину когтями. На том их любовь и закончилась. Сорвалось и у Вали: иностранный любовник дал ей отставку, она осталась дома.

Глава 2

САМОКОПАНИЕ, ИЛИ ПРОЩАЛЬНАЯ УХМЫЛКА ЛЮБВИ

Может, это и есть ад – протекающая в тебе и вокруг жизнь? Но ад – бесконечен. Жизнь конечна. В этом её великое достоинство. Особенно когда закат близок.

Годы и раньше бежали, но он не замечал их, пока длилась Алёнкина любовь. Ведь любовь началась, когда ему перевалило за шестьдесят. И Семёна это делало сильным, уверенным в себе. Он просто не чувствовал себя стариком. Сколько написано и сколько он читал (ещё в молодости, не понимая, что и до него очередь дойдёт) о любви старика к молодой – Гауптмана «Перед заходом солнца», Хемингуэя «За рекой в тени деревьев», Бабеля «Закат». Но самое удивительное, что он не ощущал ни захода, ни заката – просто не ощущал. Он всю жизнь был «дамский угодник», как назвала его старомодно одна из любовниц, да и вправду считал, что лучше женщин природа ничего не сотворила.

Н-да, вспомнил он: «И, может быть, на мой закат печальный блеснёт любовь улыбкою прощальной...»

Но тогда никакого прощания не было. Всё как в молодости.

Алёнка в своих письмах словно романсовым голосом пела очень женское. Что он запомнил? Её нежно-сексуальное письмо после ссоры, с желанием мира: «Сёмушка, я люблю тебя! Пусть все эти непонятности останутся во вчерашнем дне, ладно? Мне ужасно не нравится ссориться с тобой. Не обижайся на меня, пожалуйста! И не будь таким отстранённым. Ты же великодушный и мудрый человек. :) Ну прости свою глупую кису. Я же не подозревала, что у тебя такое похмелье тяжёлое. Ты ведь обещал мне соблюдать меру. Я не знаю, что ещё сказать. Если Святая Инквизиция решит, что я не достойна прощения – что ж, казните меня, о мой повелитель. От вас я приму всё. Но если вам памятливы наши ночи, а также дни, если я значу для вас хотя бы половину того, что вы для меня, если любовь и впрямь великая сила, сохраните мне жизнь, чтобы я могла любить вас сейчас и всегда. Если и этих аргументов недостаточно, спросите совета хотя бы у вашего жезла, он должен меня помнить! :) Целую, твоя киса в ожидании пощады».

Что он тогда написал в ответ, он не помнил. Уже когда она его оставила, он писал ей: «Ты не любовь, ты страсть, а страсть – это страдание. Вспомни про страсти Господни. Это нестерпимая боль внутри». Он цитировал ей Маяковского: «Стою огнём обвит на несгораемом костре...» Она не отвечала. Снова включил почту, пару дней назад рассылал поздравления с Пасхой. Алёнка не ответила. Одно письмо поразило его: писал иудей из Парижа: «Дорогой Семён! Христа не было, и воскресать было некому. До встречи. Фима». Алёнка, впрочем, ещё со школы была атеисткой. И это ему нравилось на фоне общей религиозной моды, почти бесовства, к христианству отношения не имеющего, разумеется. А уж как атеизм связан с иудаизмом? Да никак. Иудеи как раз полны божественности. Просто Христа не признают. А разве он не потерял сам себя, хотя пишет о христианстве? Где допустил ошибку? Где потерял духовную вертикаль? Так долго её уничтожали, что восстановить невозможно. Он жил, хотел жить. Хотел думать, любить. Что в этом плохого? А умирал от тоски.

Так чувствовали себя эмигранты с их непрекращающейся депрессией, тоской и отчаянием, когда любимейшая Россия выкинула их неизвестно за что. Не так любили, не обещали богатства и преуспевания, золотые горы не обещали. А женщины падки на обещания. И интеллектуалы, с их духовной возгонкой, проблемами, им не нужны. Хотя какое-то время ему казалось, что именно его интеллект и талант увлекли Алёнку, что за это она его поначалу и полюбила. А разлюбила за что? Неужели всё же любовница издателя Бубонова, который основал издательство переводных и научно-популярных книг «Норма»? Он нашёл его портрет и сведения о нём в «Википедии». В ревнивой ярости подумал, что Алёнка вернулась не просто к мужу, а к тому, кто мог помочь ей по жизни. К тому, кто деньги платит и печатает её переводы, сам писатель. Алёнка в период их любви принесла как-то его роман Семёну, сказав, что интересный, что знать бы надо. Роман назывался: «Этюд Шопена» – о Плеханове и Ленине. Ждала реакции. Он не отреагировал. Она ничего не сказала, затаилась. Неужели этого постсоветского литературного дельца выбрала его страсть, его любовь – Алёнка Леденёва? Солопов спросил, кого бы он хотел убить. Вот его бы он убил, не задумываясь. По возрасту Бубонов был ровесником Семёна, только уж очень успешным. Нет, всё же к мужу, успокаивал он себя.

Роман их начался, когда он ушёл от Казбека Касымова, перешёл в другой институт и получил сектор социологии культуры. Тогда он с удивлением понял, что имя кое-какое себе наработал. А потом появилась в соседнем секторе красавица-лаборантка. К науке она была довольно равнодушна, закончила романо-германское отделение МГУ и занималась переводами с английского. Большую литературу переводить не получалось, поэтому переводила она разнообразный научпоп, детективы и дамские романы. Как-то они оказались вместе на одной конференции, где она выполняла секретарскую работу. Он выпил, и так случилось, что она оказалась в его номере, а потом в его постели. Наутро она сияла от счастья, хотя, кроме тактильных ласк, у него ничего не получилось. Но она видела его страсть, чув-

ствовала его ласки руками и губами. И потому для неё как бы всё было. На следующий день она уехала к маме, шепнув, что напишет ему. И написала, когда он был у Ветки: «Я вернулась. И хочу тебя». Ветка среагировала на звук эсэмэски и, протянув руку, спросила: «От кого?» Моментально уничтожив послание, Семён сказал равнодушным голосом: «От Валентины». Ветка не очень поверила: «А чего тогда стёр поспешно так? Ох, Хворост, проверю как-нибудь тебя!»

Алёнка была по-своему честна. Вначале очень не любила, когда он начинал о чём-то умственным рассказывать. Потом потихоньку привыкла к его разговорам. Во вторую встречу, лёжа в койке в мастерской у его приятеля, спросила: «А в свой сектор меня возьмёшь?» И, понимая свой неверный нрав, добавила: «Но мы ведь останемся в хороших отношениях, если разойдёмся?» И они разыграли так, что Татьяна Николаевна, его заместительница по сектору, подошла к нему: «Слышь, Семён Георгиевич, чем ты её прельстил? Тут девушка к нам в лаборантки просится, именно к тебе. Возьмёшь?» Он сделал вид, что слышит об этом первый раз, и кивнул: «Давай. Почему нет? Возьму. Лаборантки нам нужны, это дефицит». Она вся заколыхалась полным телом: «Да ладно, как увидишь её, сразу примешь. И как это к тебе все бабы липнут! Только веди себя хорошо. Обещаешь? Нам тут проблем не надо». Он усмехнулся улыбкой бонвивана: «Какие у вас проблемы! Мне своих бы не нажать». Та ухмыльнулась в ответ: «Да, я думаю, она девушка здоровая. Всё же замужем». Хворост покачал головой: «Я не об этом. А то влюбится ненароком! Глядишь, и я как хворост запылаю».

Работа в институте давала Алёнке денег немного, но всё же какой-то мелкий регулярный заработок, да и институт не стыдно было обозначить как место работы. Он потихоньку втягивал её в научную работу. Помогал писать доклады, выступления. Они вместе ездили на конференции. Потом перевёл её из лаборанток в младшие научные. Составил ей план диссертации.

Работающая она была неимоверно. Сама смеялась, что мать её «электровеником» называет. Но на работащести без мужика далеко не уедешь. Семён был практически без жилья, без особых денег, да ещё с двумя жёнами и дочерьми. Что мог? Помочь в науке? Думала ли она о научной карьере? О кандидатской? И да, и нет. Чувствовала себя, конечно, победительницей: знаменитого профессора заполучила! Такой страстной любви, как у Алёнки, он не знал. «Другого такого, как ты, нет», – говорила она. Но от него она не беременела. Впрочем, и от мужа тоже. Виноват ли в этом Бог? Она очень переживала, но ничего не получалось.

Она сама рассказала ему, пряча голову у него на груди, о том, что ей пришлось пережить в Москве: «Здесь нет места слабым». Когда Алёнка приехала из своего Проточино, она тут же поступила в МГУ, получила место в общежитии. У неё была комната на двоих с большой прихожей. Случилось это в сентябре, в самом начале её общежитского житья. Один из однокурсников – парень двадцати лет, старше её на два года, немного угрюмый, немного прыщеватый, с правильными чертами лица, глаза опущены, словно стеснялся её образованно-

сти, – как-то попросил разрешения зайти к ней в комнату за книгой. Минут за десять до его прихода подруга по комнате куда-то выскочила, сказав, что ненадолго. Только потом Алёнка поняла, что всё было сговорено. Не успев глянуть книгу, он тяжело ударил её по лицу, так что она упала на пол и на минуту потеряла сознание.

Тогда она поняла, что она для мужиков только тело, с которым можно делать что угодно. Она не была девочкой. У неё был проточинский опыт. Но небольшой, и всё же, как ей казалось, по её воле. А тут о её желании никто не спрашивал. Самое глупое, что она думала, как она об этом расскажет маме. Мама была фармацевт, всегда находила нужные лекарства, но тут... Какое уж тут лекарство! Мама была для неё всем, отец присутствовал формально. Мать часто брала Алёнку к себе на работу, боялась оставить дочку дома одну. Она любила смотреть, как мама готовит лекарства, как добрая колдунья. Ей тоже хотелось бы варить приворотные зелья, чтобы, найдя своего единственного, приворожить его навсегда. Когда даже в Москве Алёна заходила в аптеку, ей сразу пахло мамой. Она привыкла ей всё рассказывать. Но *это* словами передать было невысказано, хотя про первые свои сексуальные опыты рассказывала. Мама понимала, что девство не сохранить. Но как о таком рассказать?! Теперь ей хотелось всем им наготовить чёрного яду. И как только её позвали замуж, она сразу согласилась, чтобы бежать из общежитского кошмара.

Алёнка порой, как ему казалось, тратила странно время. Это при её-то занятости! Он старался не подозревать. Но в душе ныло. С подружкой Ликой раз в неделю ездила навещать какого-то солдата, дежурившего у музея Ленина, катались с ним на кораблике по Москва-реке. Какое она к нему имела отношение, объяснить не могла, путалась. Он был не родственник. «Ближнему надо помогать», – говорила Алёнка. Почему в «ближние» выбрали солдатика, почему ездили регулярно на свидания, как к любовнику? «Познакомились мы хулигански, – смеялась она. – Стоял паренёк на посту. Симпатичный. Подружка Лика, по прозвищу Мышка, подошла и спросила: «Солдатик, потрахаться хочешь?» В шутку, понимаешь? Он и завёлся, пришёл после дежурства. Мы его взяли под опеку. Пропадает парень в одиночестве». Как уж они его опекали, Хворост старался не думать. Про Лику рассказывала, что она уходила от мужа, но любовник жениться на ней не захотел, хотя она жила в его квартире. Она страдала. И позвонила мужу. Тот приехал и забрал её. «А чем она занимается? Ну, ты переводишь, понимаю. Она тоже?» Алёнка заколебалась, критически говорить о подруге не хотелось, но в этот момент Хворост был для неё дороже всего, а его взгляды она знала. «Да они богатые, её Сашка четырёхкомнатную квартиру имеет, работает примерно в той же структуре, что и мой Аркадий, но в карты не играет, не пьёт, книг не читает. Делать нечего, вот они и пристрастились к страйкболу». Семён, понимая свою старомодность, всё же спросил: «К че-ему?» Алёнка рассмеялась: «Ну игра такая, наподобие школьной зарницы или бойскаутского чего-то. Но для богатых. Ходят в парки, прячутся и стреляют друг в друга, но мягко, пластиковыми шариками. Типа активный отдых. Стреляют, чтобы убрать нега-

тивные эмоции. Вот ты виски или коньяк пьёшь, а они на воздухе бегают, среди травы и деревьев. Игра может быть разной. То как бы армия, то рейнджеры и бандиты, то пограничники, которые нарушителей отстреливают. Ты же сам о погранвойсках роман написал». Хворост помотал головой: «Нарушителей не видел, но жизнь была там на выживание». Алёнка прильнула к нему: «Ну не сердись. Я же в это не играю. Я же рабочая пчёлка, я электровеник. И вообще, как тебя узнала, я ни с кем!»

Но ему всё равно, что было там, что было до того, до него, он как-то старался не допускать этого до своего сознания. Сколько любовников было у Екатерины Первой до Петра?! Но Великий Пётр женился на ней и сделал императрицей. Семён дёрнул головой вверх и немного вбок. Он видел, что Алёнка абсолютно растворялась в нём, была абсолютным воплощением любви. «Родной мой, счастье моё, я так рада, что ты есть и что я свалилась тебе на голову! Ты изменил мою жизнь и меня вместе с ней. Ты научил меня многому. По-новому думать, по-новому чувствовать. Знаешь, если выразиться аллегорически, то и в мыслях, и в чувствах я перестала сутулиться. Понимаешь, о чём я? Ведь меня прислала тебе богиня любви, а она не могла ошибиться. Как я помню, её зовут Афродита. Вот я какая грамотная! Целую».

Поэтому её уход он воспринимал не как уход к другому мужчине, тем более не как возвращение к мужу, а как предательство Любви, которую наслала на них богиня. Так странно, как будто никогда они не касались телом тела, не дышали одним воздухом, не любили друг друга страстно и преданно!.. Будто страстных писем ему не писала.

Кроме самых любимых и преданных женщин...

Пытался успокоить себя, вспоминая первую жену Казбека Касымова, Веткиного мужа. У него было несколько жён, Ветка – последняя. Когда-то он делился с Хворостом интимными подробностями своей жизни. Уже будучи второй раз женат, Касымов завёл роман с одной музыковедшей из родовитой семьи, которая писала ему длинные письма, он ими хвастался приятелям, там к нему было обращение с прописной буквы: «Как они смели поднимать голос на Тебя, если бы они могли понять, кто Ты такой, что значишь в Русской культуре. Ты, как Данко, освещаешь своим сердцем путь своим современникам, которые Тебя не понимают». Семён даже не сравнивал эти письма с Алёнкиными – разный уровень таланта, но теперь в тоске видел, что модель одна. Кому сейчас Алёнка пишет такие письма? Ведь не мужу. А вот того, кому пишет, он бы убил, если б добрался до него. О, эта женская энергия по завоеванию мужчины! А потом?

Касымов был из Махачкалы, делал быструю карьеру, заводил контакты с москвичами, как-то позвал к себе домой весь отдел. Была водка, беляши, солёные грибы, селёдка, пирожки с рыбой, которые напекла его первая жена, шатенка Настюшка. В какой-то момент Касымов стал приставать к Настасье, чтобы субсидировала на водку. Та, покопавшись в дамской сумочке, выдала требуемую сумму, потом

что-то пробормотала. «Да ты вслух прочитай, – сказал Казбек, – смешно». Она и прочитала:

*Бородатый философ
Произносит много слов,
Но конец у них один:
«Настька, дай на магазин».*

Пока Казбек бегал, Семён прошёл на кухню покурить. Невольно он полуобнял Настю за плечи, притянул к себе. И вдруг она прижалась к нему, зашептала, пряча голову на груди: «Любимый, любимый...» Испугавшись – как-то не по себе стало от этой лёгкости отношения женщины к своему телу, – Семён оторвался от неё и вернулся к пившим. Странно складывались его отношения с жёнами Касымова...

***

Необходимость и случайность её брака были самой Алёнке ясны. Любви не было, но без мужа она бы пропала в этой жизни. При знакомстве с Семёном на его вопрос, замужем ли она, Алёнка, глядя на него сияющими глазами, отмахнулась: «А, какой-то там муж!» Когда ехала отдыхать с мужем, писала Хворосту: «Я буду осторожна. Да и он хороший водитель». Как-то: «Про тебя спрашивал, ну про моего заведующего сектором. Спрашивал, будет ли приставать». И грустно-комически морщила носик: «Если узнает, порубит на котлетки». И добавляла деловито: «Надо увеличить конспирацию». После слов, что «порубит на котлетки», Хворост с любопытством спросил: «Ты так уверена? Были прецеденты? Случаи были?» Она вспыхнула: «Я знаю слово *прецеденты*. И они были». Но тут же смягчила тон, прижалась к нему, как было всегда, когда рассказывала о случаях сомнительных: «Был у меня знакомый. Он и мужа немножко знал. Ничего у меня с ним не было. Ну поцеловались пару раз, грудь мне пару раз погладил... А уж вообразил... Пришёл как-то в гости. Ну и муж как-то отвернулся, а он меня вдруг приобжал, как дурак, будто свою собственность. Ну и получил по полной программе».

Конечно, вспомнился Лорка: «Я думал, что она невинна, а она жена другого». Но он знал, что она не невинна. Но всё равно она казалась, как Афродита, вечно не то чтобы девственной, но желанной. У Афродиты был муж – кузнец Гефест, ковавший богам оружие, а Алёнкин муж работал в военной промышленности. Хворост, однако, себя Аресом не считал, несмотря на погранвойска. Алёнка была для него совершенно чиста тогда. Хотя прошлое всё же порой прорывалось в ней. Как-то она приехала к нему, когда Валентины и Кристины не было дома. «Я пойду тебя провожу, – сказал он Алёнке после трёхчасового секса. – Ладно?» – «Зачем?» – «А как иначе?» – «Ты прямо как нездешний. Я такого не видала никогда». – «Тебя разве не провожали?» – «Всякое бывало». Она шла с ним по дороге к автобусу, откусывая по дороге яблоко, из тех, которые он для неё приготовил. Она ему рассказала, как из-за её пристрастия к яблокам отец прозвал её «плодояжкой». И, остановившись, сказала: «Я себя

с тобой чувствую снова маленькой девочкой». А до этого, отдыхая на раскинутом его диване (она уставала скорее, его её молодость возбуждала невероятно), она вдруг сказала: «Раньше я, когда в Москву переехала, была бронтозавром, а теперь я ки-и-са. С тобой я киса». Он звал её Большой Кисой, Чернобуркой. Да и много было прозвищ. Да уж, большая чёрная кошка!

А когда им удалось, наговорив что-то своим законным половинкам, сорваться на неделю в Пицунду и там поселиться в Армянском ущелье, сняв комнату у старой армянки, то наступила, как ему казалось, неделя непрекращающегося счастья. Она ходила с мутными, счастливыми глазами, видя только его, а он – только её. Все снимавшие соседние комнатки отдыхающие смотрели на них с явной симпатией. Они сказали, что они молодожёны и у них медовый месяц, и это почему-то всех радовало. Хотя им казалось, что ночами (да и днём) они сотрясают весь домик, а от её стонов люди не должны бы были спать. Но никто не обижался, даже армянская семья, сбежавшая из Персии-Ирана, свозила их на озеро Рица. Это было прекрасно, и Алёнка чувствовала себя на законном месте, когда прятаться не надо. Она просто расцвела. Хворост принадлежал ей полностью и безраздельно. Они ходили в местные кафешки, пили вино, ели шашлык. Правда, летя туда, Хворост решил попробовать вегетарианство, но на третий день сумасшедшей любви он ушёл из их жилища, ничего ей не сказав. Алёнка испугалась, но соседи, смеясь, показали им на харчевню, которая была внизу под горой. И она нашла его, поглощавшего за деревянным столом миску шашлыка. Больше он не экспериментировал.

Всё же пришлось вернуться в Москву и разойтись по законным углам. А поначалу он хотел *с ней завязать*.

В самое первое свидание он оказался неуспешен, и Хворост тормозил их встречи, избегая Алёнку. Но как-то на посиделке после Московской международной конференции встретил бывшего однокурсника, ездившего с ним когда-то в Белые Столбы, ставшего менеджером крупного издательства по переводной литературе, Олегом Любским, который ныне представлялся так: «Олег Иванович, топ-менеджер». Было видно, что Олег преуспел. По циничному взгляду богатого человека, которым он смотрел на сидевших в зале за столиками женщин, он почему-то напомнил Семёну Трималхиона, разбогатевшего вольноотпущенника из петрониевского «Сатирикона». Не то чтобы что-то изменилось в нём (всегда был гулёной и распутником), но вошло в новую степень. Однажды Семён спросил его, откуда у него такая странная фамилия. Олег важно ответил: «Из Боголюбских родом ведёмся. Только ветвь боковая». Семён решил, что шутка: «Да ладно!» «А что? Я ж говорю, что мы из боковой ветви. Обычно у побочных часть фамилии отсекают. Вот у моих Бога и отсекали. Так и я без Бога остался». Потеря Бога целой фамилией совпала с идеей Хвороста об утрате вертикали в современном мире. Но, может, утрата началась раньше?

Они пили виски. За соседним столиком пузатенький мужик время от времени привставал, вскидывал вверх руку и убеждённо восклицал:

«До моего ума человечество ещё не дошло!» И снова садился. Олег усмехнулся: «Кому его ум нужен? Ладно, выпьем». И Семён вдруг безо всякого ума рассказал, что хочет взять к себе в сектор красивую молодую женщину, что она ему чрезвычайно нравится, но раз уже была с ней у него неудача, непонятно, что дальше делать. «Как звать-то, старичок? Я почти всех баб по Москве знаю». Семён сказал, что девушка на много лет младше его, переводами дамских романов подрабатывает, а зовут Алёна. «Ха-ха, — сказал Олег, — Алёнка Леденёва, что ли? Смелее. Я, когда пробил первый её перевод дамского романчика или детектива, не помню, попросил экземплярчик по выходе подарить, а она мне мейл прислала, типа: «Олег Иванович, вы волшебник, не иначе. Спасибо огромное. Экземпляр вам — это меньшее, чем я могу вас отблагодарить». Ну, написал ей, где и как можем увидеться. Ответила: «Олег Иванович, спасибо за наставления. Всё поняла. Буду действовать сообразно». Ну, старичок, не смог отказать. Пару раз, но удовольствие огромное. Очень, очень, старичок, сексуальна. Если есть возможность, попробуй». Когда он узнал от Олега, что Алёнка дважды отдалась ему за публикацию её переводного дамского романчика, в груди похолодело, ноги перестали двигаться. Стало от рассказа Олега тяжело, но вспомнил глаза женщины, которые горели при взгляде на него, и роман продолжился.

Её муж получал немалые деньги, но, как рассказывала Алёнка, был сумасшедший преферансист и почти всю свою зарплату проигрывал в карты. Как-то рассказала Семёну, что нашла характеристику мужа из детского сада. «Ребёнок общителен, хорошо кушает и играет». И добавила, усмехнувшись: «Тридцать пять лет прошло, ничего не изменилось». Она была из Мордовии и из подмосковного городка Проточино, и не совсем русское было в её узковатых глазах, что-то было в ней намешано: и славянское, и мордовское, и армянское, и еврейское. Коктейль получился удивительного вкуса. Муж-москвич её почему-то к себе не прописывал, и они снимали однокомнатную квартиру. Пробиваться приходилось без особой надежды на мужа. Работать девочка умела, борьба за жизнь требовала энергии.

Семён как-то подарил Алёнке томик Тютчева, прочитав строчки: «*О, как на склоне наших лет / Нежней мы любим и суеверней*». Она поцеловала его в щёку, сунула томик в сумочку, сказав: «У тебя вовсе не «склон». А через пару дней, при новой встрече, протянула томик: «Ты не имел права его мне дарить, там надпись твоей первой жене». Он открыл и со смущением прочитал то, о чём давно забыл: «Моей Валентине, моей звезде, моему мечтанью». Он что-то бормотнул, книгу забрал, сказав: «Я тебе новую куплю». Она ответила: «Я уже купила».

Вообще с классикой она дружила. Хотя реакции её порой Семёна удивляли. Он пошёл с ней на «Горе от ума». Её немного раздражал Чацкий: «А чего он приехал спустя три года и думал, что его ещё ждать будут?!» Хворост возразил: «А Ярославна?» Любовница быстро нашлась: «Ну, она жена была, ей положено ждать». При этом словно забыла, что сама замужем, что и это не мешало ей не только не быть верной Ярославной, а искать, меняя любовников, более выгодную пар-

тию. Приезжая к матери, делала вид, что читает его научные книги. Мать, которая знала об их романе, говорила: «Делаешь вид, что читаешь, а сама фотографией его любишься». Это она ему сама со смехом рассказывала.

Всё же некоторые его философские статьи она читала. Как-то даже написала: «Ты всё ругаешь меня, что я не читаю твоих статей. Вот, читаю. Приходится по пять раз каждую страницу перечитывать. Или ты слишком умный, или я дура. Но ты помни, что я всё равно твоя девочка». Зато игрива была как котёнок. Когда в перерывах между любовью он спрашивал: «Кто моя радость?», она, продолжая любовную игру, как школьница, поднимала руку и морщила носик, восклицая полувопросительно-полуутвердительно: «Я?!» Удивительно, как любовь смывала с женщины всё её прошлое, да и с него тоже. Но как-то он произнёс слова: «менеджер Олег». Она сразу напряглась и сказала, переходя на «вы»: «Олег был давно, он испугался меня, ответственности побоялся, да вы его не знаете, он вас не касается». Увы, он знал его, слишком хорошо знал.

И тем не менее он верил, чувствовал, что она любит его. Любит и готова сражаться за него. Настоящая русская женщина. Вышла статья в журнале «Наше всё», где было, как свойственно русскому постмодерну, огульное ругательство, и Хворост попал в ряд совсем чужих ему по взглядам людей: «Все эти хворосты, дугины, хоружие...» – писал их фамилии с маленькой буквы критик Дедекинд (псевдоним, очевидно), чтобы унижить. Влюблённая храбрая девочка Алёнка сказала, сжав кулачки, когда он рассказал ей об этой статье по дороге к месту любви: «Хочешь, побью автора?» Да, она была настоящая. «Вся ты прекрасна, возлюбленная моя, и пятна нет на тебе!» Это была «Песнь песней».

Он тупо смотрел в экран компьютера, то включая, то отключая outlook, ожидая, вдруг Алёнка опомнится и напишет что-нибудь человеческое. Он понимал, что ведёт себя как умалишённый, безумный, отправляя каждый день письма, вместо того чтобы пойти в издательство, встретить её, вернуть нормальное общение. Но не мог. Потому что, когда она приехала в институт забирать документы, он повёл ее в ближайшее кафе выпить глоток чаю или кофе, она была так холодна, смотрела в сторону, ответы цедила сквозь зубы, так что после этого он и подумать не мог о встрече. Почему-то думал, что он словом её вернёт. И больше ни разу не попытался её увидеть. Солопову про это он не рассказал, понимая, что тот просто определит его поведение как типичное сумасшествие. Почему не искал? Не стоял у порога работы? Ведь ни с кем из друзей не познакомил. Муж как некий миф. Они общались только с его друзьями. Про её друзей он только слышал, да и то про одну – Лику Мышку, про остальных подружек говорила: «Да это «oblico togale», ей ничего про тебя рассказать не могу». Пока Алёнка отвечала на письма, оставалась надежда. Потом что-то резко изменилось, она замолчала. Похоже, что устоялся новый покровитель. Тоска стала застылой, тупой и нехорошей.

Когда они сидели в том кафе, она бросила, глядя на него: «Вы что думаете, я вас боюсь? Просто вы стали мне совсем чужим чело-

веком». Он как-то предсказал ей, что она его забудет, разлюбив, что Бунин гениально сформулировал: *«Но для женщины прошлого нет: / Разлюбила – и стал ей чужой»*. Она гордо вскинула голову, тряхнув волосами, и бросила: «Бунин не понимал женщин. Если женщина когда-нибудь по-настоящему любила какого-то мужчину, то этот мужчина никогда не станет ей чужим». Но вот стал. Слова её как ножевые удары. «Нет человека, который мне сделал бы столько плохого, как вы». Когда? Она оставила его, он писал злые письма, это был его эпистолярный амок, но в делах всегда старался помогать. И вдруг порвался коралловый браслет, который всех восхищал, он привёз ей из Франции. Он так шёл к её черным волосам. Потом сломался принтер, который он ей подарил. Всё, что было от него, стало вдруг ломаться, словно память уничтожалась. Да, поздно он понял, что надо было делать... Надо было, по меньшей мере, всё время говорить о любви, а ещё проще – снять квартиру, привезти её туда и сказать, что это для неё. Это была какая-то абсолютно дикая ошибка – отвергнуть её, завалить оскорбительными письмами. Или безумие? А может, безумие – псевдоним эгоизма?

С месяц назад, когда Хворосту стукнуло 66, насмешливый питерский приятель прислал поздравительный мейл: «Дорогой наш Хворост! Поздравляем тебя с наступающим Днём. Осталось совсем немного: ещё одна шестёрка справа или слева – и тебя будет бояться всё прогрессивное человечество. Целуем тебя – прямо в твой праздник – и – с твоего позволения – всех твоих красивых женщин».

А из престижного фонда в те же дни пришло неожиданное письмо, как бы подтверждающая его известность: «Уважаемый Семён Георгиевич, дорогой друг и соратник, незаурядный исследователь российской ментальности, тревожного настоящего и достойного будущего России! Вместе со всем нашим сообществом трепетно поздравляю Вас с днём рождения! Ваш факел свободы согревает наши души! Мы с нетерпением ждём Ваших новых книг! Здоровья и радости Вашим близким и родным. Всего доброго. Ваш».

А перед этим оскорбительные эсэмэски.

Была в Прибалтийском институте такая Таня Пузовкина, бледная завистливая мелкая чиновница от науки. Хотел уехать подальше от Алёнки в Таллин – там его знали. Он был автором книги о Лотмане, но не входил в «стаю». Устроил Лотмановскую конференцию, она была типа секретаря. А генеральный секретарь, как показала отечественная история, всегда важнее и наркома, и директора, и тем более пришлого профессора. Она когда-то училась в Лотмановском семинаре и написала книгу о Фаддее Булгарине. Хворост много раз замечал совпадение в литературоведении героя и автора. То ли литературовед не случайно выбирает своего персонажа, то ли в процессе писания вживается в своего героя. Пузовкина вжилась в Булгарина, травившего Пушкина, поляка, воевавшего против России, а потом служившего верой и правдой императору Николаю. Тынянов вложил в уста Булгарина слова о Пушкине: «Почему ему слава? Казалось, оба старались по начальству. Судьба есть вещь несправедливая». Русская женщина в Эстонии – вроде поляка из наполеоновских войск

в Петербурге. Сломанное сознание. Знаменитости всегда имеют интеллектуальных холуев. Она всячески старалась его выжить, чтобы вести дела Лотмана. Он и не претендовал на это, но выживание сопровождалось мелкими пакостями.

Он писал: «Таня, добрый вечер. Дошли ли до Вас мои тезисы?»

Она ответила: «Дошли!»

Он: «Годится?»

Она: «А кто Вы?»

Уже в этой фразе явно звучало хамство, поскольку смс даёт имя отправителя. У Хвороста оно не было скрыто.

Он: «Вы же мне ответили, что мои тезисы дошли. Моё имя Семён Хворост».

Она: «Я была в этом уверена».

Он: «Тогда не понимаю, как понимать Ваш вопрос. И отсутствие ответа».

Она не ответила. Издёвка бледной моли. Генеральная секретарша пришла к власти.

Телефонный звонок напомнил, что кроме его переживаний идёт другая жизнь.

Мрачная дочка с торжественным ехидством позвала его:

– Кто-то очень на тебя злой звонит.

– С чего ты взяла?

Она только глянула на него через плечо недобрый взглядом и ушла к себе.

Семён чувствовал отчаяние от того, что его собственные дети не любили его. И трубку поднял с внутренней тревогой.

Голос и вправду был злобный, это звонил Казбек Касымов:

– Ты, Хворост, совсем рассудок потерял. Я всё про тебя узнал, про тебя и про твою шлюху. На неё все деньги тратишь? Не на первую же свою. Там смешные алименты да квартплата. Я тебе Иветту отдал, а ты ей даже сносной жизни создать не можешь. Квартиры толковой не сделал. Однокомнатная квартира – это не квартира. Маленькая дачка, которую ты с помощью той же Ветки сумел в наследство получить, мелочь. Эта женщина заслуживает дворец. Она уже почти десять лет ездит на той же «Хонде», что я ей когда-то купил. Ты когда прилично зарабатывать начнёшь, членкором когда станешь? А потом, Хворост, ты её элементарно кинул. Она, когда к сыну приезжала, этими словами мне и сказала. Ты ведь хоть и развёлся, а на Ветке не женился. И семьёй с ней не живёшь. Купи себе квартиру в том же подъезде, если тёща заедает. Могу денег одолжить.

– Мне не надо.

– Смотри! Не образумишься – доберусь.

– Это каким же образом? – спросил с сомнением Хворост.

Но Касымов уже повесил трубку.

Изменился Касымов, голос стал твёрдым, исчезла восточная разнеженность. А раньше любил, выпив пару рюмок коньяку, развалиться в кресле и, ухмыляясь, декламировать один и тот же стих:

*Хорошо жить на Востоке,
Называются Бен Гасан
И сидеть на солнцепёке,
Щуря глаз на Хоросан...*

Теперь жёстко требует. На самом деле деньги на такую квартиру Хворост почти скопил, но Ветке не говорил, тянул непонятно почему, отстаивая последние месяцы своей свободы и независимости, живя в промежутке времени и пространства. Только ближайшие друзья знали о собранных деньгах, что ещё неделя или две, и он сдастся, отдаст деньги за уже сговоренную однокомнатную квартиру в одном подъезде с Иветтой. Страшно было подумать, что почти каждый день он будет видеться в одном подъезде с Веткиной матерью. И хотя и это он перенёс бы, терпелив был, но хотел немного ещё побыть на воле, дописать статью, пока книги стояли на полках в нужном порядке, а на новом месте будет груда ящиков, которые не сразу разберёшь. Друзья острили, тоже воображая груду книг, которую Хворост должен будет перевезти. Приятель Крушинин ему сказал: «Поскольку ты бабник и душа у тебя языческая, а книги твои никому не нужны, ты должен попросить, чтобы тебя похоронили со всем твоим скарбом, то есть с книгами». Посмотрев сбоку и как-то сверху вниз, как всегда, когда в нём просыпалась мудрость попугая, Семён изрёк очередную хохму: «Тогда могилу придётся рыть ковшовым экскаватором».

Он вернулся в свою комнату, а в голове зазвучала тоже преследовавшая его строчка: *«И грудь моя на поединке / Не встретит шпаги жениха»*. А может, и встретит... Литературный он был человек.

Но надо было всё же что-то делать, хотя бы просмотреть свою статью перед сдачей в сборник. Статья была опубликована в журнале, но перед сборником можно было что-то ещё поправить. Это была статья о Вечной Женственности. Алёнка просто пленилась ей. Даже писала ему, что давала читать матери.

«Давай снимем квартиру», – сказал он как-то Алёнке, когда стало понятно, что удержать её он не может иначе. Она всё больше отчуждалась. Ещё встречались, но от ласк в чужих квартирах отказывалась.

«Не, не надо. Когда ты предложил жить вместе, я поняла и поверила. Но разрушить твою семью – для меня невысказано». Хворост тогда даже вздрогнул: «Какую из двух семей она имела в виду?» А Алёнка продолжала: «Поверь, я оценила этот твой шаг. Но мне от издательства, где я перевожу, обещали жильё, – ляпнула она, испугалась и добавила быстро: – Непонятно, почему и за какие такие мои заслуги». Он сделал вид, что не понял, а может, и вправду не понял. И в самом деле, за какие заслуги? Мало ли что.

И всё же, когда он пытался прагматически разобраться в их отношениях, он начинал думать: правильно, что он не связал жизнь с юной женщиной. Из-за дочек.

*Возвращаются все, кроме лучших друзей,
Кроме самых любимых и преданных женщин...*

Глава 3

**СТАТЬЯ «EWIG WEIBLICHE
И РУССКАЯ КУЛЬТУРА»**

Читая и правя, он в очередной раз заметил, что кроме панегирика женщине звучали там темы и ведьмы, и женского зла, и даже женского непотребства. Хворост подумал, что женщина по натуре распутнее мужчины. Он вспомнил Кондрово. Младшая двенадцатилетняя сестрёнка одноклассницы Тани, по имени Юлька, когда он уже был в десятом классе и заходил к ней по поводу уроков, все крутилась вокруг Хвороста. Стоило послышаться шагам её сестры, она тут же принималась рассматривать корешки книг в шкафу. Потом одноклассница оказалась в Москве, пару раз они виделись, он даже дал какую-то книгу почитать. А потом как-то лет через пять, когда сестрёнке было семнадцать, Хворост пил на кухне с приятелем, вдруг звонок в дверь. Стояла за дверью сестрёнка одноклассницы, принесла книгу. Приятель предложил ей пожарить мясо для закуски. К величайшему удивлению Семёна, она согласилась. Потом Юля сидела с ними, улыбалась и кокетничала. Потом как бы в шутку села Хворосту на колени и стала пригубливать его рюмку. Взрослые мужики старались не догадываться о её желаниях. Догадалась тогдашняя любовница Хвороста, с которой он жил одним домом. Придя неожиданно домой, она увидела сцену, молча взяла Юльку за волосы и вытолкала за дверь. И та не сопротивлялась, видно, поняла, что за дело. Н-да, подумал снова Хворост, как-то он сорвал с фонарного столба в Питере, в Кузнечном переулке, рядом с гостиницей «Идиллия», где жил тогда с любовницей, записочку: «89650320607. Лариса. Встречусь сегодня. Для несерьёзных отношений». Всё же с проститутками он дела никогда не имел. Вообще никогда. И почему-то гордился этим.

Но Хворост хотел написать другое о женщинах, пытаясь найти в них то, что казалось ему самым лучшим в мире, – вечно женственное.

***

Ewig Weibliche и русская культура

С. Г. Хворост

О любви и о нелюбви

Не раз, когда мне приходилось говорить о том лучшем, что создала Россия, я говорил о русской литературе и русской женщине. В одной повести о поезде, шедшем из Европы в Россию, герой произносил, разозлившись на собеседника, жаловавшегося на наше время: «Думаете <...> когда-то было по-другому? Пушкин всё видел и знал Россию как никто. Чего стоит одна фраза из «Капитанской дочки», когда урядник докладывает капитанше, что капрал Прохоров подрался в бане из-за шайки горячей воды с Устиньей Негулиной. Да в этой фразе мимоходом о русском быте тех лет всё сказано. И что

бани общие были, а теперь нам это кажется порождением развратного западного образа жизни, и чудовищные отношения мужчин и женщин! Ведь вдумайтесь! Мужчина дерётся с женщиной за шайку горячей воды, дерётся, то есть *бьёт её, а она – его*, голышом, в маленькой парной баньке. И с кем дерётся! С Негулиной, то есть *негуляной*, необъезженной, очевидно, девицей, к которой, возможно, он не только за водой полез. Но это сказано мимоходом, по-европейски, не заостряя внимания. Пушкин преодолевал в себе, гармонизировал своим словом, самим собой всю русскую нелепицу, чушь и бестолочь, бессмыслице придавал смысл, заключая её, запирая в бастион точнейших слов, не требующих пояснений, тем самым европеизировал Россию, находя каждому в ней предмету, жесту, событию необходимое, приличествующее место. Создавал вместо Хаоса Космос. Дав России язык, он дал ей и нормы поведения. Но следовать этим нормам могли только те, кто овладевал его языком. А много ли было таких среди русских мужчин, которые по замыслу Бога должны бы строить жизнь и мир, ибо они мужичьи?.. Что Пушкину удалось воистину угадать, так это русскую женщину образованного сословия: идеал ли, ставший реальностью? реальность ли, возведённую до идеала? – не знаю. Книга помогает русским женщинам себя достроить, превратить угадку в *идеальную реальность*, душу воспитать по книге, как, впрочем, воспитывали себя и пушкинские барышни – все они душа и надежда России и русской культуры».

В параллель этим рассуждениям хочу привести соображение Виктора Шкловского, как всегда, остроумное, злое, но... отчасти и автобиографическое. Шкловский вводит термин «пробники».

«Когда случают лошадей – это очень неприлично, но без этого лошадей бы не было, – то часто кобыла нервничает, она переживает защитный рефлекс и не даётся. Она даже может лягнуть жеребца.

Заводской жеребец не предназначен для любовных интриг, его путь должен быть усыпан розами, и только переутомление может прекратить его роман.

Тогда берут малорослого жеребца, душа у него, может быть, самая красивая, и подпускают к кобыле.

Они флиртуют друг с другом, но как только начинают сговариваться (не в прямом значении этого слова), бедного жеребца тащат за шиворот прочь, а к самке подпускают производителя.

Первого жеребца зовут пробник. <...>

Русская интеллигенция сыграла в русской истории роль пробников. <...>

Вся русская литература была посвящена описаниям переживаний пробников.

Писатели тщательно рассказывали, каким именно образом их герои не получали того, к чему они стремились».

У Шкловского в романе «Зоо, или Письма не о любви» речь идёт о попытке автора, почти насильственной, влюбиться в сестру Лили Брик – Эльзу Триоле. Не получилось, потому что женщина оказалась сильнее, она, русская «европеянка» (Мандельштам), осталась в Европе. А мужчина не посмел следовать за ней как за духоводи-

тельницей, как Данте за Беатриче. И досталась ему в совдепии слава остроумного литературоведа, опоязовца и персонажа каверинского романа «Скандалист, или Вечера на Васильевском острове» по фамилии *Некрылов*, а потом вполне приспособившегося к советской жизни литератора. Поразительно, что последнее письмо в любовном романе имеет подзаголовок «Заявление во ВЦИК СССР», где автор грубопрямодушен: «Я поднимаю руку и сдаюсь». И женщина это понимает и в своём последнем письме замечает иронически: «Любовных писем не пишут для собственного удовольствия <...> Ты под разными предложениями пишешь всё о том же». То есть покаянное письмо в ГПУ. Можно ли любить такого мужчину?

Но русская классическая литература *писала о любви*, а не о «нелюбви». То, что у Шкловского звучит издёвкой, было серьёзной проблемой для русских писателей, вдруг в XIX веке следом за Гёте обнаруживших среди русских «уездных барышень» (Пушкин) *способность к подлинной любви*, что ведёт к Вечной Женственности (далее – софийности), сделал это открытие фактом русской культуры.

Вечно женственное воплощает ту силу любви, которая постоянно обновляет жизнь и возвышает человека. Доработались до этой идеи как западно-европейская культура, так и русская далеко не сразу.

Древняя Русь и Западная Европа: тема Прекрасной Дамы

Древняя Русь – это эпоха Средневековья, но задержанная в своём историческом развитии. Не говоря уж о чудовищном трехсотлетнем иге, христианство тоже пришло на Русь позже, христианская проблематика не была артикулирована, как на Западе.

Западная Европа уже в XII столетии ставит вопрос о роли женщины в духовной жизни общества – именно как существа, реализующего себя иначе, чем мужчина. Возникает этот вопрос после известной стабилизации социальной жизни в Западной Европе, когда человек перестал восприниматься неразличимой частью тех или иных систем средневекового социума, когда в обществе стало ощутимо присутствие личностного начала. Причем не забудем, что в христианском сознании была твёрдо укоренена мысль о первопорочности Евы, мысль, с которой надо было как-то совладать (не подавлением, а одухотворением женской сущности).

На излёте Средневековья монахиня Элоиза пишет удивительные письма возлюбленному – знаменитому теологу Абеяру. Их отношения – символ первой ренессансной любовной пары, решавшей своей судьбой важные философско-теологические и моральные вопросы. Элоиза думала о духоподъёме Абеяра, сознательно искупала грех Евы. По словам современного исследователя, «взаимоотношения Элоизы и Абеяра выдвинули ещё одну проблему, одну из центральных для XII века – проблему связи и противоречия между любовью человеческой и Божественной».

Элоиза по-своему решила её, служа Богу во имя любви к Абеяру, всячески желая способствовать его богословской славе: «Бог свидетель, что я никогда ничего не искала в тебе, кроме тебя самого. <...> И хотя наименование супруги представляется более священ-

ным и прочным, мне всегда было приятнее называться твоей подружкой или, если ты не оскорбишься, – твоею сожительницей или любовницей. Я думала, что чем более я унижусь ради тебя, тем больше будет твоя любовь ко мне и тем меньше я могу повредить твоей выдающейся славе. <...> Я последовала за тобой, устремившимся к Богу, и по образу жизни даже предупредила тебя. В самом деле, ты сначала побудил меня надеть монашеские одежды и произнести монашеские обеты, как бы вспомнив о жене Лота, обернувшейся назад, и лишь затем посвятил Богу самого себя.

Своему единственному после Христа и его единственная во Христе».

***

Алёнка сказала ему с тоской:

– Ты ведь не женишься на мне?

– Куда мне! – развёл он руками.

– А я боюсь остаться одна. Именно в моём возрасте всё решается. Он изменяет мне временами, но он мой муж, он обо мне заботится. Мне будет с кем встретить старость. Я ведь тоже ему изменяла. Как бы я хотела всю жизнь быть с тобой, твоей половинкой! Но раз невозможно, то что же делать? Надо думать, как устраивать свою жизнь.

Ему-то казалось, что эта счастливая неопределённость отношений может длиться вечно! И решил, что она просто чем-то раздражена. А она спокойно и трезво писала ему: «Милый мой, родной мой, какое раздражение, о чём ты? Просто такой период у меня. Сама не знаю, что это. Дело же не в моложе и интереснее. Мне действительно надо как-то устраивать свою жизнь. Невыносимо быть одной. Ты лучший из людей в мире. Не знаю, за какие заслуги тебя мне послали. Прости, что всё так. И не грусти, пожалуйста. Целую тебя, твоя».

Вспомнив Кольку Грача, захотел выпить, чтобы заглушить тоску и боль в груди. Но бутылка, которую он держал в книжном шкафу, была пуста. Идти на кухню, рыться в Валькиных запасах, не решился. Хотя у неё что-то могло быть.

И вернулся к тексту статьи.

***

Ещё большее значение в высшем – Божественном – смысле приобретает любовь Беатриче. Беатриче не обладает и сотой долей дантовского таланта, но именно она ведёт Данте вверх, из Ада через Чистилище в Рай. Было бы кого вести. В этом великая метафизика отношений мужчины и женщины. Женщина ищет достойного, но не всякий есть Данте, иной ведёт женщину в пропасть, ибо женщина усваивает духовную потенцию мужчины, а потом разжигает её в яркий костёр. Если б Фауст не стремился к истине, к познанию мира, к благу человечества, никогда бы не спасла его Вечная Женственность.

К этому надо добавить и истовое служение монахинь Христу, посвятивших свою жизнь Ему, как мирские женщины посвяща-

ли жизнь своим мужьям. Вспомним святых и великомучениц Западной Европы, принявших на себя всю тяжесть креста. Не то в России. Великий филолог Ф. Буслаев писал: «В Древней Руси женщина не настолько была унижена, чтобы не могла почитаться достойною сияния святости, однако всё же не более как за шестью русскими женщинами сохранилась до наших времён в общем признании эта высокая честь; да и те все были княжеского звания, и хотя они сменили свой княжеский ореол на более светлый, подвижнический, но всё же они и без того, уже по своему земному сану имели право на историческую известность. А между тем сколько достойных матерей, и супруг, и девиц в их печальном существовании, по всем степеням сословий, на всём протяжении Древней Руси обречено было на совершенную безвестность! <...> Русская женщина имеет полное право жаловаться на невнимание к ней старинных грамотников, и особенно женщина из простого крестьянского быта». Заметим, что в России всегда был культ Богородицы, Богородицы, но почти неизвестен культ Девы, *что, разумеется, было связано с отсутствием личностного мужского начала, умеющего увидеть одухотворённо-женское в женщине.*

Герцен замечал, что Русь не знала рыцарства, отсюда отсутствие высокого понятия чести.

***

Интересно, а было ли это чувство у него самого? Хворост вспомнил, что писал недавно доклад о Герцене как прототипе Ставрогина. Да, была абсолютная запутанность и грязь в эротически-сексуальных перекрестьях Герцена, Гервега, Огарёва. Наташа Герцен родила от Гервега дочь Ольгу. Лиза, дочь Герцена и Тучковой-Огарёвой, считалась дочкой Огарёва и повесилась, тоже запутавшись в сексуальных отношениях. Первая жена Огарёва, Марья Львовна, изменять ему начала направо и налево сразу после брака.

Хворост припомнил вдруг историю из своей молодости. Он дружил с некой парой, точнее, с женой. Всё шло к постели, но она рассказала ему случай как бы из жизни подруги. Мол, муж-геолог убил оленя, рога повесил над дверью. Жена, тоже геолог, вернулась из геологической экспедиции, из другой, привела в гости начальника партии, с которым спала два месяца. Поначалу тот никаких сомнений не вызывал, вёл себя пристойно-вежливо, пил на брудершафт, пил за счастливую семейную пару, Гелю с Сашей, потом подпил чересчур и, уже уходя, не выдержал, посмотрел ещё раз на рога над дверью, засмеялся противно и спросил мужа: «Это ты свои повесил?» Но Семён невольно перевёл взгляд на дверь и увидел эти рога. И что-то в нём погасло.

И снова заныло в душе об Алёнке. Почему обычная вроде бы женщина так меняет состав жизни? Почему собственная жизнь кажется ненужной, почему готов умереть после её ухода? Рационально не объяснить!

Нет, уж лучше писать о русской истории...

***

Европеизированное русское дворянство к началу XIX века уже очень хорошо понимает, что такое *честь*. А там, где есть честь, появляется и проблема женственности, требующей мужской защиты и поклонения. Бесспорно, в эти годы усилилось усвоение опыта соседей с Запада. Специфику западно-европейского Возрождения – переход куртуазной лирики в странную перверсную любовь к Деве Марии, в своего рода культ Девы – с обычной прозорливостью, ироничностью и лёгкой усмешкой сумел выразить «поэт империи и свободы» Пушкин. В 1829 году он написал балладу «Жил на свете рыцарь бедный», где есть такие строфы:

*Жил на свете рыцарь бедный,
Молчаливый и простой,
С виду сумрачный и бледный,
Духом смелый и прямой.*

*Он имел одно виденье,
Непостижное уму,
И глубоко впечатленье
В сердце врезалось ему.*

*Путешествуя в Женеву,
На дороге у креста
Видел он Марию Деву,
Матерь Господа Христа.*

*С той поры, сгорев душою,
Он на женщин не смотрел
И до гроба ни с одною
Молвить слова не хотел.*

...

*Проводил он целы ночи
Перед ликом Пресвятой,
Устремив к ней скорбны очи,
Тихо слезы лья рекой.*

Баллада вошла в пушкинские «Сцены из рыцарских времён». Но её же читает Аглая в «Идиоте», отсюда возникает уподобление князя Мышкина герою пушкинского стихотворения. Князь, «рыцарь бедный», влюблён, однако, не в Деву Марию, а в грешницу (Настасью Филипповну), которой с очевидностью отыскивается евангельский прототип – блудница Мария Магдалина, последовавшая тем не менее за Христом и – прощённая. Достоевский, разумеется, не следует сюжету баллады, а строит свою структуру, которая чаще связана именно с темой раскаявшейся грешницы (Сонечка Мармеладова, Грушенька). Пушкин же прост и ясен. Сражавшийся всю жизнь за свя-

той идеал рыцарь впущен самой Девой, подлинным символом Вечной Женственности, в «царство вечно».

Непрятие Прекрасной Дамы

Владимир Соловьёв как-то заметил, что до Петровских реформ на Руси лишь шло образование государственной формы, но после Петра, когда Россия сложилась в великую империю, встал вопрос о нравственном совершенствовании страны, претворении в реальную жизнь христианских ценностей. Пушкинскую эпоху справедливо называют возрожденческой эпохой русской культуры. Как понимали становление идеи Прекрасной Дамы в нашей истории русские писатели пушкинского периода, уже усвоившие ценности более чем тысячелетней христианской истории Запада?

Эпический роман «Тарас Бульба» посвящён той эпохе в России, когда в Западной Европе явились и мотивы куртуазной поэзии, и культ Девы Марии, и уже фактом духовной жизни стала дантовская Беатриче. По сути, мы имеем в романе Гоголя некий парафраз шекспировской трагедии «Ромео и Джульетта», где возлюбленные гибнут в результате вражды родов. Помещена романная ситуация в *рыцарскую* среду, что постоянно подчёркивается Гоголем.

Любовь является в средневековую Русь на фоне определённого отношения к женщине «козацких рыцарей». Жена Тараса «миг только жила любовью, только в первую горячку юности, – и уже суровый прельститель её покидал для сабли, для товарищей, для бражничества. Она видела мужа в год два-три дня, а потом несколько лет о нём не бывало слуху. Да и когда виделась с ним, когда они жили вместе, что за жизнь её была? Она терпела оскорбления, даже побои; она видела из милости только оказываемые ласки, она была какое-то странное существо в этом сборище безженных рыцарей...» Таково отношение к женственности и к материнству. Более того, если бы не пришло в голову Тарасу отобрать Остапа и Андрия от материнской ласки и придумать какую-нибудь войну, чтоб уподобить себе своих сыновей, дети остались бы живы. Он не только своей рукой убивает Андрия, но, по сути дела, ведёт к гибели и Остапа, втавив его в грабительски-религиозный поход. Появление Вечной Женственности как факта культуры возможно, как я уже заметил, когда есть сильные мужские характеры. Однако это условие необходимое, но недостаточное. *Необходимо ещё воспитание души.* А его, как увидим, и не было в основе культуры.

Природа и исторические обстоятельства той эпохи выковывали прямолинейные и грубые характеры, но возникали уже и культурные мутации. По сравнению со своим односмысленным братом Остапом, «меньшой брат его, Андрий, имел чувства несколько живее и как-то более развитые». Именно он и оказался способен к любви. И ещё в бурсе влюбился в прекрасную полячку, дочь воеводы. Гоголь даёт удивительное описание будущей героини: «Красавица была ветрена, как полячка, но глаза её, чудесные, пронзительно-ясные, броса-

ли взгляд долгий, как постоянство». Постоянство обоих влюблённых выдержало жесточайшее испытание войной.

Любовь полячки мгновенна и страстна, как у Джульетты, как у булгаковской Маргариты, но и понимает она вражду их племён и религий как страшное препятствие: «Выдалось вперёд всё прекрасное лицо её, отбросила она далеко назад досадные волосы, открыла уста и долго глядела с открытыми устами; потом хотела что-то сказать и вдруг остановилась и вспомнила, что другим назначением ведётся рыцарь, что отец, братья и вся отчизна его стоят позади его суровыми мстителями, что страшны облегшие город запорожцы, что лютой смерти обречены все они с своим городом...»

Это и вправду настоящая любовь, которая есть Рок, Судьба. И герои это понимают, понимают, что судьба их запрограммирована как трагедия. «— Не обманывай, рыцарь, и себя и меня,— говорила она, качая тихо прекрасной головой своей,— знаю и, к великому моему горю, знаю слишком хорошо, что тебе нельзя любить меня; и знаю я, какой долг и завет твой: тебя зовут отец, товарищи, отчизна, — а мы враги тебе».

Примерно те же слова мы слышим из уст Джульетты:

*Ромео, о зачем же ты Ромео!
Покинь отца и отрекись навеки
От имени родного, а не хочешь —
Так поклянись, что любишь ты меня,—
И больше я не буду Капулетти.*

Андрей, как и Ромео, в ответ отрекается от самого себя и от своего рода: «Отчизна моя — ты! Вот моя отчизна! И понесу я отчизну сию в сердце моём, понесу её, пока станет моего веку, и посмотрю, пусть кто-нибудь из козаков вырвет её оттуда! И всё, что ни есть, продам, отдам, погублю за такую отчизну!» Гоголь убирает даже оттенок корысти в ответном движении прекрасной полячки: «На миг остолбенева, как прекрасная статуя, смотрела она ему в очи и вдруг зарыдала, и с чудною женскою стремительностью, на какую бывает только способна одна безрасчётно великодушная женщина, созданная на прекрасное сердечное движение (курсив мой. — С.Х.), кинулась она к нему на шею, обхватив его снегоподобными, чудными руками, и зарыдала».

После истинно гомеровского описания битвы козаков и ляхов (парафраз «Илиады», где равными красками описаны и троянцы, и греки, их обоюдное мужество и мелкое тщеславие, проявлявшееся в каждом войске), патетической речи Тараса с превознесением русской души, русской мужественности, русского товарищества, которое выше, чем в любой земле, утверждается, что племенные (потом будут в гражданскую — классовые) чувства выше любого семейного родства, выше любви отца и детей, тем более любви мужчины и женщины: «Нет уз святее товарищества!» Во имя этой спаянности войска, шайки, братовщины можно жертвовать любимой (*Стенька Разин и персидская княжна*), матерью, отцом, сыном. Тарас встречает

Андрия. И у мужественного Андрия, перед этим громившего козаков, бежавших от него врассыпную, рука на отца не поднимается: «Покорно, как *ребёнок* (курсив мой. – С.Х.), слез он с коня и остановился ни жив ни мёртв перед Тарасом». И этого *ребёнка, а не война* убивает отец, принося как жертву богу войны: «Стой и не шевелись! Я тебя породил, я тебя и убью!» Иного слова как сыноубийца не находит Гоголь для Тараса: «Остановился сыноубийца и глядел долго на бездыханный труп...»

Затем погибает в страшных пытках старший его сын Остап, втянутый отцом в распрю с польскими соседями. И уж тут Тарас разворачивается во всю свою мощь, называя массовые гекатомбы из трупов мирных жителей «поминками по Остапу». Как же он их справлял? Гоголь рисует своего рода пугачёвщину средневековья: «Тарас гулял по всей Польше с своим полком, *выжег восемнадцать местечек* (курсив мой. – С.Х.) близ сорока костёлов и уже доходил до Кракова. Много избил он всякой шляхты, разграбил богатейшие и лучшие замки. <...> «Ничего не жалейте!» – повторял только Тарас». И вот отношение козаков к женщинам: «Не уважили козаки чернобровых панянок, белогрудых, светлоликих девиц; у самых алтарей не могли спастись они: *зажигал их Тарас вместе с алтарями*. Не одни белоснежные руки поднимались из огнистого пламени к небесам, *сопровождаяемые жалкими криками, от которых подвинулась бы самая сырая земля и степовая трава поникла бы от жалости долу. Но не внимали ничему жестокие козаки и, поднимая копыями с улиц младенцев их, кидали к ним же в пламя*» (курсив мой. – С.Х.). Степень описанного зверства соизмерима разве что со зверствами, описанными Достоевским в «Бунте» Ивана Карамазова («Братья Карамазовы»), где генерал гончими травит до смерти мальчика на глазах его матери или турки стреляют в голову младенцу, сидящему на руках у матери. Впоследствии такие же турецкие зверства описал Вл. Соловьёв в «Трёх разговорах», и рассказывавший об этих зверствах генерал самым богоугодным своим делом называл уничтожение этих кроважидных зверей.

Уездная барышня

У Пушкина есть строки: «Зорю быют... из рук моих / Ветхий Данте выпадает...» То есть читал он его всю ночь. Что же вычитал?

Европейскому миру идею Вечной Женственности дали поэты и мыслители. Ибо они нуждались более других в душевном и духовном понимании, которое волей-неволей содержит эротический элемент: чтобы текст понять, этот текст (а может, и его автора) надо любить. Такому мужчине дано увидеть в женщине высшее, Божественное начало, которое и его преобразит, настоящая избранница будет побуждать его к творчеству. Пример Данте и Абельяра характерен. Впрочем, и поэт возносит свою избранницу на уровень высший, какой только может быть в христианской культуре: «*Просто мы на крыльях носим / То, что носят на руках*».

Что бы ни рассказывали об отношении Пушкина к женщинам, именно ему в России дано было выразить и внести это новое сознание в русскую культуру. Он-то и был тот самый «рыцарь бедный», о котором сложил балладу, но мало кому это пришло тогда в голову. В пушкинском «Романе в письмах» уехавшая из Петербурга героиня пишет подруге о своей новой приятельнице – провинциальной барышне: «Маша хорошо знает русскую литературу – вообще здесь более занимаются словесностью, чем в Петербурге. Здесь получают журналы, принимают живое участие в их перебранке, попеременно верят обеим сторонам, сердятся за любимого писателя, если он раскритикован. Теперь я понимаю, за что Вяземский и Пушкин так любят уездных барышень. Они их истинная публика».

Что же это за феномен? В это надо вдуматься, ибо уездные барышни стали вровень Пушкину по жизнеповедению и восприятию поэзии. Не раз замечалось, что русские девушки у Пушкина сильнее мужчин, говорилось на этом основании (Бердяевым) вообще о женском начале России, требующей властелина (что с удовольствием подхватывалось с пренебрежением глядящими на русских западными европейцами). Для Пушкина, однако, эта *русская барышня* *несколько не сильнее его, поэта, выразителя России*, разгадки её судьбы, *вполне мужественного*, более того – несущего в себе «Божественный глагол». Но она – его муза, которую он воспел неоднократно. Это и Татьяна Ларина, и Маша Миронова, и Маша Троекурова, и Лиза Муромская, и Марья Гавриловна (из «Метели»). Встречая понимание уездных барышень, он и нашёл свою музу. Ибо понимающий поэт есть его вдохновитель, его муза. В чём же своеобразии дворянской барышни начала прошлого века, чтобы не отделяться словами о Вечной Женственности, ибо в каждую эпоху принимает эта женственность свой облик?

Идеал русской женщины у нас привычно (и справедливо!) связывают с образом Татьяны Лариной, обаятельнейшей из пушкинских героинь. И здесь очевидны три существенных момента. *Первый* – это книжное воспитание, причём вне светской фальши.

*Ей рано нравились романы;
Они ей заменяли всё.*

Второй момент тесно связан с первым. Книжное воспитание означало европейское воспитание, ибо дворянские девушки читали западно-европейских писателей «не в переводах одичалых», а в подлиннике. И читали их душой. Поэтому письмо Татьяны до сих пор остаётся образцовым примером для воспитания девических душ в России. Написано же оно по-французски:

*Я должен буду, без сомненья,
Письмо Татьяны перевести.*

Свой перевод письма Татьяны с французского на русский (который уже почти два столетия чарует всех русских читателей) Пушкин называет: *«Неполный, слабый перевод, / С живой картины список бледный»*. Кстати, Онегин своё письмо Татьяне пишет *по-русски*: *«Вот вам письмо его точь-в-точь»*.

Но отсюда следует *третий* момент, выраженный у Пушкина с нежной иронией:

*Татьяна (русская душою,
Сама не зная почему)...*

Замечательно это – «сама не зная почему». Казалось бы, европейское воспитание должно было сделать её иностранкой, как того боялись и боятся наши патриоты... Но для Пушкина очевидно, что европейские языки несколько не меняют национальную структуру души, просто облагораживают её, придают форму, шлифуют бриллиант, если таковой имеется. Европейская культура только способствует расцвету «русской души» уездной барышни как души европейской, создавая тех русских женщин, которых уже в начале XX века Мандельштам назвал «европейками нежными».

Среди них-то и нашёл, в конце концов, поэт свою музу. Он искал её и в «студенческой келье», и в «вакханочке» среди «пиров и буйных споров», и «по брегам Тавриды», и «в глуши Молдавии печальной»:

*И вот она в саду моём
Явилась барышней уездной,
С печальной думою в очах,
С французской книжкою в руках.*

Русского европейца Пушкина, как и Вяземского (которого в своих письмах Пушкин иначе, как Европеец, не называл), ценили русские европейские женщины – та реальная почва возможной европейской России, которая в силу ряда трагических причин была разрушена. Ибо для понимания поэта и переживания любви необходимо воспитание души.

Повесть Пушкина «Барышня-крестьянка» есть, по сути дела, спор с Карамзиным, со знаменитой его «Бедной Лизой». Героиню пушкинской повести неслучайно, разумеется, зовут тоже Лизой, она тоже выступает в *роли* крестьянки, как, строго говоря, выступала и карамзинская героиня, по воспитанности своей напоминая скорее западно-европейскую мещаночку, ту же гётевскую Гретен, но совсем не русскую крестьянку. Пушкин вполне реалистически показывает разницу между простой натурой и натурой воспитанной. С деревенскими девушками Алексей Берестов – обыкновенный молодой барчук, у которого «кровь играет» – «...поймает – и ну целовать!» И далее служанка не без удовольствия простонародного добавляет: «Да грех сказать, никого не обидел, такой баловник!» Лиза

поражает его контрастом между обликом крестьянки и просвещённостью чувств и языка. «Лиза призналась, что поступок её казался ей легкомысленным, что она в нём раскаивается, что на сей раз не хотела она не сдержать данного слова, но что это свидание будет уже последним и что она просит его прекратить знакомство, которое ни к чему доброму не может их довести. Всё это, разумеется, было сказано *на крестьянском наречии*; но мысли и чувства, необыкновенные в простой девушке, поразили Алексея» (курсив мой. – С. Х.). И Лиза тоже воспринимает простонародную речь *как иностранную*: «А по-здешнему я говорить умею прекрасно». Разумеется, речь в данном случае идёт о *языке культуры*. Пушкин всё время подчёркивает, что союз барина и крестьянки – вещь почти невозможная. Знаменитую фразу Карамзина «и крестьянки любить умеют» (из «Бедной Лизы») он вышучивает и переосмысливает: не крестьянки, а уездные барышни, прошедшие, благодаря западным книгам, школу *воспитания чувств*, умеют любить и достойны действительной любви. Деревенские девки рады играть с бариним в горелки, могут и поддаться ему по природной склонности, но любовь возможна лишь у духовно и душевно развитых натур. То есть *в крестьянку можно влюбиться, если она барышня*.

При глубоком понимании проблемы у Достоевского в его *пушкинской речи* есть тем более удивительная ошибка. Говоря о Татьяне как «русской женщине, сказавшей русскую правду», как почвенном идеале русской женщины, т. е. выразительнице народных устоев, Достоевский в качестве примера цитирует слова её заключительного монолога: «И вот она твёрдо говорит Онегину:

*Но я другому отдана
И буду век ему верна.*

Высказала она это именно как русская женщина, в этом её апофеоза. Она высказывает правду поэмы».

И всё бы хорошо, если бы не союз «и». Безлично присоединяющий Татьяну к сонму таких же верных жён. «И» – это значит «как и другие». Татьяна говорит как европейка со своим «я», своим личным выбором:

*Но я другому отдана;
Я буду век ему верна.*

Конечно, она говорит «отдана», а не «отдалась». То есть, как сказала бы эмансипированная женщина, *относится к себе как к объекту*. Но она сама разрешила себя «отдать». И далее была верна этому христианскому, заключённому через церковь договору. Это разница принципиальная: между почвой необработанной и обработанной, между целинной дикостью и разумным устройством окружающего и своего мира. Не говоря о том, что муж Татьяны отнюдь не «ста-

рик генерал», как увидел его идеологически прочитавший пушкинский роман Достоевский. Генерал – друг Онегина, с ним на «ты», у них совместные «проказы, шутки прежних лет». Да и в Онегине Татьяна ценит как раз его *европейское*: «Я знаю, в вашем сердце есть / И гордость, и прямая честь». И она права: русский европеец Евгений Онегин, *пощадивший* некогда уездную барышню, *щадит и честь* светской барыни, близости с которой он мог бы добиваться и, может быть, и добился бы, если бы не подлинная любовь, охватившая его.

***

Он встал, пошёл на кухню и начал пить холодный чай. Перечитав собственные строки о русских барышнях, Хворост подумал о гнусноватости мужского поведения, поведения вполне в духе Виктора Шкловского. Как-то, ещё в студенческие времена, Лёня Гаврилов, всехний друг, познакомил его с однокурсником, тоже архитектором, Тишкой Серёгиным, парнем с широким умным лицом, в светлых очках с большой широкой оправой, знавшим бездну похабных, но интеллектуальных анекдотов. Тишка вдруг задружился с Хворостом, позвал с собой в архитектурную поездку в Армению. Хворост потом привёл его в один из лучших советских журналов по искусству, где главным редактором был двоюродный дядя Хвороста, его единственный влиятельный родственник в Москве. Тишка там напечатал несколько статей, стал совсем там своим. Он тогда учил изо всех сил немецкий, говоря, что это единственный европейский язык, который может пригодиться. Ведь существует ГДР, куда можно съездить. Выучил и съездил, завёл связи, к нему стали присматриваться номенклатурные работники. И предложили как вариант пост главного редактора организующегося нового журнала «Советское градостроительство». Это был фантастический карьерный взлёт. Но было со стороны руководящих товарищей и неременное условие. Тишка уже давно расстался с Оленькой Васильевой, прошли тени других девушек, а в тот момент у него был страстный роман с красавицей-еврейкой, приёмной дочерью одного писателя, отбывавшего за диссидентство срок в лагере. Девушка Соня тоже была абсолютно своя в журнале, где главным был дядя Хвороста. Дело в том, что там работала третья жена лагерного сидельца, опекавшая Соню. Роман Сони и Тишки очень переживался редакцией, которая обещала устроить им феерическую свадьбу. Они ходили, взявшись за руки, как настоящие влюблённые. Соня ловила Тишкины взгляды и исполняла все его желания. Хворост немного удивлялся, поскольку помнил Тишкины рассуждения, что жениться нужно на дочерях больших чиновников. В результате Тишка так на Соне и не женился. Руководящие работники сказали ему, что для того, чтобы занять пост главного редактора, он должен вступить в партию, а это несовместимо с женитьбой на еврейке, тем более дочке диссидента. Он-де должен выбирать – партия или любовь.

Тишка выбрал партию. Выбор, как очевидное прикрытие темы совести у Тишки, сопровождался кошмарной историей. Хотя, может, это была и сплетня. Рассказывали, что редакция уже заказала ресто-

ран отмечать свадьбу, все бумаги на заказ были у Тишки, и тут-то он, вроде бы, позвонил Соне и сказал, что свадьбы не будет, в ЗАГС он не придёт и пусть она его забудет. Соня рыдала, а Тиша Серёгин пошёл с новыми партийными друзьями в ресторан и весь вечер там пил и веселился. Не пропадать же заказу!

Хворост всё же в эту историю не очень верил, но тогда, как в старинных романах, *отказал Тишке от дома*. Потом время прошло, они даже встречались. Тишка стал главным редактором, был женат на Алисе, дочери крупного партийного чиновника, успел год прожить в капиталистической Италии и рассуждал о том, что перестройка даёт возможность свалить из России, что больше такого шанса не будет. «Мне, – сказал он, – Соня из Штатов написала. Она ведь туда уехала. Простила, к себе зовёт». Но так и не уехал, уже сильно пил. Потом лет десять Хворост его не видел, он и вообще мало с кем общался из-за своих любовных историй, в которых заплутал безвыходно. Но теперь подумал вдруг, что русские мужчины всегда отдавались карьере, поэтому читателями Пушкина были русские барышни, смотревшие на мир сквозь очки европейского образования. И чего он вдруг вспомнил Тишку? Вскоре он это понял.

Он продолжил чтение и правку.

***

*Смена эпох: ведьма как носительница
Вечной Женственности*

В величайшем романе XIX в., в «Братьях Карамазовых», старший брат Митя произнёс знаменитую теперь на весь мир фразу: «Красота не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей». Речь шла о том, что искусство есть камертон реальной жизни и по искусству можно понять, кто же реально оказался победителем в сердцах людей. В искусстве определёнno отразилось и предчувствие крушения русской империи, затем установления в имперских формах советского тоталитаризма и последовавшего в результате этих процессов изменения в духовных предпочтениях и ценностях русского общества.

На рубеже веков возникает среди символистов группа поэтов, которую часто называли также «соловьёвцами», духовными последователями Владимира Соловьёва – прежде всего в контексте его рассуждений о любви, Софии и мистике Вечной Женственности. Среди этой группы поэтов безусловным лидером был Александр Блок, скоро ставший первым поэтом начала века. Андрей Белый писал: «Выход Блока из философии Соловьёва есть выход в конкретности факта зари; в *воплощения* Вечного в жизнь».

Надо сказать, что Соловьёв очень чувствовал опасность соприкосновения Вечной Женственности с дьявольским началом, с темой соблазна, греха Евы, но он же верил, что Вечная Женственность, несущая в себе Божественную сущность, из мечтаний поэтов стала

некоей почти физической реальностью, исторической явленностью. Именно об этом его стихотворение 1898 года:

DAS EWIG-WEIBLICHE

*Помните ль розы над пеною белой,
Пурпурный отблеск в лазурных волнах?
Помните ль образ прекрасного тела,
Ваше смятенье, и трепет, и страх?*

*Та красота своей первою силой,
Черти, не долго была вам страшна;
Дикую злобу на миг укротила,
Но покорить не умела она.*

*В ту красоту, о коварные черти,
Путь себе тайный вы скоро нашли,
Адское семя растленья и смерти
В образ прекрасный вы сеять могли.*

*Знайте же: вечная женственность ныне
В теле нетленном на землю идёт.
В свете немеркнущем новой богини
Небо слилось с пучиною вод.*

Стихи Блока о Прекрасной Даме были восприняты современниками поэта как поэтическая реализация философии Соловьёва и продолжение и развитие его поэтических интуиций. Вяч. Иванов, говоря о блоковской книжке, вспомнил лишь Соловьёва: «Владимир Соловьёв, этот Doctor Marianus заключительной сцены «Фауста», пророк «Вечной Женственности, идущей на землю в теле нетленном», – первый в русской поэзии начал строить новый Парфенон, Храм Девы, – не из пентелийского мрамора, а из алмазов снега и голубых туманов, розовых зорек и чистых звёзд. Что он был большой поэт, явствует из значения его лирики для лирики преемственной».

Вот в этой преемственной лирике первым был Блок. Он, по сути, оказался не только первым последователем Соловьёва, но и первым по-настоящему куртуазным русским лириком – не в банальном смысле манерности и воспевания женщин, а именно в страстном и высоком служении Прекрасной Даме, служении, совпадавшем с религиозным. Не случайны строки о «мерцанье красных лампад», о «тёмных храмах», о девушке в церковном хоре. Блок стал мифом, стал камертоном поэзии Серебряного века, на него равнялись все иные великие поэты, сформировавшиеся в эту эпоху. А тема оставалась, строго говоря, у него одна, пусть и в видоизменениях. Об этом почти сразу написала З. Гиппиус: «Она, Она, везде Она – и песни её рыцаря так прекрасны, во всём их однообразии, что не знаешь, которую выписать. Кто Она? Конечно, не земная дама средневековых рыцарей;

может быть, «Дева Радужных Ворот» Владимира Соловьёва? Вечная женственность? София Премудрость? Всё равно».

Уже после «Двенадцати» многие задавали себе вопрос: как возможен путь от Прекрасной Дамы до воспевания убийства Катьки-проститутки прислужниками антихриста? Быть может, точнее других сказал об эволюции Блока Г. П. Федотов: «Поэзия Блока растёт и крепнет в разложении единого образа, озарившего его юность. <...> Многоликость Прекрасной Дамы не просто ряд икон, воплощений, но ряд измен. В дни безбурных восторгов его гложет предчувствие, и с поразительной чёткостью он предрекает собственную судьбу». Русь была его Прекрасной Дамой, но доверял ли он ей? В 1906 году он пишет:

*Русь, опоясана реками
И дебрями окружена,
С болотами и журавлями,
И с мутным взором колдуна,*

*Где разноликие народы
Из края в край, из дола в дол
Ведут ночные хороводы
Под заревом горящих сёл.*

Федотов цитирует знаменитое программное стихотворение Блока («Предчувствую Тебя») от 4 июня 1901 года с эпиграфом из Вл. Соловьёва: «*И тяжкий сон житейского сознания / Ты отряхнёшь, тоскуя и любя*». Приведу его полнее, нежели Федотов:

*Весь горизонт в огне, и близко появенье,
Но страшно мне: изменишь облик Ты*

*И дерзкое возбудишь подозренье,
Сменив в конце привычные черты.*

*О, как паду – и горестно, и низко,
Не одолев смертельные мечты!*

*Как ясен горизонт! И лучезарность близко.
Но страшно мне: изменишь облик Ты.*

И здесь дело не в «грядущей измене» поэта, как полагает Федотов, а в реальном изменении в катастрофическом мире облика Вечной Женственности, Прекрасной Дамы. Особенность Блока как поэта, как визионера в том, что он не способен был выдумывать, он писал, что видел. Он мог назвать антихриста Христом в «Двенадцати», но при этом изобразил, что видел: абсолютно антихристову ситуацию. И все изменения облика Прекрасной Дамы – через Незнакомку, погружённую в дурман кабаков, до проститутки Катьки из «Двенадцати», убитой каторжниками-красноармейцами. Но именно к ней относятся,

быть может, лучшие надрывно-романсовые строки Блока. Всплывает снова архетипическое воспоминание о Стеньке Разине и персидской княжне: «Нас на бабу променял!»

– Что, товарищ, ты не весел,
– Что, дружок, оторопел?
– Что, Петруха, нос повесил,
Или Катьку пожалел?

– Ох, товарищи, родные,
Эту девку я любил...
Ночки чёрные, хмельные
С этой девкой проводил...

– Из-за удали бедовой
В огневых её очах,
Из-за родинки пуңцовой
Возле правого плеча
Загубил я, бестолковый,
Загубил я сгоряча... ах!

И внутренний рефрен: «Ах ты, Катя, моя Катя, толстоморденькая». Это уже не «прекрасная дама», а «толстоморденькая», гулявая девица. Но любит-то он (Петька здесь сам Блок) её как «Прекрасную Даму».

Показательна внутренняя смена содержания Вечной Женственности. Если в «Незнакомке» ещё звучат воспоминания о синем цветке Новалиса («Очи синие бездонные / Цветут на дальнем берегу»), в Катьке есть поруганная любовь, то в цикле стихов о России, которая, по точной мысли Федотова, и является для Блока иновоплощением Прекрасной Дамы, появляются пугающие мотивы, Русь выступает скорее дьявольской, а отнюдь не святой:

Где ведуньи с ворожеями
Ча́руют злаки на полях,
И ведьмы тешутся с чертями
В дорожных снеговых столбах.

(«Русь», 24 сентября 1906 г.)

Насмешка Вл. Соловьёва над чертями, которые будут побеждены Вечной Женственностью, оказалась, похоже, преждевременной. Творчество Блока говорит о другом, его дама сердца меняет свой духовный облик. Не случайно «прекрасная дама» Катька гибнет от пуль двенадцати антихристовых апостолов. И гибнет именно потому, что Катька пока ещё отнюдь не ведьма, а выжить в наступающую эпоху, похоже, могла только ведьма. Таково был предчувствие грядущего века. А далее черти проникают в самый состав Вечной Женственности.

Надо сказать, что великий революционный поэт, написавший страшную строчку («Я люблю смотреть, как умирают дети») именно ведьму увидел в своей возлюбленной. Возможно, эта фраза – своеобразный эпатажный ответ на известный тезис Достоевского, что нельзя строить здание будущей гармонии даже на одной слезинке ребёнка. Но автор такой строки, отрицавший, по сути, саму идею нравственного императива, только такую женщину (словно из романа Казота «Влюблённый дьявол») и мог получить. Лиле Брик как своеобразной анти-Беатриче посвящено много строк, где не раз произносятся слова от просто «ада» до «крученыховского ада», т. е. ада одного из тех поэтов, что уничтожал нравственный смысл русской поэзии, русского слова. Слово в их творчестве становилось магическим заклинанием, антихристовым знаком. В поэме «Флейта-позвончик» (1915) Маяковский взвалил на Бога ответственность за ведьмовство своей любимой, но дьявольскую суть этой женщины увидел точно:

*Вот я богохулил.
Орал, что Бога нет,
а Бог такую из некловых глубин,
что перед ней гога заволнуется и дрогнет,
вывел и велел:
люби!*

*Это Ему, Ему же,
чтоб не догадался, кто ты,
выдумалось дать тебе настоящего мужа
и на фояль положить человечьи ноты.
Если вдруг подкрасться к двери спальни,
перекрестить над вами стёганье одеялово,
знаю –
запахнет шерстью паленной,
и серой издымится мясо дьявола!*

Достоевский сказал однажды, что чёрт пошел. Столь же пошла оказалась и избранница великого поэта. Путешествуя по Европе, когда поэта травили в СССР, в день его смерти она записывала в дневник: «14.4.1930. Встали в 5 утра. В 6 с чем-то сели в поезд, прямо в вагон-ресторан. <...> До Амстердама ехали цветочными коврами, каналами, пёстрыми домиками. Всё утро бродили по старому городу». Узнав о самоубийстве, вдруг раскрывается, что воспринимала его – как средство жизни *для себя и Оси*: «Володик доказал мне, какой чудовищный эгоизм – застрелиться. Для себя-то это, конечно, проще всего. Но ведь я бы всё на свете сделала бы для Оси, и Володя должен был не стреляться – для меня и Оси».

У Данте Бог посылает Беатриче помочь поэту подняться в рай, у Маяковского рисуется прямо противоположная ситуация. Он богохулит, за это наказывается адовыми муками странной, преступной любви. Кажется, что отвергнутый новым миром Бог сам отворачива-

ется от этого мира. В «Мистории-Буфф» изображается новый потоп, где ничего не остаётся от старой Земли с её трагическим, но Божественным миропорядком, где зло и добро получают воздаяние. Наступает новый порядок, где предсказанный Соловьёвым антихрист торжествует над миром, а черти – вопреки надежде Вл. Соловьёва – пытаются проникнуть и проникают в само существо даже тех женщин, которых мы могли бы раньше назвать носительницами Вечной Женственности. И если Беатриче предстательствует за Данте перед престолом Всевышнего, то Лиля Брик пишет письмо земному воплощению Сатаны – Сталину, в котором объясняет значение Маяковского для выгод нового порядка и вкладывает в уста вождя слова о «лучшем и талантливейшем поэте советской эпохи». В платоновском «Чевенгуре» вместо живой Прекрасной Дамы идеалист, почти Дон Кихот, Копенкин поклоняется неизвестной ему, умершей уже революционерке Розе Люксембург. Профанация темы очевидная и нарочитая. *В России нет больше Прекрасных Дам!..*

И эта смена мирового состава с потрясающей ясностью изображена в великом русском романе тридцатых годов. Речь, разумеется, о «Мастере и Маргарите», где неслучайно эпиграфом стоит провокативная фраза Мефистофеля из гётевского «Фауста»: «Я – часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо». В эти годы не один Булгаков, но многие в Советской России, как писал Степун, к месту и не к месту поминали эту фразу Мефистофеля. Значит ли, иронизировал Степун, что «фактически творящий добро чёрт – становится добром? Очевидно, что нет, что он остаётся злом». И уже в 1928 году твёрдо и убеждённо писал: «Против становящегося ныне модным убеждения, будто всякий полосатый чёрт лучше облезлого, затхлого парламентаризма и всякая яркая идеократическая выдумка лучше и выше демократической идеи, необходима недвусмысленно откровенная защита буржуазных ценностей и добродетелей: самозаконной нравственности правового государства, демократического парламентаризма, социальной справедливости и т. д., и т. д.»

Уже из эпиграфа булгаковского романа понятен отказ от идеи божественного предначертания жизни. Писатель, по сути дела, на протяжении всего своего текста полемизирует с Гёте. Если «Фауст» начинается с «Пролога на небесах», где Бог спорит с дьяволом, то в романе русского писателя Бог вообще отсутствует как таковой. Его место занимает Сатана. Ревнители православия не раз пытались обвинить Булгакова в разнообразных грехах. Но, в отличие от церкви, он показал истинное состояние христианской веры, а точнее, неверия в стране. Именно такое парадоксальное подтверждение дехристианизации страны показано в романе о визите дьявола в Советскую Россию. В романе Михаила Булгакова Христос уже не Иисус, а Иешуа Га Ноцри, он просто добрый человек, хотя как-то и связан с высшими силами мироздания, и ему симпатизирует дьявол. Более того, нам даётся и блистательное жизнеописание Христа, но... в представлении дьявола, так сказать, «евангелие от Воланда».

А уж как дьявол трактует Христа, это понятно: как существо слабое и во многом ему, дьяволу, уступающее. Меняется здесь и Вечная

Женственность. Но она отнюдь не противостоит чёрту, как надеялся Соловьёв. Вспомним, как гётевская Маргарита опасалась Мефистофеля. У Булгакова Маргарита – единственная, кто понимает Поэта, мастера, не только понимает, но и пытается его спасти. Она, кстати, одна и действует, мастер в сущности восковая фигурка. Единственным помощником на этом её пути спасения оказывается дьявол. И она, в отличие от гётевской Гретхен, вступает с ним в союз (напомню ещё раз о Лиле Брик). Если Маргарита-Гретхен из «Фауста» готова была пожертвовать жизнью за любимого, *но берегла свою душу*, потому и была вознесена Богом, потому и смогла спасти бывшего возлюбленного от дьявола, то у Булгакова Маргарита готова отдать за любимого свою душу. Она восклицает: «Черт, поверь мне, все устроит! – Глаза её вдруг загорелись, она вскочила, затанцевала на месте и стала вскрикивать: – Как я счастлива, как я счастлива, что вступила с ним в сделку! О дьявол, дьявол!.. Придётся вам, мой милый, жить с ведьмой! – После этого она кинулась к мастеру, обхватила его шею и стала целовать в губы, в нос, в щёки». Её возлюбленный воспринимает спокойно эту информацию: «Ну, хорошо, – ответил мастер, – ведьма так ведьма. Очень славно и роскошно!» Правда, Маргарита просит Воланда о помиловании Фриды, задушившей собственного младенца (прямо намёк на гётевскую Гретхен). Разница лишь в том, что спасает эту грешницу не Бог, а ведьма Маргарита с разрешения Воланда. Бессилие Бога в этом мире очевидно.

Правда, были и противостоящие этому сатанизму и ведьмовству. Какое-то время оставался Манделштам со своей «нищенкой-подругой», написавший «Разговор о Данте»; выжила Ахматова, с надменной гордостью произносившая: «Я всю жизнь читаю Данте». Не только выжила, но для целого поколения российских людей оказалась той самой духоводительницей к высотам поэзии, ибо чувствовала себя преемницей дантовских идей, и являвшаяся к ней Муза подтверждала, что именно она диктовала великому флорентийцу страницы «Ада», как сейчас диктует Ахматовой её строки. Был ещё роман Пастернака, где звучала и тема мужского предательства, но одновременно образ Ларисы можно было трактовать как образ поруганной Вечной Женственности. Много отчётливее об этом в одном из стихотворений героя романа – Юрия Живаго:

*Прощайте, годы безвременщины!
Простимся, бездне унижений
Бросающая вызов женщина!
Я – поле твоего сраженья.*

У Пастернака – уход в любовь как в катакомбы, в любовь – как в противостояние взбесившемуся миру:

*Мело, мело по всей земле
Во все пределы,
Свеча горела на столе,
Свеча горела.*

Эта негасимая свеча – весьма древний символ противостояния силам зла, взметеленному дьяволом миру.

Но можно ли было в этом мире найти такую – божественную – любовь?

Чуть позже утвердилось и сомнение в возможности существования женщины-духоводительницы. Я имею в виду «Песню, которой тысяча лет» Наума Коржавина (1958), где речь о том, что рыцарь или поэт любит её, видит в ней свое озаренье, и она, вроде, понимает поэта:

*Но всё-таки, всё-таки
Тысячу лет
Он любит её,
А она его – нет.*

Почему же? – спрашивает поэт в отчаянии и сам себе отвечает:

*А просто как люди
Ей хочется жить...
И холодно ей
Озареньем служить.*

Казалось бы, конец. Но нет. Всё-таки без конца задавался выжившими в эту эпоху поэтами вопрос, вопрос, затерявшийся в сталинские времена – о возможности подлинной любви. И ответ на него пришёл. В русскую лирику образ Вечной Женственности вернулся (60-е годы) в неожиданном – почти средневековом – обличье: в песнях бардов, помноженных на находку XX века, на магнитофон, – своего рода русский миннезанг прошлого уже столетия.

Приведу только одну песню Окуджавы 1960 года:

*Тьмою здесь всё занавешено,
и тишина, как на дне...
Ваше величество Женщина,
да неужели – ко мне?*

*Тусклое здесь электричество,
с крыши сочится вода.
Женщина, ваше величество,
как вы решились сюда?*

...

*Кто вы такая? Откуда вы?
Ах, я смешной человек...
Просто вы дверь перепутали,
улицу, город и век.*

Строчки поразительные – ошеломлён: по всему составу окружающего мира Её величество Женщина не должна бы явиться, он и спрашивает, не перепутала ли она улицу, город и, главное, век. Но нет, не перепутала, потому что вновь вернулось святое и рыцарское отно-

шение к женщине: *«Просто мы на крыльях носим / То, что носят на руках»*, – пел Окуджава. Вообще лирика Окуджавы – невероятное явление прошлого столетия. Но, быть может, она просто оказалась высшей точкой русского миннезанга, певшего о любви: это и Визбор, и Городницкий, и Высоцкий.

Как повторял в «Подростке» Достоевского Версиков: *«Нас таких в России, может быть, около тысячи человек; действительно, может быть, не больше, но ведь этого довольно, чтобы не умирать идее. Мы – носители идеи, мой милый!..»* Вот для того, *«чтобы не умирать идее», и написан мой текст»*.

***

Да-да, именно после того, как вдруг сказала ему на автобусной остановке, что она потрясена его текстом, она написала ему:

«Между прочим, мама прочитала твою «Вечную Женственность». Сказала, что ты уникальный. И что понимает, почему мои бастионы навеки пали перед тобой:) По-моему, она потрясена тем, что на свете бывает такое отношение к женщине. Вот так.

Целую, твоя ВЖ (ведь это я, правда?)»

Оказалось, что не навеки.

Думать об этом было невесело. Вспомнив её круглое лицо, Семён вдруг произнёс вслух: «Толстоморденькая моя». И сам испугался.

Открыл файл «черновик к женственности», полистал. Ещё раз остановился на выписанной жестокой фразе из русского трактата XVII века: «Рече отецъ к сыну своему: «Сыне мой, не буди укоряти собою естество женское велми есть зло». Приточник же рече: «Бежи и не озирайся красот жен, яко Ной потопа и яко Лот Содомского запаления, и не буди с прилежанием зрети на чужие жены, и не объят буди руками их, и не жадаи ея, та бо погубляет человеки острейша меча». Назывался текст: «Беседа отца с сыном о женской злобе». Но, подумав, вставлять в статью не стал.

Продолжение следует.

**Виктор
ПОЛИТОВ
(1935–2004)**

ОДИНОЧЕСТВО ХУДОЖНИКА

Виктор Иванович Политов был порядочным и чистым человеком. Был честным, бескорыстным и скромным при всей внешней ершистости и душевной вольнице. Ещё он был верным человеком. Он был верен своему детству и своей юности, был верен друзьям и, главное, был стоически преданным своей теме художником – буквально всё у него написано о малой родине, о фронтовой или послевоенной поре. Можно сказать, ему повезло родиться там и тогда – как это кощунственно ни звучит! – где и когда творилась

самая страшная и вместе с тем самая значительная история человечества. Он из поколения детей войны, пережил и оккупацию, и немцев с итальянцами, и бомбардировки, видел столько зла, жестокости, столько горя, лишения и смертей, и столько слёз, что сам в дальнейшем уже не мог, вернее, не позволял себе слёз.

Казалось бы, душа его навсегда должна была запечься в злобе и беспросветной ненависти. Однако нет, к счастью, он сподобился воспользоваться единственной в такой ситуации отдушиной: целью и смыслом жизни сделал творчество и тем самым сохранил душу в чистоте и светлости. Он на редкость светлый и целомудренный писатель. Хотя, конечно, это ему давалось нелегко. Вот характерный абзац из его прозы:

«Душа у меня, что ль, ненормальная. Или правда искалеченная. Мне всё больно. Я до того люблю наш мир, наши звёзды, и наши озёра, и Дон, и всё вокруг, что мне больно, мне постоянно больно, когда я остаюсь один где-нибудь в лесу, или на лугу, или на берегу озера, или Дона, или вот в этом хуторском саду. Нет, одному мне вообще нельзя оставаться. Иногда мне нестерпимо хочется реветь, а иногда стрелять, взрывать, ломать. И как люди не понимают, что нельзя оставлять человека одного».

Эта постоянная боль и ничем неистребимое чувство одиночества не отпускало Виктора Ивановича, как и всякого истинного художника, на протяжении всей жизни. И последнее его роковое решение добровольно уйти из жизни от этой же всепоглощающей боли и одиночества. Что ж, ничего не поделаешь, так иногда случается у подлинных художников. Он родился творцом и умер творцом, оставив нам шесть повестей, столько же рассказов и книжку стихов. Приведу одно из лучших его стихотворений:

*На судьбу не сетуй, мама:
Жить иначе не смогли бы мы.
Вон деревья – ровных мало,
Все с сучками да загибами,
За мои загибы часто
мне бывает плохо.
Только, мама, ты сейчас-то
Не стони, не охай.
Без сучков-то занеможет
Этой жизни буйство.
Так и людям – жить негоже
С гладкоствольным чувством.*

Я. Удин,
член Союза писателей СССР
и Союза писателей России

НЕ В МОРЯ ВПАДАЮТ РЕКИ...

Мемориальная подборка к 10-летию со дня смерти
Виктора Политова

***

Вырос я на улице у Дона.
Лодки по ней плавали весной,
Волны бились о порожки дома
И качали зори с тишиной.

И за лесом где-то пропадали,
Детские мечты неслись им вслед.
И в глазах неведомые дали
В голубой окрашивались цвет.

РОДИМОЕ

...А у нас и куреня, и хаты,
И степя задумчиво-тихи.
Сколько слёз и крови в них вобрато,
Сколько в них головушек лихих!

На дорогах умирают травы.
Гетман – шлях разбойничьей орды.
Слева – степь. Синеет Дон – направо.
От беды – полшага до воды.

А весной какие половодья!
Аж на цыпочки привстанут тополя!
Если отпускает Дон поводья,
То кругом внамёт летит земля.

Много там Григориев и Мишек,
Много там Аксиньих жгучих глаз.
Говорят там: «Встрели мы братишек»,
Если их встречают в добрый час.

А в степных курганах блекнут кости.
Ковыля колышется волна.
Приходили всякие к нам гости.
Пошумели? Будя. Тишина...

Песня жаворонка или солнца,
Да хлеба колосьями шуршат,
Широко в степи у нас поётся,
Вольной волей полнится душа.

И на свете нету лучшей доли –
В тихий Дон мне опустить весло,
Чтобы все печали, беды, боли
Полою водою унесло.

КАЗАЧЕСТВО

А степь широкая, бескрайняя,
А степь с ковыльными курганами,
А под любым курганом
Земли обдонской раны.

Лежат там «красные» и «белые»,
Лежат, что много бед наделали,
Лежат уж не опасные
И «белые», и «красные»...

А было, было времечко:
Нога ступала в стремечко,
Сшибались лавы страшные,
Враги – друзья вчерашние.

Рубились разъярённые
За старое и новое
Отцы с сынами родными.
Дрожала степь холодная.

Секли друг другу головы.
А сечь умели здорово!
Сходились братья с братьями
В смертельные объятия.

И под любым курганом
Земли обдонской раны...

ДРУГУ ДЕТСТВА

У нас ведь не было отцов.
Мы лишь на карточках видали
Такое близкое лицо,
Такие гордые медали.
Мы, у лиц верные сыны,
Росли по пустырям Европы,
Где ниву щедрую войны
Воронки взрыли да окопы.
Там было столько всяких мин,
Гранат, снарядов, даже пушек,
От счастья замирали мы
При виде дармовых игрушек.
...Теперь не вспомню я лицо
В клочки разорванного друга.
У нас ведь не было отцов,
А матерям бывало туго.
А мой отец с другою жил.
Но я, друзьям не изменивши,
И безо всякой горькой лжи
Считал, как все, отца погибшим.

МАЛАЯ МЕДВЕДИЦА

Не в моря впадают реки,
А в сердца людские.
У меня своя навеки
Речка есть в России.
Не река, а так – речонка,
Что-то вечно снится ей.
Улыбнётся, как девчонка
С робкими ресницами.

Тихим плёсом задымит,
А до дна прозрачная,
Сонной лаской задарит,
Словно новобрачная.

.....
То вся в лесу, то на лугу
В траве некошеной.
Я на заре к тебе бегу,
Моя хорошая.

А сам гляжу за сенокос,
Где под осинами
Стоит туман твоих волос
Волнами синими.

Зарывшись в травы и росу,
Росу прохладную,
Я столько радости несу
Моей нарядной.

И плеск волны, и вздох души
В одно колышутся,
Один глоток твоей воды –
И легче дышится!..

ВЕЩУНЯ

Весенние спадают воды,
Леса уснули в душном сне.
Мои непрожитые годы
Считает в хмарь кукушка мне.
И облака грядую кучной
Плывут куда-то в никуда.
Над кромкой леса круче, круче
Они вздымаются, и тучи
Клубится чёрная гряда.
И лавой бешеной несётся,
И дождь спустился проливной,
И час...
И два...
И снова солнце
В листве, в траве, искрясь, смеётся,
Смеётся солнце надо мной!..
И ожил лес,
В нём всё ликует!
И свежесть льётся в грудь мою,
Кукушка мне опять кукует,
Опять о бренности толкует,
А я в ответ – пою.

ОБЕТ

Заведу размеренный порядок,
Буду и почтителен, и робок,
Буду здороветь от физзарядок
И не трогать...

пробок.

В городке своём добыюсь почёта,
Может, даже сделаю карьеру.

В общем, скажут:

– Парень был-то чёртом,

Стал –

примером.

Домик, сад, жена и всё такое...

Обуздаю молодость и буйство.

Весел, обходителен, спокоен...

Да, брат, грустно!

Что же делать? Жить-то как-то надо.

В домике чтоб было изобилье...

Нет, хочу лететь

и даже падать,

Мне бы –

крылья.

***

Костёр горит, костёр горит,
Огонь заламывает руки
За всех, кто в холоде разлуки
О чём-то с небом говорит.

Молчат пустые небеса,
Плотней костёр сжимая мраком,
Вот где-то горько сыч заплакал
И тихо дрогнули леса.

И построжели у огня
Людей задумчивые лица,
Недаром на него молился
Мой предок на исходе дня.

Огонь тогда его хранил
От злых когтей иль смертной стужи...
Высоко в небе искры кружат,
Как звёзд зовущие огни.

***

В дым костра рыбацкого,
В это пламя с тучами
Смотрит озадаченно
Моей жизни лучшее.

Побродил по свету я
Разными дорогами.
Много в жизни светлого.
Дыма – тоже много...

С дыма не заплачу я,
Пусть глаза слезятся –
Угли в них горящие
Ярче отразятся.

Дым костра рыбацкого,
Это пламя с тучами,
Молодость горячая,
На огонь везучая!..

***

Люди, я не нищий.
Я безденежный.
Тратить деньги – лёгкая рука.
Но слова я собираю бережно:
Где-то в них заветная строка.

Люди, я не нищий, не обиженный,
Не глядите так на мой наряд.
Но за то, чтоб жизнь узнать поближе,
Я с себя рубаху скинуть рад.

Душу не прикроешь модной тряпкою,
У меня наружу – вот душа.
Я же к вам с душою, а не с шапкою,
Я же к вам, чтоб жизнью подышать.

Я не беден, мне не надо жалости.
Мне одним вы можете помочь:
Если в откровении до жадности
Будете со мною день и ночь.

КОСЫ

Девчонка – косы русые,
Они такие русские...
Смотрю на них и чувствую
Я в пальцах нежность грустную.

Смотрю на эти волосы –
В глазах поля с колосьями,
Камыш да ива с косами
Задумались над плёсами.

Они такие тучные,
Они так туго скручены,
Они росли под тучами,
Они ветрами мучены.

Они на грудь до пояса
Легли, умывшись росами...
Твои, Россия, волосы
Несёт девчонка с косами.

ЯЗЫК

Язык наш русский сказочно богат,
На нём мы обращаемся к богам,
На Божью Мать ссылаемся так часто,
На нём поём о счастье и несчастье.

Язык наш – наше зеркало души,
Мы в нём наги, плохи иль хороши.
И как тут ни хитри и как ни льсти,
Язык наш не удастся провести.

Он выдаёт: ты скряга или мот,
Он с головой всегда нас выдаёт,
И сквозь завесу пышную словес
Он болтуна низвергнет вниз с небес.

Мы умерли, остались письменна,
Остались в мире чьи-то имена,
Пусть никого на сей земле не станет,
Их прочитает инопланетянин –

Из тех, что к нам в тарелке прилетит,
Он разберёт и боргес, и петит,
Он всё поймёт по матрицам газеты,
Куда девались люди с сей планеты.

***

Александрю Блоку

Пускай жесток к поэту этот мир,
Когда безумие им правит,
Поэт идёт, идёт на бранный пир,
Не думая о почестях и славе.
Блаженен он, когда среди людей

И радости, и боли рядом нижет,
И с праведником чокнется злодей,
И каждый, каждый был унижен.
Т а к этим справедливы мы
В своём ничтожестве глубоком,
Что нас встают из тьмы
И тьмы, и тьмы
От запада и до востока.
Но в нас кипит священных чувств накал,
В нас закипает,
И азиатская тяжёлая рука
В своём безумии слепая.
Нас усыпить хотели, всыпать яд
Нам раболепия и покорства.
Но был в нас ад,
Останется в нас ад
И это адское упорство.
Не покоримся мы,
Не склоним головы,
Кровь азиатская бунтует!
И, если мы бываем не правы,
Мы отвергаем ложь святую.

***

Сергею Есенину

Не говори мне слов ненужных
И нужных слов не говори.
Они отдушиной нам служат,
Когда в груди пожар горит.

Когда мелодией весенней
Чужая юность зазвучит,
Не говори мне слов, Есенин,
Давай немного помолчим.

Мы так близки, душой похожи.
И разве им когда понять,
Что это просто невозможно
В моей душе твою унять.

И даже в этом ты виновен,
Что людям сердце обнажил,
Что в каждом звуке, в каждом слове
Мою ты раньше жизнь прожил.

Теперь её я продолжаю,
И ты живёшь опять во мне.
Живи, ничуть не возражаю,
Молись и травам, и луне,

Люби цветы, собак и женщин,
И пить вино спеши в кабаки.
Нам так нужны все эти вещи –
Не проживёшь без них никак.

Ханжа, понятно, нас осудит,
Нам позавидует болван.
Ах, если б только знали люди,
Что Чёрный Человек не пьян.

Что он всегда следит, не дремлет,
Куда бы мы с тобой ни шли,
Что он готов загнать нас в землю
И вновь достать из-под земли.

Он без конца готов нас мучать,
Хрипеть, гнусавить без конца.
Про нас он знает всё всех лучше,
И не уйти от подлеца.

Его лишь песен гонит пламя,
Тогда он прячется в тени.
Сгорел ты... (Только между нами!)
Сгораем только мы одни.

Бормочут: «Надо бы иначе!»
А если тех «иначе» нет?
Когда поэт сгорает – значит,
В людских сердцах живёт поэт.

МОЛИТВА

Прости меня, мой Бог, прости.
Не так я шёл, не так я падал,
Не в той у жизни был чести.
Прости... Хотя прощать не надо.

Ведь не расскаюсь я ни в чём:
Ведь боль была, была и радость,
Был сам себе я палачом.
Прости... Хотя прощать не надо.

И лишь из жизни отпусти
И без надежд, и без отрады.
Прости, за всё меня прости.
Прости... Хотя прощать не надо.

**Ольга
ЧЕРЕНЦОВА**

Сергей Черенцов. «Город»

КРАЖА

Рассказ-воспоминание

На стенах висит на гвоздях одежда: обыкновенная и расписанная масляной краской. Шкафов нет. Они не нужны – вещей мало, да и особой ценности, кроме платьев-картин, не представляют. Поэтому приехавшие по нашему вызову милиционеры не скрывают сарказма: какому идиоту понадобилось сюда лезть? Небось, мы сами куда-то засунули своё барахлишко и забыли.

Милиционеры скептически всё оглядывают, что-то записывают в блокнот – ведут расследование. Один из них, посмеиваясь, щупает рукав живописного платья и комментирует:

– Это кто ж такое носит?

– Носят музыканты, актёры, да кто угодно... Это сценические костюмы и просто каждодневная одежда, – говорит мама.

В её голосе звучит оправдание, как будто она на допросе. Милиционеров, как и всех представителей власти, она опасается, а бегающие по ней их откровенные взгляды её напрягают.

– Где же ваш супруг? – любопытствуют они. – Вас ограбили, а его нет.

– Он в командировке, – говорит мама, не уточняя, что они в разводе.

– Конкретно – что украли?

– Пластинки, украшения, ну ещё всякую мелочь.

– Украшения, – заносят они в блокнот и недоверчиво интересуются: – Драгоценные?

-
- Ольга Львовна Черенцова родилась и выросла в Москве в семье кинорежиссёра и художницы-модельера. Прозаик и художник. Публиковалась в журналах «Юность», «Кольцо А», «Литературная учёба», «Волга–XXI век», «Молодой Петербург», «День и Ночь», «Чайка», «Бийский Вестник», «Новый журнал», «Новый Берег», «Побережье», «Слово/Word», в журналах и книгах по искусству в США: «New Art International», «Literal Latte», «Manhattan Arts» и др. Автор двух книг прозы («Двойник», «Изгой»), изданных в Москве. Проживает в США.

– Да нет.

Рассмотрев каждую вещицу в комнате, милиционеры переходят в мини-коридор – сквозной узкий прямоугольник, ведущий в кухню.

– Это что ещё такое? – изумляются они.

Вокруг стоят бордовые кресла – бархатные, с изогнутыми лакированными ручками. Во всю стену тянется заставленный яствами стол. На нём – всё, что может представить голодное воображение: с хрустящей золотой корочкой испечённая индейка, гора сладостей, гроздь чёрной «изабеллы», приятно щекочущей губы, и множество других фруктов и вкуснятин, о которых мы могли только мечтать. Освещают это пиршество свечи в канделябрах – бронзовых, серебряных, синих... любых. Когда их цвет надоедал моему брату, он перекрашивал их в другой, а когда «объедался» индейкой и прочими блюдами, брал кисть, краски и наполнял тарелки новыми изысками.

Среди этой роскоши и изобилия скромненько прижимается к стене покрытая тёмно-красным пледом раскладушка, на которой он спал – настоящая, а не нарисованная на обоях, как остальная мебель. Её не сразу заметно: она сливается с одним из кресел, на сиденье которого лежит мушкетёрская шляпа с пером, перебравшаяся из романов Дюма, которые мы в отрочестве читали запоем.

Один милиционер подходит вплотную к стене, задевает перо на шляпе, и оно падает прямо к его ногам. Да нет, не падает, конечно, но вполне могло бы, настолько созданная Серёжей обстановка кажется реальной.

– Это мой сын сделал, – объясняет мама и испуганно, словно нас сейчас арестуют, начинает оправдываться, что мы обязательно наклеим новые обои.

– Ничего, забавно получилось, – оборвав её, неожиданно хвалит милиционер: – Платья там, в комнате, тоже его работа?

– Нет, моя.

– Где сын-то учится?

– В школе, в следующем году заканчивает, а потом пойдёт...

– В армию, – перебивает её милиционер и, захлопнув блокнот, говорит, что следствие завершено, всё и так ясно: обворовали нас друзья.

– Что за чепуха! – возражает мама.

– Вы их так хорошо знаете? – с ехидцей спрашивает он.

– Да, знаю.

– Видать, плоховато знаете. Только им и известно, что самое ценное в вашем доме – это пластинки. Опытный грабитель к вам бы не полез, чего ему здесь делать.

– Я же говорила, что не надо было их вызывать, – посетовала мама, когда милиционеры, прочитав ей лекцию о том, что она сама во всём виновата – «развела в доме богему», – ушли.

Настроение у неё было испорчено. Любое соприкосновение с властью выбивало её из колеи. Мама состояла из противоположностей: ранимая, боязливая, а при этом – закалённая и смелая. Шла против всех норм и правил, не терпела серости, ратовала за свободу творчества, но терялась перед органами, которые вполне могли привлечь

за методы, которыми она боролась с доносчиками-соседями. Те заваливали все инстанции заявлениями о том, что мама нарочно отравляет их «химикалиями» (то есть запахом краски) и шастает к ней всякое хулиганье в масках. «Война мещанам!» – сердилась мама в ответ. Война была невинно-наивной – карнавалы, которые бесили соседей. А хулиганами в масках были друзья: художники, поэты, музыканты – «Страна Дураков», как они себя называли. Молодые, яркие, талантливые, весёлые – они были маскарадной толпой, своего рода трубадурами. В ту пору, будучи девочкой, я их стеснялась и постоянно ждала, что их безумства до добра не доведут. Однако сейчас я вспоминаю «Страну Дураков» с теплотой, с улыбкой и с грустью. Она уже давно распалась, как я мечтала в детстве. Многие из её «сограждан» стали известными и уважаемыми людьми и вряд ли хотят, чтобы им напоминали об их сумасшедшей молодости. Поэтому не буду называть их имён.

Вот в такой атмосфере мы с братом жили: искусство, маскарады, доносы, милиция... Тревожно, зато нескучно!

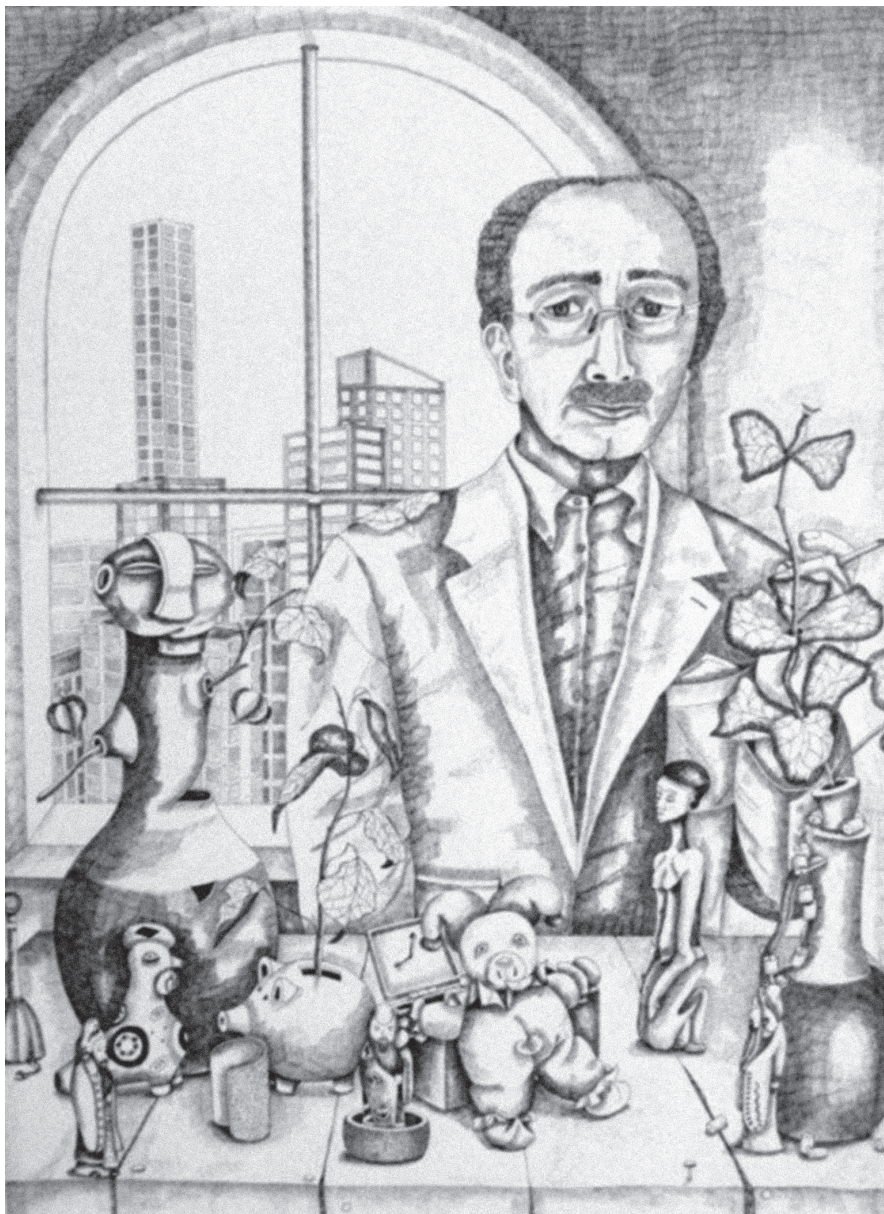
Наши московские корни уходят в глубь веков. По материнской линии все наши предки – люди искусства. Мамин отец, скульптор и театральный художник, работал в Большом театре. Мы с Серёжей его никогда не видели (это отдельная история). Знали его только по тем рисункам, которые сохранились у мамы. Как-то, будучи подростком, я пришла в Бахрушинский музей и вдруг увидела работы деда. В ту пору я тянулась к авангардному, неизведанному, и поэтому они меня не впечатлили, как и те его рисунки, которые висели дома. А сейчас в работах деда я вижу истинное мастерство. Не только в новаторстве всё дело.

Цвет и необыкновенный, ни с чем не сравнимый запах краски, который ненавидели соседи, окружали нас с Серёжей с пелёнок. Наше будущее было предрешено: должны продолжать семейные традиции. Серёжа не возражал, а я воспротивилась – с раннего детства знала, что буду писать. Хотя мамино страстное желание сделать из нас художников сыграло свою роль.

Поверив ей, что именно в этом моё предназначение, от литературы я временно оказалась. Вернулась к ней позже и в самом неожиданном месте – нефтяном тexasском городке в пустыне. Чётко помню тот день. На улице – пекло. Воздух – сухой, раскалённый. Небо – белое, с жёлтым пламенем в центре. Я стою перед мольбертом, работаю. Смотрю через окно на приунывшие на заднем дворе цветы. «Пить!» – молчаливо умоляют они. Я делаю последний штрих, кладу кисть в сторону, вытираю тряпкой руки, выхожу, поливаю цветы. Они оживают, выпрямляются, тянут вверх свои разноцветные головки. Я тоже задираю голову вверх – подставляю лицо солнцу. Жары я не боюсь, купаюсь в ней. На душе – отрадно: наконец завершён холст, над которым я долго трудилась. И вдруг на меня что-то находит, как будто пронзают насквозь рентгеном солнечные лучи. До сих пор не могу объяснить, что послужило толчком к тому, что я вернулась в дом, схватила бумагу, ручку и по старинке, как будто нет компьютеров, начала писать. Писала с бешеной скоростью, словно боясь,

что кто-то остановит, опять скажет, что не моё это занятие. На одном дыхании написала рассказ. Так начался новый этап в моей жизни. Но я рада, что стала художником. Мои холсты, графика и проза переплетены. Одно вытекает из другого.

Родились мы с Серёжей и выросли в самом центре Москвы – на Кузнецком Мосту. Наш двор был целым государством. В нём имелись свои царьки, прислужники, группировки, юродивые, над которы-

Ольга Черенцова. «Антикварная лавка»

ми потешались. Драки, ревность, интриги – всё как в мыльной опере. Сооружён он был вроде микрогородка: переулочки, отдельные хибарки-домики и закутки, в которых собирались алкаши, обжимались парочки, играли дети... Много чего происходило в этих закутках. Гордостью двора была обувная мастерская – весьма неплохая, а знаменитостью – дантист, пухлый, добродушный дядечка, который принимал на дому и, на зависть всем, жил в роскошных апартаментах. Не знаю, как он лечил зубы, но вырывал их ловко, быстро и с удовольствием.

Двор для нас с братом был совсем иной планетой. Там царили свои законы, подчас жестокие. Одно время мама нас туда не пускала, но мы тайком бегали. Не для того чтобы вкусить порочной дворовой жизни, а чтобы подышать другим воздухом, побегать с обыкновенными девчонками и мальчишками. Мамино предпочтение людям искусства мы не разделяли. Она верила, что они – особенный народ, что талант оправдывает все их поступки, что они парят над толпой. Поэтому нас с Серёжей шарахнуло в противоположную сторону.

Дружили мы в основном с детьми из простых семей (к которым, кстати, мама хорошо относилась, несмотря на свои взгляды). Моей подружкой была Муся – дочь дворничихи. Веснушчатая, миловидная, скромная, затравленная своей матерью. Ожесточённая и мрачная, та нещадно её била. Злость превратила мать Муси, ещё довольно молодую женщину, в «сушёную воблу». Фигура – плоская, тощая. Кожа на лице – пергаментная. О том, что Мусю лупили, я не сразу узнала. Она никогда об этом не говорила. Наоборот, всем рассказывала, как мать её любит и заботится о ней. Не сомневаюсь, что их соседи были в курсе (стены – хлипкие, всё слышно), но не вмешивались: считали это нормой поведения. Немало из них воспитывало своих детей кулаками, и никому не приходило в голову на это жаловаться.

Хотя Муся и я росли в разных условиях, мы были похожи. Обе скрытничали, оберегали наших мам, никому не позволяли сказать дурного слова в их адрес. Если бы вдруг кто-то сообщил в милицию о побоях, Муся всё бы отрицала. И не только из-за страха. Как-то в порыве откровенности у неё вырвалось, что она жалеет свою мать, постоянно беспокоится за неё. «Так страшно бывает, вдруг я её потеряю», – сказала она. Мусина тревога была отражением моей. Я тоже боялась, что с мамой что-то случится. Карнавалы и шалости «Страны Дураков» подогревали этот страх.

Однажды, когда её мать куда-то отправилась, Муся позвала меня в гости. Жили они убого. Комната – сарай: грязная, вонючая. Но поболтать нам помешала Нюра – блатная восемнадцатилетняя девица. Она постоянно шаталась по двору и ко всем приставала. Увидев, что я вхожу к Мусе, она тут же двинулась следом за мной. Развалилась на кровати и, дымя сигаретой, посвятила нас во все местные новости: кто кому вмазал, кого посадили, кто с кем крутит роман, и прочее. Затем принялась за мою маму. Мол, слышала, что творится в мастерских художников: разврат, голые девки, а то, что они якобы натурщицы, – это прикрытие.

– Никакого разврата в мастерских нет! – разозлилась я. – Нечего всякие глупости повторять!

Спорить с Нюрой было не только бессмысленно, но и рискованно. Телосложения она была мощного, могла и звездануть. Она в ответ разоралась, что мне лучше заткнуться, ей виднее, что про нашу семейку всё известно. Разгорелась перепалка.

Так бы я и отправилась домой с подбитым глазом, если бы не вошла мать Муси.

– Чего расселись?! – гаркнула она. – А ну-ка, давайте-ка отсюда!

– Что случилось? – спросила мама, когда я вернулась. – Ты же оставалась там на ночь.

– Клопы заели, – выдумала я на ходу (хотя эти твари на самом деле покусывали).

Признаваться, что меня прогнали, я не хотела. До боли ранимая, а от этого мнительная, мама бы расстроилась. Её настроение я улавливала, как барометр – погоду, и уже в детстве чувствовала ответственность за неё. Как будто мы с ней поменялись местами: я превратилась в её родителя, а она – в мою дочь.

Грабителей, конечно же, не нашли, да и вряд ли искали. Всё заглохло. Пластинками, большинство которых было подарено приятельницей-иностранкой, теперь пользовался кто-то другой. Не звучал больше в нашей квартире неповторимый голос Эллы Фицджеральд, под который мама работала, не звучали песни известных поп-групп, под которые отплясывали «хулиганы» в масках. Грабители оставили нам только Моцарта, Баха, Шуберта и др. Классическая музыка их не интересовала, а это полностью опровергало теорию милиционеров, что нас обворовали мамины друзья. Классику друзья обязательно прихватили бы с собой!

Прошёл май, июнь... Жизнь продолжалась. Серёжа – вечно ищущий новое – сменил в коридорчике обстановку. Убрал мебель «из времён мушкетёров» и создал на обоях фантастический мир, а мама за это время сделала несколько сценических костюмов. В её живописной одежде выступали многие талантливые вокалисты и музыканты. Упомяну двух: Лидию Давыдову и Елену Образцову.

Лиду я вспоминаю с большим уважением и теплотой. На тот момент она возглавляла ансамбль «Мадригал», основанный Андреем Волконским. Изумительная певица и тонкий, чистый человек. Внешне – миниатюрная и хрупкая, а характер – стойкий. Несмотря на свой юный возраст, людей я чувствовала и всегда радовалась, когда Лида к нам приходила: войдёт и буквально озарит собой нашу квартирку. Светлая ей память!

Мамины живописные платья были портретами. В каждом прочитывалась индивидуальность того человека, для кого оно было сделано. Как, например, платье Елены Образцовой. Смотришь на него и ощущаешь динамику, талант и красоту этой великой певицы и прекрасной женщины. Мама восхищалась ею и выразила это в платье-портрете.

Мама уже нет на этом свете. Ушла она рано, от страшной болезни. Но её работы живы. Они – её душа. Рядом с компьютером, за которым сейчас сижу и пишу эти строки, висит на стене её огромный абстрактный холст. Он как будто выходит за пределы рамы и запол-

няет собой всю комнату. В нём – движение, воздух и музыка, которую мама так любила.

...Пока милиция «гонялась» за грабителями, наступил июль – жаркий, пыльный, душный. Летними вечерами во дворе – брожение. Все закутки забиты. В них сидят компании, собутыльники и парочки, которым негде уединиться. Даже в миролюбивом настроении двор небезопасен и смутен. Но я к нему привыкла и бесстрашно топала в его чёрную дыру выносить мусорное ведро. Пока шла, слушала передачу, которую показывали по телевизору. Все окна были запахнуты, народ впился в экраны. И только одно окно круглосуточно оставалось захлопнутым и тёмным. Поговаривали, что там обитает древняя колдунья. Не понравилась ей – миг наведёт на тебя порчу. Каждый раз, когда я приближалась к помойным бакам, мне казалось, что старуха наблюдает за мной из темноты. Впоследствии выяснилось, что не колдунья там жила, а слепая инвалидка. Но это случилось позже, когда она умерла, а пока я вываливаю мусор в бак, иду назад домой и... внезапно останавливаюсь: слышу знакомую мелодию, вклинившуюся в звук телевизора. Она становится громче, различается в воздухе, я спешу ей навстречу, и она подводит меня к окну квартиры на первом этаже, в которой жил Нюркин парень – главарь местной шпаны. Окно настежь раскрыто, как и остальные во дворе. Из него вылетают крики, гогот и музыка – наша музыка. Или я ошибаюсь? Может, это купленная пластинка, а не та, которую у нас украли? Я стояла, ожидая, что поставят следующую, тоже нашу, и тогда уж точно не останется сомнений. Но заиграло что-то другое.

Тут в окне появилась Нюра. Увидев меня, пьяно гаркнула, что нечего здесь торчать и подсматривать.

– Не подсматриваю, а пластинки слушаю. Где достали? – спросила я.

– Где достали, там их уже нет! Тебе-то какое дело? Вали отсюда!

– Чего ей надо? – выросла за её спиной компания дружков.

Я повернулась и отправилась домой. Шла и размышляла: что делать? Сказать маме или нет? Лучше смолчу: твёрдой уверенности у меня нет, а война с дворовыми развалит маму на кусочки. Чёрт с этими пластинками! Их всё равно не вернуть!

А парня Нюрки вскоре посадили – не за пластинки, а за что-то другое.

Двора этого уже давно нет. Где его обитатели, не знаю. Их лица расплылись в памяти, превратились в безликие пятна. Чётко я помню только Мусю. Глаза у неё были добрые, грустные и очень взрослые.

**Светлана
ПАНКРАТОВА**

ГОЛОД

Памяти Василия Ивановича Белова

Дней в Татьяниной жизни будто и вовсе не было. Окна всегда зашторены, редко какой луч в щёлку прорвётся, постоит-постоит непрошеным гостем, потрётся о стену золотым боком да и пойдёт себе дальше, тех радовать, кому солнце мило. Татьяна же больше ночи любила, с их тишиной и покоем. Да и работа позволяла не вскакивать по утрам вместе с жаворонками – Татьяна подкармливалась статьями о культуре. Иногда и халтурка литературная перепадала.

Струнить Татьяну было некому – ни мужа, ни детей, живи, матушка, как сама считаешь нужным, хочешь кофе пей, хочешь какао, а хочешь, вообще к плите не подходи, никто не заплачет, не затребует.

Вот и в ту ночь наслаждалась Татьяна свободой, сидя перед компьютером в цветастеньком кресле, располагающем к безделью. И, на первый взгляд, Татьяна, вроде бы, отдыхала – чаёк попивала, за киношной жизнью наблюдая, а на самом деле размышляла о творчестве испанского режиссёра Альмодовара. И вот в тот момент, когда герой фильма на вопрос «Что бы ты попросил у любимого человека?» ответил: «Чтобы он не пытался сопровождать меня на вечеринках, но оставался дома, чтобы я рассказывал ему сплетни. Чтобы не отвлекал меня, когда я пишу на машинке, чтобы читал те же книги, что и я, чтобы разбирался в медицине, законе, водопроводах, электричестве, обязательно любил меня, но не докучал и смирился с тем, что я бесполезен», в тот самый момент Татьяна вдруг поняла, что вот уже минуты две слышит подозрительный шорох у входной двери. Давнее одиночество приучило Татьяну к наступательной решительности. Потому Татьяна и не подумала как-то по-женски затаиться, стать осторожнее, превратиться в тень самой себя, чтобы невесо-

-
- Светлана Геннадиевна Панкратова родилась и живёт в Саратове. Окончила сценарный факультет ВГИКа. Лауреат конкурса им. В. И. Белова. Публиковалась в журналах «Наш современник», «Волга–XXI век» и др.

мо подкрасться к двери. Напротив, остановив фильм и громко двинув креслом, Татьяна простучала подошвами шлёпок к порогу и властно спросила:

– Кто там?

– Я это, Тань, – виновато проговорили за массивной дверью, – Лена.

– Что случилось? – удивилась Татьяна, впуская будто ветром внезапную соседку.

– Я вот так и думала, что ты не спишь, – зашептала Лена, – а потом вот как подумаю, что вдруг сегодня спишь, и боюсь звонить. А потом смотрю: свет, вроде, возле кабеля – нет, думаю, не спишь.

– Ты успокойся, – попросила Татьяна, – чай будешь?

– Не-е, – замотала головой Лена и, присев на краешек дивана, сбивчиво поведала, что в одиннадцать часов мужу стало плохо с сердцем, возраст критический – сорок. Вызвали «скорую», приехала женщина средних лет, с ней молоденькая, осмотрели, потом связались по телефону с бригадой со специальным кардиооборудованием и ждут, не уезжают.

– Так в чём проблема? – поторопила Татьяна, покосившись на героев Альмодовара, размыто застывших на экране.

– Да как-то это всё... – Лена затеребила полу халатика. – Сыновья не могут спать, когда чужие в доме. Я на кухне сижу, не с Олегом же мне рядом, два часа-то, с этими-то... Да и бодрый он после укола. Та, которая старше, всё курить ходит, а молодая – дыр-дыр-дыр, дыр-дыр-дыр – прямо рот не закрывает.

– Ты ревнуешь? – в лоб спросила Татьяна.

– Я спать хочу, – пожаловалась Лена. – Эта бригада совсем может не приехать, квасят все, поди. Да и на работу мне, я же не как ты. А Олег и сам бы дождался.

– Ты хочешь, чтобы я их выгнала? – отвела взгляд Татьяна.

– Я не знаю, – взъерошенной птичкой пискнула Лена.

– Хорошо, – поднялась Татьяна, – пойдём.

Они направились в общий коридор: впереди – Татьяна кораблём на всех парусах, за ней – лодчонкой маленькая Лена. Но далеко плыть не пришлось: с сигаретой в руке из соседской двери выкатилась кругленькая врачиха.

– Послушайте, – строго обратилась к ней Татьяна, – вы можете ехать, мы сами дождёмся ваших коллег. Я лично дождусь, я по ночам не сплю, вы только на бумажке напишите всё – и всё. Это же дело пяти минут. Зачем вам тратить столько времени на одного пациента? К тому же не умирающего. Да?

– Нет, – загадочно улыбнулась врачиха, спрятав взор за густым дымом, – мы обязаны. А о пациенте... не беспокойтесь, ему сейчас хорошо, – кругленькая затянулась, – очень хорошо. С молодой-то девушкой...

Татьяна склонилась к мечтательным очам врачихи и растерянно пробормотала:

– Мы сами дождёмся. Вы слышите меня?

– Ему сейчас хорошо, очень хорошо... – монотонно повторила женщина, словно никого не видя перед собой.

– М-да, – оглянулась Татьяна, – идём-ка ко мне, Ленок.

– Слушай, подруга, а тебе не показалось, что она обдолбанная? – усевшись в любимое кресло, спросила Татьяна. – Спиртным не пахнет, но глаза ненормальные. А что? У них там всё тити-мити.

– Да ну! – махнула рукой Лена. – Я только понять не могу, чего они так в Олега вцепились? Не красавец, не денежный мешок... А они как пьяные обе.

– А чего ему там «хорошо»-то? – насмешливо прищурилась Татьяна.

– Да говорю же, тряндит эта, молодая. Ну и он чего-то отвечает. Что там может быть-то? Сыновья дверь в свою комнату распахнули, сидят, нахохлились.

– А эта, молодая, – видная девка?

– Мясная, из ленивых, – сердито буркнула Лена.

– Поня-а-тно, сама найти не может, старшая подруга старается. Я думаю, нам их не выгнать, будут ждать до опупения. Давай чайку?.. Фильм вот. А хочешь, покрепче чего, стресс чтобы..

– А давай, – кивнула Лена, – сыновей только предупреду.

...Киногерои разбирались в непростых своих однополых отношениях. На откровенной сцене с Бандерасом Лена задумчиво протянула:

– На-а-до же, а я думала, что *они* по-другому, а тут... как с женщиной. А зачем тогда, если как с женщиной? А, Тань? И как ты это смотришь только?

– Для статьи надо, – отмахнулась Татьяна, – да и вообще, ты разве не хочешь знать, чем мир живёт?

– Не хочу. Я хочу, чтобы... Та-ань, а может, мой Олег – последний мужик на планете. А чего? Вот мы четыре дня праздновали, куда не выходили, вдруг за это время чума какая, мор – и нет больше мужиков на земле. Один мой и остался.

– А они разве раньше были? – покосилась Татьяна.

– Гордая ты, – Лена погладила пальцем рюмку, – гордая, вот и искала необыкновенного. А я вот прихожу домой, а там они – Олег, дети, самые обыкновенные, и мне спокойно. А если бы я приходила домой, а там... никого, я бы умерла. Я бы одна... ни за что! Я только жалею, что детей мало. Вот если у тебя сын – это одно, а если сын и сын – это другое, а если сын и дочь – тоже другое. Ты иначе на мир смотришь. Если у тебя пятеро детей и пятеро внуков – это одно, а если те же пятеро детей, но внук один – другое.

– Не пей больше, – попросила Татьяна, – заговариваешься уже.

«Мне наплевать на индустрию!» – крикнула отроковица с экрана.

– И мне, – кивнула быстро захмелевшая Лена, – мне тоже наплевать. На всё! Только чтобы они... всегда со мной. Я слабая, а ты сильная.

– Я тоже слабая, – возразила Татьяна, – просто мужиков нет. Переориентировались они, сиськи силиконовые вставили.

– А члены? – спросила Лена.

– Что члены? – не поняла Татьяна.

– Отрезали?

– Некоторые отрезали, некоторые оставили. Универсальными такими стали, хочешь – тётя, хочешь – дядя. Два в одном.

– Удивительно! – по-детски обрадовалась Лена.

– Ещё бы! – согласилась Татьяна.

– А ведь мы и впрямь другие, – улыбнулась Лена и заторопилась с пояснениями: – Когда Лёшке год был, позвонили как-то в дверь. Открываю – цыганка. Ну и: «Погадаю давай, красавица, всю правду скажу». Я почему открыла-то так спокойно – Олег был дома. Меня поразило, что цыганка сказала, что у меня ребёнок маленький, что замужем я. Это уж я потом допетрила, что по белью на лоджии она всё «срисовала». Прямо рот я раскрыла тогда, хотя дальше прихожки цыганку не пустила. Она и говорит: «Вот иголка, зажди её в кулаке, если почернеет, порча на тебе». Я зажала, а когда ладонь раскрыла – чёрная иголка! Я понимала, что мухлёт, но всё равно обалдела. А цыганка в годах и у-ушлая, зырк-зырк глазницами, а я смеюсь нервно так – от страха, что ли? Есть в этих гадалках что-то безбожное. Она тоже занервничала, ей-то хотелось, чтобы я в осадок выпала, а я – нет, сопротивляется что-то во мне всем этим нехорошим тайнам, не принимает их душа. Так вот, значит, я хохочу, она злится, а тут Олег – из ванной. И враз направил проныру по нужному адресу, выкинул за дверь, на меня наорал: «Ненормальная, кого в дом пускаешь!»

– Ты это зачем рассказала сейчас? – спросила Татьяна.

– Затем, что оробела ты перед врачихой. Ты – такая классная, рослая, а перед ней... не смогла. А Олег... Он хоть не крутой, а шарлатанку ту – вмиг. И перед мужиками он не пасует. А ведь не орёл. И сыновья... Я сейчас им сказала, что, мол, к тебе пойду, вроде как разрешения спросила. А Лёшка, вот пятнадцать ему всего, а так серьёзно: «Мы понимаем, мам, иди, нас двое, а ты сейчас... одна». По-мужски ответил. Мы – другие, Тань. Они нужны нам.

– Что-то Олег не гонит... трындычиху, – обиделась Татьяна, – любезничает. Пациент! Я оробела, но она врач, не турнёшь. И потом, может, тебе только кажется, что Олегу полегчало, а они видят, что нельзя его без присмотра оставлять. Чего ты улыбаешься? Я тоже не припомню случая, чтобы так упорно ждали. А то, что мужики нам нужны, не спору. Да только нет их. Не согласна? Погоди-ка, я щас.

Татьяна поставила диск в музыкальный центр и скрылась в спальне.

Лена, уставившись в кадр приостановленного фильма, недоумённо пожимала худенькими плечами: двое мужчин сплелись своими телами в губительной любви, такие разные и такие похожие мужчины.

– И подбородки у обоих колю-у-чие... – прошептала Лена и вздрогнула от неожиданно зазвучавшей музыки.

Оглянувшись, Лена увидела щегольски одетого мужчину, он надвигался на неё под стон саксофона, смотрел в её глаза из-под полей мягкой шляпы, протягивал ей тугое яблоко, но не отдавал его.

– Та-аня-а, – обомлела Лена, – Та-аня-а, это же...

– Тс-с, – жестом приказала Татьяна, – тс-с!

Лена обхватила себя руками, словно желая высвободить пространство для этого колдовского танца. Сила и страсть, сдержанная нежность и жёсткость, желание и равнодушие исходили от странного танцующего существа – полумужчины-полуженщины. Яблоко, готовое вот-вот прорвать кожицу кисло-сладким соком, медленно двигалось по шее, груди, кожаному ремню, пряталось в ладонях и выныривало из них сверкающим поплавком. Яблоко источало древние и вечно юные ароматы мёда, земли, пыльной, уставшей листвы, безумных ливней, грузно осевшего раскидистого дерева, бело-розовой пены весеннего цветенья. Этот дерзкий настой щекотал основание языка, и приходилось сглатывать слюну, походившую на ключевую воду. Флюиды отболевшей печали и горького смеха, всепобеждающей жизни и неотступной смерти вплетались в джазовую кровь мелодии, и вся эта лава стекала по тумбочке, паркету, двигаясь к маленькой женщине, застывшей на диване.

– Бог знает, что это такое... – растерянно лепетала Лена.

А горячая лава подбиралась к ступням, коленям, и не было уже ни саксофона, ни женщины, превратившейся в мужчину, лишь обжигающий песок невидимым ветром носило возле губ и шеи слабой самочки. И вот уже куда-то исчезло яблоко, и наманикюренные пальцы легли на серединный шов, и мужское движение, бесстыдное, напористое, ритмичное, завершило этот необычный этюд.

– Вот так, – выдохнула Татьяна и выключила музыку.

– Та-аня-а, – вскочила Лена, – я потрясена, это фантастика, это...

– Но тебе не было смешно? – наклонилась мертвенно-бледным лицом Татьяна.

– Да ты что-о?! У меня волосы дыбом, Тань!

– Во-от, и у Альмодовара дыбом, наверное. Плакать хочется от всех этих то ли мужиков, то ли баб из его фильмов. Рыдать хочется! Какая прелесть – между *ним* и... *ним*, даже если *он* стал *ей*. И что? Зачем тогда – «чтобы читал те же книги...» – а?

– Так ты... – осенило Лену, – думаешь, что мужиков не хватает потому что... да?

– Да, – сказала Таня, снимая шляпу, – потому.

– Да нет! – воскликнула Лена. – Это только так кажется, что *их* много, дело в другом. Они, нормальные которые... им словно лень жить, вот и пьют, вот и умирают так рано.

– Э т о почти естественный отбор, – сбросила пиджак Татьяна, – а *тот* совсем неестественный. Самое гадкое, что настоящих *их* – мизер, остальные – вовлечённые, изнасилованные, совращённые. *Они* втягивают, посвящают... мальчиков, молодых хорошеньких мальчиков с лицами японских куколок, а потом, когда *им* надоедают куколки, *они* смеются над ними, принявшими яд, умирающими под «Аллилуйю» Генделя, чистят зубы и ложатся между двумя так называемыми девочками. *Им* всё равно, с кем лечь, на что лечь. Хоть на кучу дерьма. Лишь бы флагом потом махать и требовать к себе уважения. А для чего это нужно-то? О-о! – Татьяна захохотала. – Флаги и уважение – всё это для уверенности в своей правоте. Но «тех, кто

во всём уверен и не знает за собой никаких грехов, – тех сволочей я, на месте Бога, гнал бы пинком в зад из царства небесного».

– Почему ты говоришь – «я гнал»? – испуганно спросила Лена.

– Это не я говорю, – прерывисто, будто после надрывного плача, вздохнула Татьяна, – это Джон Стейнбек говорит из своего далека.

– Артист такой? – трогательно поинтересовалась Лена.

– Сыновей береги, – устало сказала Татьяна, – иначе не то что пятерых внуков, а и одного-то не дождёшься.

...Татьяна проснулась вечером, вспомнила нелепую ночь, зевнула, удивляясь своей горячности. «И какое мне дело до всего этого? – потянулась она. – Где *они*, а где я. Ну колбасятся *они* на своих парадах по горбатеньким улицам Сан-Франциско, ну женятся друг на дружке где-то там, в уснувших голландиях, ну здесь пытаются качать права, но ведь только пытаются. Жизнь-то продолжается, и ещё появляются на свет дети, случаются человеческие свадьбы и не перевелись ещё мужчины, способные дать отпор возжелавшим их собратьям по полу. А на расстоянии вытянутой руки я *их* только пару раз и видела».

Первый – в Москве 90-х, в спонтанной творческой компании. Тот парень казался вполне адекватным, но после лишней рюмки его понесло, он стал кричать, что несчастен, что его бросил *друг*, что теперь он так одинок, что готов уйти с любым, кто его захочет. Откровенность тут же обернулась против него: девушки отодвинулись подальше, представители сильного пола начали солоновато шутить, потирая кулаки. Парень расплакался, выбежал на лестничную площадку. Его всхлипывания раздражали. Татьяна, взяв стакан с водой, потащилась утешать бедолагу. Он шмыгал носом, пытаясь о чём-то рассказать, но Татьяна не слушивалась, с интересом разглядывая мягонькое лицо. В этой неопределённой физиономии ясно читались желание мести, обида, бессилие. «Да ведь это не женщина даже, а... бабёшка», – изумилась Татьяна.

А второй раз так близко с одним из *них* судьба свела её пару лет назад. Редактор крупной газеты, лысый, умный, активный. С ним Татьяна пыталась было кокетничать, и он поддерживал её желание нравиться, отзывался комплиментами. Но в какой-то момент Татьяну будто торкнуло изнутри: он один из *них*. Такой же внутренний толчок она ощутила в тринадцать лет: мать, приехавшая в пионерский лагерь, шла по дорожке, молодая, по-летнему яркая и... другая. «Она беременна!» – ахнула Таня, не понимая, почему это ей стало так ясно. И действительно, в январе мама родила Тане братика, а лысый редактор раскололся на одном из корпоративов. И снова – лестница, и снова пьяный бред. Он говорил, что *это* – философия, сыпал именами, стихами, примерами, всем своим видом давая понять Татьяне, что никогда ей не доведётся испытать *такого* счастья. Татьяна, сделав умное лицо, в какой-то момент всё же не выдержала, засмеялась – нехорошо, со злинкой.

– Не понимаю вашего смеха, – дёрнулся редактор, – эту строку я нашёл у Лукиана. Заметьте! Не вчера написано! «О, бедер друга близость благодатная...» – повторил он проникновенно. – Хотя это

и не Лукиан, а Эсхил, но трагедия «Мирмидоняне» затеряна в веках. Остались жалкие крохи.

– Какая потеря! – вздохнула Татьяна. – Я серьёзно, не сердитесь. Жаль, когда что-то хорошее уходит безвозвратно. Особенно – крепкая мужская дружба, без всяких там... э-э... – Она покрутила пальцами в воздухе. – Прекрасный союз без постельной возни, подлянок, лжи, соплей, корысти. Когда в огонь и в воду – за друга, до конца дней!

– Ну! А в чём проблема-то? – пьяно качнулся редактор.

– В том, что старость не красит любовников, – с досадой ответила Татьяна, – в том, что только соединение плюса и минуса порождает тот сладостный стон, от которого всё, понимаете, всё, вся Вселенная превращается в сверкающий бриллиант. И самая микроскопическая мушка, со всеми её микроскопическими усиками и лапками, слыша этот сладостный стон, начинает переливаться миллиардами сказочных огней. И она, эта ничтожная мушка, распадается на тысячи, нет, на миллионы галактик, наполненных алмазным сиянием. Проблема в том, что... *вы* пихаете нас всех под знамёна напуганного собственной теорией чудака. А мы – вы и я, и все вокруг – не животные! Понимаете, не животные! И тот, другой, которым вы так отчаянно прикрываетесь, не *ваши*! Он – не один из *вас*! И если бы он был жив, то никогда, никогда не стал бы трясти своими простынями. Все наши простыни вторичны! Понимаете, вторичны!

Татьяне вдруг захотелось по-мужски взять редактора за грудки, но она сдержалась и, стряхнув невидимую соринку со своего нарядного платья, сказала, словно невольно проговариваясь о чём-то таком, о чём пыталась и не могла забыть:

– А у Лукиана мне нравится «Разговор богов», двадцать второй, между Паном и Гермесом. Бедный Пан! Козлиная внешность по вине папаши, но, заметьте, как сильна мать – спартанка Пенелопа! Не побрезговала козлёночком, вырастила!

– Это жизнь, жизнь! – редактор повёл вокруг себя рукой. – Реальность! Не понимать этого...

– Повторяю вам: и вы, и я – это лишь одна половина, предполагающая наличие другой, которая и превращает её в целое. Дух–материя, мужчина–женщина, субъективное –объективное, внутрь–наружу, вверх–вниз, движение–покой, да–нет... – словно под гипнозом без выражения процитировала Татьяна.

– Это?.. Знакомое что-то... – занервничал редактор.

– Да, американский философ, – кивнула Татьяна. – А это, – поведала она вокруг себя рукой, – игры для мальчиков... но только тогда, когда негде взять девочек. Не понимать этого... Кстати, тоже почти цитата. Герой Киано Ривза – «Мой личный штат Айдахо». Посмотрите, совету.

Тогда Татьяне было и скучно, и стыдно, и чего-то жаль в себе, в *них*.

«Но вообще-то, плохо ли одной? – думала она теперь. – Конечно, славно было бы, если бы кто-то оставался дома, пока я тусуюсь с журналистской братией, а когда я приезжаю под утро, то этот

кто-то не зудел бы пленённой мухой, не пытал шершавой ревностью, а смеялся над новыми сплетнями. Хорошо, если бы этот кто-то умел чинить кран, ставить горчичники, заменять полетевшие пробки и защищать меня от недругов. Неплохо, если бы он любил кино, и книги, и меня, смирившись с моей бес-по-лез-но-стью. А, ерунда. Я уже притерпелась и по-другому не смогу».

Татьяна снова зевнула, тут же позабыв о присвоенных чужих мечтаниях. «Сегодня додолблю Альмодовара, – поднялась она, – пересмотрю «Всё о моей матери». Но реветь больше не надо в конце. Тот ещё фильмец!»

Она сварила крепкий кофе, забралась с ногами в любимое кресло, щёлкнула пультом, настроившись на вечерние новости.

Бестрепетные сюжеты сменяли друг друга, слетая с экрана отжившими листьями прошедших событий. Татьяна начала уже было думать о чём-то своём, как вдруг женский крик, горький, требовательный, ворвался в комнату, заметался по стенам, взволновал шторы, ударился в Татьянино ещё не до конца проснувшееся сердце.

«Я ждала «скорую», её не было пять часов! И всё это время мой сын умирал! Я всю ночь бегала то на улицу, то к сыну, я думала, что вот сейчас приедут, вот сейчас приедут. Господи, если бы... я бы сама его в больницу, на себе. Но они говорили: ждите, праздники, много вызовов. Он умер! Ему восемнадцать было! Восемнадцать!»

Это бился крик матери, только-только потерявшей дитя. Она ещё не знала вязкой тоски, полынных ночей, всех тех воспоминаний, от которых на куски разрывается сердце, когда боль и через много лет – будто нож воткнули. Это бился крик надежды, веры, что всё ещё можно изменить, что он, сыночек, встанет, он встанет. Это бился крик материнской любви, не желающей принимать смерть ребёнка.

И бездетная Татьяна всем нутром своим вобрала эту боль и, не замечая, как льётся кофе на светлую обивку кресла, зашептала медленно, вспоминая давно читанное:

*Со того горя великого
Выну я с своей с тёплой пазушки,
Возьму во несчастные рученьки
Кудри жёлтые сыпучие
Со твоей со буйной головы,
Приложу я к ретиву сердцу победному,
Будто на тебя нагляжуся, рожденье сердечное,
Будто с тобой наговорюся-набаюся.*

Беззвучно открывала рот дикторша, туманились перед глазами теленовости, покорные причитания шелестели миллионами материнских губ. Этот плач-стон искал и не находил выхода из квартиры привыкшей к одиночеству женщины.

«Быстро в погреб! – громыкнуло в общем коридоре. – Задницы от стула не оторвут! Мать сказала – всё! Бегом за картошкой!»

– Олег, – выключив телевизор, поднялась Татьяна, – вот и ладушки...

**Олег
КОРНИЕНКО**

ВЗЛЁТНАЯ ПОЛОСА

УЧЕБНАЯ ТРЕВОГА

Мы ждали вылета. Курили.
В планшетах карты. Бой так бой.
Но вдруг обрадованы были
Ракетой красною. Отбой!

Мы возвратились на рассвете
В дома, окутанные сном.
И город даже не заметил,
Что мы отсутствовали в нём.

В ТИРЕ

Вдали шеренгой замерли мишени.
И перекур недолог у двери.
Сегодня стрельбы: лёгкое волнение,
Когда привычна тяжесть кобуры.

-
- Олег Иванович Корниенко родился в 1954 году в Киеве. Окончил 1-е Харьковское военное авиационно-техническое Краснознамённое училище и Курганское высшее военно-политическое авиационное училище (с золотой медалью). Более 27 лет отдал Сызранскому ВВАУЛ. Воевал в Республике Афганистан. Награждён восьмью медалями, в т. ч. «За боевые заслуги». Печатался в центральных изданиях и коллективных сборниках: «Аврора», «Детская «Роман-газета», «Истоки», «Наш современник», «Московский вестник», «Советский воин», «Смена», «Витрыла» (Украина), «Простор» (Казахстан), «Русское эхо» (Самара), «Сура» (Пенза), «Новый Енисейский литератор» (Красноярск) и многих других. Лауреат литературных премий «Город» (1999) и «Признание» (2006). Дипломант 4-го Международного конкурса детских и юношеских произведений им. А. Н. Толстого (2012) и 6-го Всероссийского конкурса «Твои, Россия, сыновья!» (2012). Автор книг для детей «Шаги за дверью» (Самара), «Воздушный почтальон», «Декоративный Зяка» (Москва). Член Союза писателей России. Председатель Сызранской городской организации «Содружество детских писателей». Живёт в г. Сызрани Самарской области.

Прицелюсь быстро, точно, как обычно.
Рука не дрогнет, лягут пули в цель.
– Десятка, девять, девять.
– Есть «отлично»!
Почувствую улыбку на лице.

И долго звон в ушах не затихает,
С небесным спорит пистолетный гром.
И кажется, жестящик жёсть ровняет,
Стуча неравномерно молотком.

***

Ждём взлёта. Дождь стучится в блистер.
Стекают капли влаги на капот.
Хлопок ракеты – еле слышен выстрел.
Сейчас у нас прибавится хлопот.

Ещё мгновение – загудят турбины
И повторит команду шлемофон.
Нас понесёт стремительно машина
Туда, где притаился полигон.

ПЕРВАЯ МЕДАЛЬ

Я в детстве думал: на войне
За каждый бой дают медали.
Не раз мерещились во сне
Мне всплески взрывов,
Скрежет стали.

И, что естественно вполне,
Мне снились подвиги и слава...
Но вот на днях вручили мне
Кружок сверкающего сплава.

Я ликовал в душе,
рукой
Медаль к мундиру прижимая.
Не мог понять во мне другой:
За что же почесть мне такая?

Друзья смеялись: «Что с тобой?»
Ты вспомни ад в кабине летом
И наш упорный с небом бой,
Когда взлетали мы с рассветом!

Такой медали каждый рад:
В сверкании её горящем
Нам виден отблеск всех наград,
Добытых в битвах настоящих».

ВЗЛЁТ

Здесь ветра шквал
И свист, и грохот.
Трава седеет на глазах.
И отражением эпохи
Играет солнце на винтах.

А ветер бьёт в лицо, толкает.
От гари морщусь – не озон.
И за спиною оживает,
Как парус, мой комбинезон.

Я наблюдал за вертолётom,
Пока не стих буран в траве.
Блеснувши зеркалом капота,
Он растворился в синеве.

И я за ним душою рвался,
Но техник – это не пилот.
Чтоб он как лётчик состоялся,
Готовлю я его в полёт.

НЕЛЁТНАЯ ПОГОДА

Инженер вошёл и хлопнул дверью,
Снег обив, промолвил:
– Всё! Туман.
Я – к окну с надеждой: не поверил.
Города не видно. Не обман.

И затихла жизнь аэродрома,
Взлётная погасла полоса.
Чей-то голос: «Что там делать дома?
Полетать ещё бы с полчаса».

*Поздравляем замечательного
детского писателя, поэта и прозаика
Олега Ивановича Корниенко с юбилеем!*

**Владимир
АВИЛОВ**

НА ВОЙНЕ ВОЗМОЖНО ВСЁ!

ФРОНТОВЫЕ БЫЛИ

Давно уже, давно, лет поболее тридцати, зародилась у меня мысль: а всё ли известно нам о Великой Отечественной? И чем становился старше, тем чётче вырисовывалось: а о жизни? Разве можно всё знать о ней? А война? Это тоже, к сожалению, жизнь, только лишь самая болевая, кровавая её часть...

Я принадлежу к поколению «детей войны», самой, правда, её младшей ветви, ровесник её (родился лишь на 44-й её день), поколению, которое выросло не только на огромной литературе о войне, но и на рассказах непосредственных её участников, ряды которых так поредели: самым молодым сегодня уже далеко за восемьдесят...

И тем труднее касаться такой деликатной темы: меня, не воевавшего, могут понять ох как неправильно! Но, думается, что всё-таки настоящий фронтовик поймёт, должен понять, ибо всё, о чём хочу рассказать здесь, – из рассказов таких же фронтовиков, на плечах своих вынесших всю тяжесть тех трагических лет. Здесь и солдат-понтонёр со «Звездой Героя» на груди, но не считающий себя героем, и молоденький (тогда) смешливый лейтенант – миномётный наводчик, как бы шутя расправившийся с танкистами отборной дивизии СС; даже простая крестьянская коняга, по-человечески ответившая за добро добром; и бравый (тоже тогда) капитан разведки, его слёзы...

Ну что ж, к делу.

Владимир Авилов

-
- Владимир Георгиевич Авилов родился в 1941 году в станице Каменской (ныне г. Каменск) Ростовской области. Живёт в Саратове. Публиковался в журналах «Новая Волга», «Саратов литературный», «Волга–XXI век», «Новая Польша» (Варшава). Автор 12 книг прозы и двух книг стихотворений. Лауреат Всероссийской литературной премии «Мастер» (2010 год). Финалист и дипломант II Международного творческого конкурса «Вечная память» (2010 год). В 2013 году вошёл в лонг-лист IV Славянского литературного форума «Золотой витязь», а также в лонг-лист Бунинской премии (2011, 2013 годы).

I

ПОНТОНЁР И НАВОДЧИК

История о понтонёре проста, как и её герой, с которым нас свёл случай. Была середина 70-х, канун 30-летия Победы. Меня, вроде как хорошего спортсмена, мотогогонщика, пригласили в одну из саратовских школ – выступить перед школьниками. Конечно, это был явный идеологический «пересол»: я, не воевавший, – и Победа! Ну, да речь не об этом.

Но, конечно, был приглашён и ветеран, Герой Советского Союза, старенький совсем, тогда, казалось, лет семидесяти человек, худоватый, небольшого росточка, в костюмчике не очень-то «победительском», но живой, разговорчивый. И не забыть, как изумили присутствующих его первые слова: «Ну какой я герой, просто так получилось...» И он стал рассказывать:

– Плотник я по специальности и столяр. И по возрасту тогда всех почти солдатиков превосходил... – здесь он как бы полуулыбнулся. – Вот потому меня, наверное, и запихнули в строители. А строить-то приходилось много – и КП для военных начальников-командиров, блиндажи, да много всякого...

Так, с отступлениями, с небольшими историйками – как и в госпитале пришлось полежать: «Бревном меня ошарашило...» – добрался ветеран наш и до основного, чего все: и учителя, и школьники, из района и прочие приглашённые – ждали:

– А Героем-то я стал, когда через Днепр переправлялись. Сталинский тогда получили приказ: кто первым форсирует Днепр, то есть на ту сторону переправится, того и представлять к награде, да не просто – а сразу к «Звезде».

А самолёты, бомбы... мины воют, снаряды всё в клочья рвут – вода прямо кипит... А мы – стал я уже понтонёром – понтоны наводили. Один-два пролёта наведём – бац! – или бомба, или мина, или снаряд – всё вдребезги! И спрятаться негде. В укрытие? Так на берегу оно, добежать ещё надо... Да и какое там укрытие: утром яму вырыли да брёвнами-досками забросали. А приказ-то наистрожайший: понтоны наводить! А? А-а-а...

Уж и не знаю, что со мной было бы, убило, наверное, только вроде как повезло... Слышу вдруг такой вой раздирающий, прямо жуткий. Упал я на доски, и такой тут взрыв – всё в щепки! Меня, оглушённого, подбросило и тоже, как щепку, – в воду... Очнулся – тону. Хорошо, быстро очнулся, а то уж и ко дну шёл. Что ж, в сапогах, одежде... Недолго бы я и пробарахтался так, да ещё оглушённый, чумной, если б тут доска не попалась – хорошая доска! Я и ухватился за неё...

И что вы думаете? Течение сильное, одной рукой за доску держусь, другой подгребаю, ногами сучу... Так вот и прибило меня, да к тому берегу Днепра! Так потом и стал я Героем, по приказу. А какой я герой?! Ни винтовки, ничего... Это уж потом, когда к гор-

стке наших приполз, автоматом разжился. А вот те-то – действительно Герои. Настоящие!

Бесхитростный рассказ этот поразил и меня, и ребяташек, думаю, и устроителей встречи. Только мне показалось, что вряд ли будут когда-нибудь ещё приглашать на подобные встречи с молодым поколением этого очень уж простого человека. Сухонький, маленький, он и сейчас перед моими глазами...

Ну, а с Иваном Григорьевичем Ефремовым, закончившим войну капитаном, мы дружили. Сдружила нас работа, и ни он, ни я не ощущали разницы в возрасте: мне тогда было под тридцать, ему – под пятьдесят. Так и продружили более 30 лет. Вот только умер он несколько лет назад, восемьдесят когда стукнуло. Но, уверяю: даже под самый его «занавес» не ощущали мы эту пресловутую возрастную разницу! Дружили, уважали друг друга. Ну, да что об этом говорить...

Иван Григорьевич был компанейским, общительным человеком, любил посмеяться хорошей шутке или розыгрышу, смеялся заразительно и от души. Но, естественно, как и большинство фронтовиков, не любил рассказывать о войне. Приходилось хитрить, «заводить» его, подначивать...

– И что ж, Иван Григорьевич, наград у тебя вон сколько, а всего лишь капитаном войну закончил?

Он отвечал просто:

– А не убивало у нас никого. Мы же миномётчики, позиция у нас всегда «сзади». Да и везло, конечно...

Я был просто в шоке: «На войне и не убивало?» «Не убивало, вот и всё», – отвечал Иван Григорьевич.

Награды свои Иван Григорьевич надевал два раза в год – на 7 ноября и на День Победы. Это была картина! Две «Красные Звезды», да два – «Красного Знамени», три – самые красивые – «Отечественной войны», а медалей – ряда четыре!

Праздники мы, как правило, отмечали в тесном кругу после официальных торжеств. И вот... Наш праздничный обед был в той стадии, когда почти все тосты были произнесены, но компания ещё не разбилась на шастающих курильщиков и не потеряла связующего её центра. И вот тогда-то я понял, что пришёл момент «поддеть» фронтовика и «выдавить» из него «историю».

– Иван Григорьевич, – говорю, – ну, война, ясно... А вот ты ответь... – я артистически выдерживаю паузу. – Как ты заработал вот этот орден? – И – пальцем в «Отечественную войну» – один из трёх, первый, красной эмали.

– Как? – Иван Григорьевич хитро посмотрел на меня, улыбнулся чему-то своему, но стал рассказывать: – А случилось это, ребята, в затишье. Такое на фронте иногда бывает. И часто это затишье – перед бурей. Окопались мы, хорошо окопались: землянки, ходы сообщения – всё как положено. Затишье, но были начеку. Немцы напротив, в леске, до них – рукой подать. Как и им до нас, – смеётся Иван Григорьевич, – и пристреляно у нас, друг у дружки, всё до миллиметра. Но не стреляем, не пуляемся минами – не для этого мы поставлены... И вот однажды привозит наш старшина продукты и водки,

ну эти самые «боевые сто грамм». Чего у него, как получилось, не ведаем, только что-то много привёз – или старшина надул, или на продпункте обсчитались. Ну, мы-то – бочком-бочком – и к канистре. Не каждый раз котам масленица... Короче, дюзнули неплохо. Только мне тормозиться пришлось, обидно, конечно, но наводчик я, в десять ноль-ноль заступать...

Иван Григорьевич рассказывает и подробности. Дерево у них росло там высоченное, с него и «наводил» он. Как? Привязывался верёвкой, наблюдал в бинокль и, если появлялась цель, давал батарее команду: по живой силе – одни мины, по технике – другие. И – всей ли батарее открывать огонь или одному какому какому миномёту – также команды подавал верёвкой, код такой, значит.

– И вот, – рассказывает дальше Иван Григорьевич, – час сижу, два на дереве этом нашем – никого и ничего. Ну, думаю, перестраховалась. Хотя весь вечер и ночь у фрицев: ур-р, ур-р... Сижу, руки-ноги затекают, а сам думаю: эх, ребята-то мои при канистре...

Только я так подумал и – ай-яй, фрицы идут! Да строим! Все в какой-то чёрной форме и с котелками – обедать, значит. А у них там недалеко, в лесочке, строение такое вроде столовой. Никогда не ходили строим – всё ведь пристреляно! – а у этих, чёрных, промашка вышла: новенькие они, и не предупредили их. «Ну, новенькие, сейчас будете старенькими!» Верёвкой – команду: «Всей батарее: противопехотными – залп!»

Ка-ак да-али! Только один или двое в лес с котелками убежали. А ведь с роту их было...

– А я, – Иван Григорьевич смеётся, – разошёлся вовсю, команду: давай, давай! Командир мне снизу: «Ефремов, слезай быстро, сейчас они нам дадут!» А я ни в какую, всё команду... Тут уж, конечно, и по нам начали жახать. Меня – за верёвку, я – кубарем с дерева... «Катапультировали» меня... Молодой был, что ж, ободрался только.

– Ну а потом-то, потом что, Иван Григорьевич?

– Потом?.. А часа два они нас обрабатывали, всё перепахали – вовремя меня с дерева сдёрнули... Ну, а где-то часам к трём – затишье уже наступило, смотрим: «эмка» за бугром остановилась, двое из неё вышли – и к нам. Лампасы у одного – генерал! Командующий армией! Он, оказывается, на КП рядом был – и всё видел! Мы по команде построились. Ждём. Подходят. Генерал с ходу комбату: «Кто у вас здесь отличился, накрыл эсэсовцев?» Комбат – на меня: «Ефремов, наводчик наш!»

Манит меня пальцем командующий, я – два шага из строя. Стою ни жив ни мёртв, боюсь как бы перегар не учуял. Тот – так же манит пальцем адъютанта своего. Ну а тот мешочек достаёт, с коробочками. С орденами. Генерал: «Выбирай, герой, какой выберешь – твой».

– А я, – Иван Григорьевич улыбается, – тычу в один, другой: «Этот у меня есть, этот есть, а вот этого нет». – Иван Григорьевич показывает на груди «Отечественную войну». – И выбрал я его, уж больно красивый!

...Вот так и получил молоденький лейтенант-миномётчик орден Отечественной войны.

За дело?

Да!

Потому что огнём его батареи были уничтожены не просто сто с лишним эсэсовцев. Были уничтожены танкисты отборной танковой дивизии СС. Значит, как минимум полностью была выведена из строя подошедшая скрытно той ночью танковая дивизия! И было фактически сорвано немецкое наступление на этом участке фронта!

Потому что война – это до предела сжатая опасностью жизнь во всех её проявлениях.

И на войне, как и в жизни, возможно всё.

II

ЛОШАДЬ

Картину, на которой изображена эта лошадь, я увидел у хорошего художника – саратовца, создателя полотен, которые, естественно, запоздало, но помогли ему получить звание заслуженного художника.

Несмотря на великолепнейшие пейзажные работы, «коронкой» его всё-таки были цветы – и скромные наши полевые, и садовые, поражающие глубиной и красотой оттенков. Я достаточно часто бывал в его мастерской, стены которой – ну прямо-таки ковёр из чудеснейших цветов, в каждой работе – их неувядающая прелесть. Разумеется, их перемежали и пейзажные работы, в большинстве которых, конечно, красавица наша – Волга. Пусть и сердитая она в его осенних пейзажах (хмурится волнами-бровями), но – красавица...

И всё-таки «при каждый раз смотринах» я чувствовал какой-то диссонанс: цветы, пейзажи и среди них эта работа, которую про себя я, невольно принижая, называл этюдом. Лошадь. Буланая, то ли жеребец, то ли кобыла, но какая-то особенная, ничего не скажешь. Да ещё эдакая прямо сказочная лужайка с леском вдалеке, да денёк – солнечно-воздушный какой-то – ну, вкусный! – и буланая эта лошадка, щиплющая нефритовую траву. Сказка!

Сказка-то сказка, но всё-таки диссонанс! Где-то бы отдельно висеть этой работе, почему здесь, среди цветного волшебства этого?

И как-то, когда мы сидели в несколько расслабленном состоянии у него в мастерской, я всё-таки спросил, рукой обводя стену:

– Пётр Алексеевич, а почему же – лошадь?

Он понял, о чём я: другое место надо бы лошадке-то – с людьми или другими животными, а не среди ковра этого красочного, цветами озаряющего... Всё он понял, Пётр Алексеевич. Понял – и усмехнулся:

– Эх, Володя-Володя, да я эту лошадку как только написал, не мог с ней расстаться. Уходить из мастерской – заворачиваю её в слоя три, под мышку – и домой. Там разверну, вешаю на стеночке возле кровати моей, тогда холостяцкой, – и смотрю, смотрю на неё вылупившись... – Пётр Алексеевич хоть и засмеялся, но как-то... скомканно. – А утром опять с ней в мастерскую... А здесь почему? – Показывает на «ковёр» свой. – Да взгляд мой на неё чаще падает... Ладно, расскажу...

Вроде бы как мне Пётр Алексеевич сказал, но и не мне. Где-то далеко он сразу стал, задумчив...

– Это что ж, Володя, война... Я после училища – лейтенант-химик – на фронт! Ну, всего же ждали, и газов в том числе, да, слава Богу, не случилось... И потихоньку-потихоньку я со взводом – и связисты мы, а я-то ещё и «по особым поручениям»... Хотя и берегли «химию», да куда же денешься? Прижмёт с людьми и – ур-ра! Вперёд! А бывало, и сам комполка с нами... Да ладно, а то отвлекусь... Так вот... Однажды вызывает меня этот самый наш комполка: «Гришин! Нужно срочно доставить это донесение в штаб дивизии! Свезти!» Думаю: «Свезти... а на ком-чём? Неужто комполка прознал?!» И с невинным видом эдак говорю:

– А на чём, товарищ комполка? – придуриваюсь.

А тот улыбается:

– А ты что думаешь, не знаем мы про твоего конягу? Так что – вперёд!

– Да, появилась у меня лошадь. Только как она мне досталась, а? А-а-а...

Весной случилось, в затишке небольшом от боёв. Со взводом моим в лесочке маленьком мы притулились. И вот однажды откуда ни возьмись – лошадь, точнее, жеребец. Отощальный, одр настоящий, смотрит своими – ну человеческими! – глазами и будто говорит: «Возьмите! Я с вами! Я всё для вас сделаю!» А куда «возьмите?» Не положено...

Но что-то будто хрустнуло во мне: не положено, а возьму! И взял. И всем взводом холили и припрятавали от глаз всяких недобрых. А даже на войне, Володя, есть недобрые глаза. Ну да ладно... И прижился у нас коняга, справным стал, от меня прямо ни на шаг. Как и я от него...

Да от комполка, да нашего, да битого, разве утаишься? Вот и приказ:

– Гришин! Хватай пакет – и мчись! На лошадке, жеребце своём потаённом! – И улыбается.

Э-э-э, таких, как комполка, поискать!..

Я – ходу... На радостях, что Чалый мой узаконен, да «Срочно...» И помчались мы с ним. – Пётр Алексеевич на секунду приостановился. – А сказать тебе надо, Володя, что местность была здесь неказистая, болото на болоте, а я – глупый ведь ещё, мальчишка, за двадцать всего-ничего – ссамовольничал: срочно значит быстро! И напрямки решил... Только и километра не промчался, как в болото попал. На вид, вроде, и не болото: воды никакой нигде не видно. Но вот коняга мой сразу почувствовал – и заупрямился. А я в запарке – надо же, молокосос! – и ударил его, коня... Как Казбич... У Лермонтова, помнишь: «Впервые оскорбил его ударом плети...» И бросился вперёд мой конь! Но буквально через пару метров летел я с него вперёд головой: передними ногами «Карагёз» мой ушёл в трясины.

Вот тебе и картина, Володя: конь бешено работает ногами, я совсем рядом, и оба медленно погружаемся в трясины. И – никого. Никого, Володя. И нас потихоньку засасывает топь эта... – Пётр Алексеевич примолкает.

Можно представить, что с ним. Но справляется. Говорит тише, размереннее, как, вроде, немного успокоился:

– Уж и не знаю, как получилось, только, наверное, задние ноги коня нашли какую-то опору. Он весь подался назад, да так, что ноги его – чудо – с таким всхлипом вырвались из трясины, что чуть не оглушили. А я? А меня засасывает и засасывает эта гнилушная трясины... И вот здесь – ты не поверишь – «Карагёз» мой поворачивается! Сам еле стоит на бугорке крошечном, а – поворачивается! И я понимаю, зачем. И свободной ещё рукой хватаюсь за его хвост. И что же он делает дальше, мой спаситель? Это же человек, это же боец! А он не рвёт резко, а – тянет... Понимаешь, не рвёт, а тянет! Ну явно же знает: рванёт – и всё, не удержусь я одной рукой! Фантастика!

Но это ещё не всё, Володя... Только-только вытащил он меня, я уже отцепляюсь, как вдруг передние ноги моего коня проваливаются, и он – в трясины. Только с той уже стороны... Соображаешь? Он меня вытащил, а сам? Ужас! Только ужас ещё и в том, что я должен доставить пакет. А конь? И я принимаю решение. Я побежал (откуда силы?). Но прибавилось их вдесятеро: а ОН, что сейчас у него в душе? «Эх, ты... Я спас тебя, а ты?» Вдесятеро стало сил, Володя! И я добежал, быстро добежал до взвода своего... И – счастье – Ахмед тут как тут. А Ахмед, Володя, настоящий лошадиный, лучший мой помощник. Мигом он всё организовал – и топоры, и верёвки, а главное – доски. Ох, как они нам там помогли! Володя, повезло страшно: бежим мы, а навстречу нам – «полуторка» со знакомым лейтенантом-сопровожденцем. Момент – и все в кузове, весь взвод почти... – Пётр Алексеевич хорошо улыбается:

– Ну чего ещё рассказывать? Всё, всё, Володя, получилось – и спасателя моего спасли, и пакет вовремя доставил. Вот он теперь и навсегда со мной, – Пётр Алексеевич кивает в сторону «ковра», и мягкая-мягкая улыбка у него на лице, – навсегда...

...Я смотрю на этот небольшой этюдик, и мне ясно видится и знается: это не этюдик – это картина.

III

ЧЕКОЛАТУ!

Была самая что ни на есть середина 60-х годов. Мы с женой – тогда ещё совсем молодые люди, обоим лет по 25 – довольно близко сошлись с одной семейной парой, Петром Михайловичем и Любовью Александровной Миниными, очень милыми людьми, жившими на одной из окраин Саратова в скромном коттеджике (хоть и от завода-то авиационного, но была прямо-таки небольшая деревенька из этих уютных коттеджиков).

Странно, на первый взгляд, сошлись. Я только родился в 41-м, а Пётр Михайлович, хозяин дома, в тот же год ушёл воевать. Разница в возрасте – на целое поколение! Однако сошлись и встречались довольно часто.

Наши небольшие застолья, как правило, разделяла ещё одна пара: ровесники хозяев, очень симпатичная, молодо выглядывшая Клавдия

(если остальных мы называли по имени-отчеству, то её – по имени) и Владислав Николаевич, тоже фронтовик, как и Пётр Михайлович, спокойный немногословный человек.

Надо сказать, что в застольях 60-х не пили так, как зачастую сейчас, поэтому застолья были длинными, разговорными. И первую скрипку в них играла, конечно, хозяйка, Любовь Александровна, очень остроумная, я бы сказал – природно-остроумная, она весело «вела стол», но, будучи достаточно деликатной, когда все заметно расслаблялись, всегда передавала свою дирижёрскую палочку Владиславу Николаевичу. Как я уже говорил, это был спокойный, немногословный человек, и я был почти потрясён, когда выяснилось, что он был разведчиком на войне, то ли дивизионной, то ли даже армейской, а то и фронтовой (вот память!) разведки. В моём книжном понимании тогда, разведчик – это отчаянный сорви-голова, рубаха-парень, этакий Василий Тёркин разведки. Трудно укладывалось в моей начитанной голове: спокойствие, даже некоторая медлительность – и разведка?

Однако...

Всё почти забылось, что рассказывал Владислав Николаевич, в памяти более-менее цельным остался лишь рассказ про подписание акта о капитуляции Германии, да и то только потому, что этот факт имел в полном смысле историческое значение, чему подтверждением явилось и прочитанное мною в воспоминаниях одного видного военачальника. Но только недавно до меня дошло, что я – живьём! – коснулся истории. И в рассказе кого? Да никому не известного капитана разведки Григорьева!

Вкратце – я уже сетовал на свою память – хочу пересказать эту имеющую отношение к ИСТОРИИ историю. Конечно, так, как я её помню.

Историю о простом железнодорожном вагончике.

Но предупреждаю, что история эта – лишь присказка, а сказка, то есть то, ради чего, собственно, я и затеял этот сыр-бор, этот рассказ – впереди... Поэтому пока – о вагончике...

Война закончилась, лето уже, но разведчиков почему-то не демобилизовывали. Держали за чем-то. И вот однажды совершенно неожиданно приказ: готовиться к поездке в Париж. Зачем?

А дело в том, что, когда Германия потерпела поражение в Первой мировой войне в 1918 году, как бы сейчас сказали, от стран альянса, союзники вынесли решение подписать акт о капитуляции Германии в Париже, и почему-то не в Версале или у Триумфальной арки, а в простом железнодорожном вагончике. И подписали.

Но когда Гитлер уже в 40-м году оккупировал Францию, то приказал найти тот самый вагончик, в котором и был подписан акт о капитуляции, но уже Франции. И вот уж когда через несколько лет сам потерпел поражение, потерпела поражение фашистская Германия, то мстительно-логичные французы нашли-таки этот вагончик-«футбол» и настояли на том, чтобы акт о капитуляции был подписан именно в этом вагончике. (Забылось, но, думается, что, скорее всего, это был какой-то двусторонний акт, поскольку акт о безоговорочной

капитуляции был подписан представителями Германии и всех стран антигитлеровской коалиции ранее.)

Вот в этой исторической «разборке» и принял участие капитан разведки Владислав Николаевич Григорьев. Разумеется, не в качестве основного участника, а, так сказать, группы сопровождения, некоего почётного караула.

Рассказывал он и о деталях. Как им пошили новую, с иголки, офицерскую форму, как они надели её, родную, покрасовались в ней и как их погрузили в товарные вагоны, да из-под угля, и какими «красавцами» – можно представить – они прибыли в Париж. Много чего ещё рассказывал и про Париж Владислав Николаевич. Но... я забыл. Память не та.

...Но всё это, как и говорилось мною, присказка. Просто одно из того яркого, что запомнилось. А вот сказка... (Да нет – была! Грустная, даже какая-то болезненно-печальная...) Вот она!

...В тот день, день Победы, 9 мая, было по-настоящему, почти по-летнему жарко. К обеду чуть ли не марило, как в июле. Поэтому застолье и перенесли из мининского коттеджика в их крошечный, но уютный и тенистый садик. Действующие лица – те же: мы, Минины, Григорьевы.

Было безумно весело, стол ломился от яств. Выпили шампанского, кое-чего ещё и, может быть, в силу редко встречающейся приподнятости, слегка перебрали. Я это к тому, что Владислав Николаевич, из которого обычно приходилось вытягивать истории словно кузнечными щипцами, разговорился. Но как-то не в тон, что ли, нашей всеобщей приподнятости и оживлённости. Заговорил он, как всегда, тихо, иногда с чересчур большими паузами. Но шумок за столом сразу прекратился, все уловили какую-то странную напряжённость в тоне рассказчика. Стали слушать.

...И сейчас, через сорок с лишним лет, звучит во мне его тихий, медлительный голос. И так потрясший нас рассказ.

– Демобилизовали нас чудно, – начал Владислав Николаевич, – нас, разведчиков. Пришёл приказ – мы на седьмом небе: домой! Когда? Да завтра! Вот это радость так радость! Но тут, – Владислав Николаевич хитроватенько улыбается, – до нас, до разведчиков, слух дошёл: при посадке – шмонают. Отбирают всё трофейное, вплоть, как они считают (он нажимает на «они»), до жратвы лишней. Паёк – и всё, ну мелочь, может, какая, банка-другая тушёнки, что ещё... И смотрят досконально, чтобы не дай бог оружия, спиртного... Чей такой дурацкий приказ – неведомо. Какой-нибудь тыловой крысы... Что мы – генералы? Трофейные машины или вагон везём всякого? Всего-то у нас чемоданишко да мешок вещей. Правда, – Владислав Николаевич опять хитроватенько улыбается, – мы же всё-таки разведчики... Ещё раньше надыбали один склад секретный – шнапсу-спирту море, шоколада, тушёнки... Генерал наш «добро» дал, но, говорит, не афишировать. А как же ему не дать «добро»? Мы же чуть не первые в Берлин ворвались, ребят сколько полегло, да и склад этот был, как выяснилось, гестаповский. Ну, был гестаповский, а стал наш, разведчицкий...

– Ну, а как же вывезти, если шмонают? Хотя б ещё по чемоданчику, по мешочку заплечному? Ведь домой едем, гостинчика хоть то-сё...

Но – всё ж разведчики – узнали мы, притом точно, где у этого состава следующая остановка, загрузили «Виллис» под завязку этим трофейным складским добром и – аля-улю – туда его, на остановку, где уж не шмонают... Ребят борзых послали: если б даже поезд не остановился на ТОЙ остановке – мало ли, – так нашли бы, чем тормознуть... Разведчик – он всегда разведчик. – Владислав Николаевич улыбается. – И вышло всё по нашему сценарию. На ТОЙ станции перегрузили всё из «Виллиса» в наш «телятник», канистры со спиртом, мешки... Едем... – Владислав Николаевич сделал паузу, что-то в лице его резко переменилось, словно морщин добавилось. – Едем, значит... А и что с нас взять? Живы, молоды, пацанва ведь практически ещё. Орденов-медалей полна грудь. У каждого – «За отвагу», по «Славе», а то и по две-три, про другие награды уж не говорю. Едем, спирт попиваем, поём для души... А по пути – десятки маленьких городишек, хоть и не останавливаемся на их станциях, но состав всё-таки притормаживает, едем потише. А тут – дети... – Владислав Николаевич на минуту замолкает, подозрительное что-то у него с дыханием, аж закашлялся. – Немецкие дети... Бегут вдоль состава, машут руками и кричат уж почти по-русски, так научились за эти месяцы: «Чоколату! Чоколату, дяди!..» А у нас что – шоколада нет? Есть шоколад! Мы по мешкам, чемоданам – ловите гостинцы, детишки! Вы-то при чём? И кидаем его, шоколад, кидаем. И банки кидаем – жалко детишек... А когда поддатые – ещё жальчее...

Владислав Николаевич сделал ещё паузу. Взгляд его затуманился, он как-то неловко задвигался, потёр лоб, глаза...

– А дети, чистенькие такие, в костюмчиках, ботиночках: «Дядя, чоколату!» Ну как не дать? Некоторые плачут от жалости и кидают, кидают.

– И вот тут-то – амба, граница. Расплата!

(Что такое? У Владислава Николаевича – слёзы? Да.)

– Переезжаем её, границу... Радости – не передать! Россия! Родина! Пьём за неё, за родную, сколько лет по ней скучали. И вот – живые! Дома! Приехали! Но тут... – Владислав Николаевич почти задохнулся, но пересиливает себя. – Тут подарочек нам... Век не забуду! А бегут на-аши дети – русские, белорусские, ещё какие... Худющие! Оборванные, босые, кто в чём, а кто и ни в чём, голышом... Бегут на-аши дети, бегут и кричат:

– Хлеба! Хлеба! Дяденьки!

– А мы? – Владислав Николаевич уже не стесняясь плачет. – А мы? А у нас уже ничего и нету... Всё раздали... Там, в Германии...

...Плачет, не сдерживаясь, моя жена, плачут Клавдия, Любовь Александровна, залиты глаза и у Петра Михайловича, да и у меня всё в тумане.

В тумане у меня и сейчас...

Эх, русские мы, русские – простота!

Ну, такие уж мы есть... русскими и умрём.

**Сергей
СИНЬКОВ**

ВЕЧЕРНИЙ СВЕТ СТРУИТСЯ С ВЫСОТЫ

***

Время рыщет, как по лесу леший,
Завлекая в свой гибельный круг.
С каждым годом всё меньше и меньше
Лиц знакомых и дружеских рук.

Отражаясь от прошлого эхом,
Вздых ушедших доносит упрёк:
«Позабыл... не помог... не приехал...» —
И себе ли солгу, что не смог?

И хоть был за меня не в ответе,
Но, в саду отыскав уголок,
Плакал тонко и жалобно ветер,
Словно мать потерявший щенок.

***

Вечер сыростью близких озёр
Оседает на стёклах оконных.
Тихой грустью поманит во двор
Лунный свет, задремавший на клёнах.

Скрипнув дверью, вспугну тишину,
Мягкой лапой накрывшую дачу,
И, присев возле будки, уткнусь
В удивлённую морду собачью.

-
- Сергей Александрович Синьков родился в посёлке Хандыга (Якутия) в семье шкипера. Окончил физический факультет СГУ им. Н.Г. Чернышевского. Работал преподавателем, строителем, дворником. Публиковался в журнале «Литературная учёба», в центральной прессе.

***

Склонилась с улыбкою кроткой
Луна за вечерним шитьём.
И лис осторожной походкой
За сусликом крался в жнивье.

Бежала к реке с косогора
Упавшая с облака тень.
Меня созвездий узоры,
Мерцали огни деревень.

Шагая заросшей протокой
С беспечностью лет молодых,
Порезался ветер осокой
И тихо стонал у воды.

***

Стекая наземь с плеч востока,
Дробился сумрак и редел.
И чей-то голос одинокий
Земной оплакивал удел.

Вдова ли, мать ли, причитая,
На горе жалилась судьбе?
Иль просто ветер, завывая,
Метался в брошенной избе?

И в сонный вздох волны вплетаясь,
Печаль струилась по реке.
И, как надежда, тихо таял
Туман, увязнувший в песке.

***

Река и берег шиты тьмою,
Лишь отражение звезды,
Качнувшись в сторону с волною,
Шепнёт о близости воды.

От сонных трав покой струится,
Сосну баюкает родник.
Сижу, боясь пошевелиться
И упустить тот дивный миг,

Когда движеньем неприметным
Души касается легко
Не нежно-робкий вздох рассвета,
А лишь предчувствие его.

***

Поднимаясь из-за луга
На озябшие холмы,
Месяц с неба, словно плугом,
Срезал пласт засохшей тьмы.

Озарился светом тополь,
Залезавший в чей-то двор,
Сонный ветер снегом штопал
Прохудившийся забор,

Да тянулась струйка дыма
Над притихшею избой.
Так и мы за счастьем мнимым
Всё тянулись в край чужой.

Печи гасли, избы стыли,
Оставаясь не у дел.
И потерянно бродили
Звёзды в лунной борозде.

***

Я простился с весной, с летом связи разрушил.
Через осень бреду, поседев головой.
Глухо стонут ветра, как заблудшие души,
Не нашедшие путь из юдоли земной.

В небе вспыхнет звезда над темнеющей далью
И, качнувшись, скользнёт на безмолвье полей.
И повиснет зима серебристою шалью
На щемящей тоске обнажённых ветвей.

Будет рыскать метель возле дома пустого,
Словно пёс, потерявший хозяина след.
И, как память, сгниёт над дверями подкова,
Что на счастье прибил в доме живший поэт.

***

Поверь, мой друг, что всё не так уж плохо,
Коль не иссякли веры родники.
С улыбкою внимая тайным вздохам
Закатом очарованной реки,

Любовью кроткой отгоняя лихо,
На души, на деревья, на кусты
Вечерний свет, таинственный и тихий,
Даря покой, струится с высоты.

**Валерий
ШАМРАТОВ***

РАССКАЗЫ ЗА ОДЕССУ

КАК ДВА САРАТОВЦА В ОДЕССЕ В РЕСТОРАН ХОДИЛИ

Было дело. Мы с Васькой тогда совсем молодыми были – только что из армии, обоим по двадцать лет... Работали мы с ним в научно-исследовательском институте геологии при Саратовском государственном университете. Работа нравилась, потому что мы с Васькой круглый год, кроме зимы, по всей стране катались – и степь видели, и тайгу, и пустыню, и города всякие. Интересно же, сами понимаете. Везде бываешь, всё видишь, и при этом совершенно даром, на халяву. Да, ещё ведь за это и зарплату платили! И кормили бесплатно! Нормально, да?

Кем мы работали? А разве ещё я не сказал? Ну извините, забыл. Водителями мы с Васькой были, вдвоём на одном «уазике», директора НИИ возили. Почему нас двое было – тоже понятно. В дороге-то сутками порой приходилось бывать, без сменщика не обойтись. Особенно когда в поле выезжали. «Полям» у геологов называют всё что угодно, кроме города: и лес, и горы, и степи, и болота непроходимые... Нет, сама экспедиция со всеми своими приборами, конечно, поездом добиралась, а тяжёлая техника – товарняком, на платформах... Но директор ни поездов, ни самолётов не любил и предпочитал «уазик». Если, конечно, пункт назначения был от Саратова не очень далеко.

В тот раз командировка предстояла в Одесскую область. Одесса, по раскладу директора НИИ, находилась «не слишком далеко от Саратова», и директор, отправив экспедицию и груз поездом, сам поехал на «уазике». Работа предстояла несложная: найти воду и пробурить несколько артезианских скважин в сельской местности. Ну, чтобы вода у людей была, чего ж тут непонятного.

---

* По желанию автора биографическая справка отсутствует.

Короче, приехали мы в Одессу. Поселились в гостинице: мы с Васькой в одном номере, директор – в другом. И тут у директора какие-то дела в Одессе наклюнулись. А может, город ему понравился и он просто решил задержаться – не знаю, мы его не спрашивали, сами понимаете. Но только на второй день вызвал он нас к себе.

– Ну как, орлы, «уазик» на ходу?

– Так точно, – отвечаем.

– Смотрите, не подведите. В поле автомастерских нет.

– Да не волнуйтесь, не подведём.

– Тогда так. Я в Одессе ещё на пару деньков задержусь. А вы весь день завтра свободны. Отдыхайте, гуляйте, делайте что хотите. Но чтобы послезавтра машина была на ходу и вы были трезвыми. Гарантируете?

– Конечно, – отвечаем. – Вы же не первый день нас знаете.

И пошли мы с Васькой по Одессе гулять.

Первым делом, конечно, решили прогуляться по знаменитой Дерибасовской улице. От гостиницы она оказалась совсем недалеко. Улица как улица. Красивая, ничего не скажешь. Правда, саратовский пешеходный проспект Кирова получше будет. Но всё же Дерибасовская – это Дерибасовская, потому что Одесса – это Одесса... На этой улице нам всё понравилось.

И тут нам захотелось пива. Мы вдруг вспомнили старую дворовую песню, которую знали пацаны всей страны от Владивостока до Калининграда, и, не стовариваясь, вполголоса запели: *«На Дерибасовской открылася пивная...»*

А я ещё вспомнил, что у писателя Куприна ещё до революции был напечатан рассказ про знаменитую одесскую пивную «Гамбринус».

И нам очень захотелось в «Гамбринус».

Но первый же одессит, которого мы попросили рассказать, как найти «Гамбринус», скептически оглядел нас с ног до головы и сказал:

– Вы хотите пива? В Одессе его есть. Но только никогда не называйте больше «Гамбринус» пивной – могут побить. «Гамбринус» – это очень серьёзное заведение для очень серьёзных людей. Это во-первых. И кого попало туда могут и не пустить – это во-вторых. Да и в очереди можете очень долго простоять. А в-третьих, хлопцы, «Гамбринус» – это очень дорого. У вас может и не хватить...

И дал нам дружеский совет поискать пивную в другом месте, тем более что этих «других мест» в Одессе много, долго ходить не придётся.

И пошли мы с Васькой искать пивную в другом месте.

И нашли.

В каком-то замызганном переулке, в каком-то замызганном ларьке пиво продавали. Такой же замызганной выглядела небольшая очередь человек в десять, из чего мы сделали вывод, что пива в Одессе и впрямь очень много, иначе очередь была бы человек в сто, как в Саратове. На фоне этих замызганных мужичков в очереди мы с Васькой выглядели прямо-таки как столичные штучки.

А тут ещё трое подошли, одетые вполне нормально, молодые, примерно нашего возраста. У одного из них гитара была на широком ремне. И лица у них были нормальные, не пьяные.

Тот, который был с гитарой, снял её, внимательно осмотрел – и вдруг изо всех сил ударил ею Ваську по голове. Аж струны зазвенели. Нет, мы не испугались, мы только очень сильно удивились. А Васька так удивился, что закричал:

– Да мы ж саратовские!

И тут эти три одессита изменились прямо на глазах. На их лицах появилась растерянность.

– Из Саратова? А не врешь?

– Вот те крест!

– А какая речка мимо вас протекает?

– Да ты что, с дуба рухнул? «Речка»... Эта «речка» три «кэмэ» в ширину будет. Волга называется.

– Блин, и правда саратовские...

Эти три одессита на полном серьёзе вдруг начали извиняться. Мы даже сначала не поняли, за что. Как будто в Саратове нельзя по башке гитарой получить. Ну обознались, бывает. Так ведь извинились! Но эти трое что-то уж очень долго стали извиняться. Потом спросили, что мы делаем в Одессе. Мы рассказали. И тогда один из них сказал:

– Не, пацаны, мы вас так не отпустим. Мы должны сводить вас в хороший кабак типа ресторан. Мировое соглашение требуется отметить.

Мы с Васькой для виду немного посопротивлялись – и пошли. Интересно же.

А эти три одессита и впрямь привели нас в ресторан! Да хороший ресторан! И заказ сделали – ну, в чистом виде банкет! И когда мы все уже были в хорошем подпитии, Васька спросил напрямую:

– Мужики! Вот скажите честно, в чём всё-таки дело? Ну ударили по башке, ошиблись. Бывает. Так ведь извинились! Но так круто нас после этого угощать... Ей-богу, я что-то не догоняю.

– Понимаешь, кореш, – сказал гитарист, – Одессу-маму вообще-то удивить очень трудно. А у тебя это получилось. Причём удивил ты нас прямо по-одесски, как не у всякого одессита и получится.

– Да чем же таким я тебя удивил?

– Видишь ли, братан. Любой лох, ушибленный гитарой, начинает возмущаться, звать на помощь милицию, общественность, мамочку. Или лезет в драку и получает добавку. А ты не возмутился – ты удивился. И ответил чисто по-одесски. У нас же сразу мозги включились: «Одесса-мама, Ростов-папа...»

– «...А Саратов их сынок», – с улыбкой завершил фразу Васька. – Знаем мы такую присказку.

– Во-во. И мы знаем. А на маму обижаться нельзя. Но, с другой стороны, хорошая мама тоже не обидит сына...

...До поздней ночи гудели мы в ресторане с одесситами. Пили за Одессу и за Саратов. Пили за Волгу и за Чёрное море. Пили за русский балет и за советских космонавтов. Пили за мир между

народами. Пили за всеобщее и полное разоружение. Пили за моряков и за геологов. Пили за Северный флот, который, как в песне поётся, «не подведёт» (один из одесситов оказался бывшим матросом-подводником, отслужившим три года на Северном флоте, он записал для нас на салфетке текст песни про Северный флот, и мы её дружно спели, за что получили аплодисменты всего ресторана). Пили за графа де Рибаса (вот почему, оказывается, улица называлась Дерибасовской!). Пили за графа Ришелье (это не тот Ришелье, про которого мы сначала подумали, это другой, и совсем не кардинал). Мы клятвенно пообещали одесситам, что в Саратове их ни одна собака не тронет, потому что НИИ геологии совсем рядом с вокзалом находится и в случае чего нас с Васькой легко будет найти и на помощь позвать, – и одесситы вообще растрогались, обниматься полезли..

Утром мы с Васькой приняли холодный душ, выпили по тройному кофе и были как огурчики. И директор НИИ ничего не заметил.

СЛУЧАЙ В ОДЕССЕ

(Литературный пересказ русского народного анекдота)

Жил в Нечернозёмном захолустном городке один человек. Нет, он, конечно, не один в этом городке жил, но такая мечта была только у него одного.

Он мечтал хотя бы один месяц пожить в Одессе.

Но не просто «пожить», а с размахом. Чтобы отказа ни в чём не было.

И решил для этого заработать один миллион рублей. В те поры один миллион рублей был очень даже неплохими деньгами: билет на поездку в трамвае, например, стоил всего три копейки, буханка белого хлеба – шестнадцать копеек, пачка самых дорогих сигарет с фильтром – тридцать копеек, а за две копейки можно было полдня разговаривать по телефону-автомату. «Волга» – машина, конечно, а не река – стоила десять тысяч рублей, а «Запорожец» ушастый – так и вовсе три тысячи.

Вот и считайте, что такое миллион рублей в те годы.

И ведь заработал он этот миллион!

Двадцать лет отработал он на Крайнем Севере на буровых установках – сначала простым рабочим, потом и до помбура вырос, хотя для этого специальное образование требовалось, но ведь это же Север, там не на бумаги и дипломы смотрят, а на твою голову и твои руки – главное, чтобы работать умел... За все двадцать лет спирта ни капли в рот не брал – деньги копил. И насмешки терпел, и по морде получал, и сам научился по морде давать – но не пил.

И приехал-таки он в город Одессу.

Но в одесские гостиницы ни за какие деньги вселиться оказалось невозможно.

И пошёл мужик в частном секторе искать жильё, но так, чтобы поближе к центру.

И нашёл.

Одессит по имени Фима оказался мужиком хорошим и понятливым. Мечту одобрил, цену за проживание запросил небольшую. Привёл во двор, повёл на второй этаж, показал комнату – уютную, с мебелью. Пожал наш герой Фиме его честную руку, поблагодарил – и побежал море смотреть, а заодно и погулять как следует, исполнение мечты отметить. Моря-то он вообще никогда не видел, а море Лаптевых не считается.

Денег с собой взял немного, всего сто рублей, но даже сто рублей прогулять за полдня оказалось не под силу. И поэтому все оставшиеся от сотни деньги он в конце концов отдал официанту «на чай»...

И вернулся в знакомый двор.

Постучал в Фимину квартиру.

Но Фима его не узнал! Фима, оказавшийся неожиданно очень сильным, схватил мужика за шиворот и выволок его во двор. «Мужик, – сказал Фима, – я вообще тебя первый раз вижу! И никакого такого чемодана ты у меня не оставлял!» «Да как же так! – заорал наш герой. – Да твои соседи видели, как ты меня сам сюда привёл!» «А-а-а, – ещё громче заорал Фима, – соседей вспомнил? А вот щас мы соседей и спросим!»

Тут Фима повернулся к окнам двухэтажного дома, со всех сторон опоясывавшего двор, и заорал: «Эй, соседи!» В ту же секунду на обоих этажах раскрылись все окна, и в каждом из окон возникла физиономия.

«Соседи! – продолжил Фима. – Этот хмырь говорит, шо я у его чемодан взял и шо он у меня тут уже поселился! И шо вы его тут уже видели!»

«Шо? Да мы первый раз его видим!»

«Врёт он всё, Фима!»

«Гони его, Фима, жулика этого!»

«Фима, если надо, мы тебе поможем! Эй, мужик, вали отсюда, пока цел!»

Ну и так далее, в том же духе.

Фима с торжествующей улыбкой повернулся к нашему герою: «Слышал, шо соседи сказали? Так что вали отсюда. Если через десять минут не уйдёшь – хана тебе, мужик будет, понял? Всем двором по морде настучим!»

И Фима ушёл.

Сел мужик на лавку около грибка с песочницей. Сил не было даже на то, чтобы расстроиться. А тут ещё окно на первом этаже открылось, и какая-то женщина крикнула: «Эй, мужик! Тебе ж десять минут дали, чтобы убраться, так ты уже восемь минут отсидел!»

И тогда наш герой принял решение. Он подошёл к грибку в песочнице. Снял брючный ремень. Один конец закрепил на перекладине под грибком, из другого сделал петлю. Просунул голову.

И вздрогнул, неожиданно почувствовав на своём плече чью-то руку. Обернулся.

Это был Фима.

Мужик вынул голову из петли, сел на бортик. Фима сел рядом.

«Послушай, мужик, – сказал тихим голосом Фима, – ты на меня не сердись. Ты шо, подумал, шо Фиме нужен твой чемодан? Да Фиме твой чемодан сто лет не нужен! У Фимы своих чемоданов девать некуда! Или, может, ты подумал, шо Фиме нужны твои три французских костюма и двое запасных трусов? Ошибаешься. Фима никогда в чужих трусах не ходил и ходить не будет. Или ты уже решил, шо Фиме очень нужен твой почти один миллион рублей, рассованный по карманам всех трёх твоих французских костюмов? Нет, Фиме не нужны твои деньги, даже если они такие большие. Фима – честный человек, помни это. Так шо пойдём, твоя комната тебя ждёт».

Наш герой уже не знал, чему верить. «Зачем же тогда ты весь этот спектакль устроил?» – спросил он.

«Видишь ли, – Фима наклонился к его уху и шёпотом произнёс, – мне нужно было показать тебе, какие же всё-таки сволочи мои соседи!»

Вот и всё.

А дальше всё хорошо было.

ГОНЕЦ

ЧУВСТВО ПРАВДЫ И СПРАВЕДЛИВОСТИ В СТИХОТВОРЕНИЯХ НИКОЛАЯ БЕСЕДИНА

*Я пойду за порог в звездонад
И увижу, как выплечет небо
На дождями омытый закат
Сладкий запах крестьянского хлеба.*

*Как на реках и в росной траве
Отразится живыми огнями
То, что мы, сознавая вполне,
Разрушаем своими руками.*

Николай Беседин

*Над нами – сумрак неминуемый
Иль ясность Божьего Лица.*

Александр Блок

Сегодняшний день предъявляет поэзии требования, от которых вчера и помыслить было невозможно. Новые заботы с неизбежностью пронизывают ткань стиха – пусть это будет поэт зрелый или молодой, наследующий творческие достижения советской эпохи или обращающий взгляд

-
- Вячеслав Дмитриевич Лютый родился в 1954 году в г. Легеница (Польша). Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. В настоящее время – ответственный секретарь и заведующий отделом поэзии в журнале «Подъём». Публиковался в журналах «Подъём», «Сура», «Дон», «Донской временник», «Русское эхо», «Коростель», «Наш современник», «Москва», «Ковчег», «Гостиный двор», «Аргамак», «Приокские зори», «Простор», «Великоросс», «Странник», «Волга–XXI век». Автор двух книг статей о современной литературе: «Русский песнопевец», «Терпенье земли и воды». Лауреат премии журнала «Подъём» («Русская речь», 2004), премии Общественной палаты Воронежской области («Живые сокровища славянской культуры», 2004), премий журналов «Ковчег» (2008), «Русское эхо» (2009). Член Союза писателей России. Живёт в Воронеже.

в модернистское начало XX века. Власть и народ, нравственный закон и вседозволенность, равнодушие к прошлому и тлетворное настоящее, природа, сотворённая Богом, и цивилизация, выкованная человеческими руками, – и ещё множество уточнений, которые упомянутые противостояния переводят в режим почти кровавой борьбы. Только кровь эта не льётся наглядно, но постепенно исчезает из жил русского человека, унося с собой жажду жизни и продолжения рода своего.

На фоне разных поколений, вошедших в литературный процесс в последние десятилетия, стоит обратить взгляд на феномен, которому нет аналога в отечественной поэзии. Кумиры «серебряного века», оказавшись в стане советской словесности, с годами, за редким исключением, наглядно утрачивали как прежние формальные и интонационные наработки, так и способность к художественному прозрению. Напротив, на рубеже XX–XXI столетий поэты минувшей социалистической эпохи удивительным образом смогли преобразовать классическую прозрачность строк, столь поощрявшуюся критикой и цензурой в годы их молодости, – в ясный философско-лирический слог, отчётливо отражающий и уродливую реальность, и страдания русской души. Теряющая свою опору как в природе, так и в житейском укладе, из которого насильственно «вынута» категория справедливости, эта душа сегодня находится в духовных сумерках. Из них есть только два выхода: во тьму, накрывшую западный мир, или в светлый окоём, до времени свёрнутый, будто в кокон, в понятие «Святая Русь».

Изображая действительность, до предела искажённую отсутствием повседневной нравственности и духовного закона, эти поэты, наследники советской литературы, с поразительной ясностью сводят в одном лирическом высказывании прежнее и нынешнее, должное и неподобающее, красоту, ещё не ушедшую из нашей жизни окончательно, – с «мусорным ветром» современной цивилизации.

В этом контексте поэзия Николая Беседина отличается замечательной искренностью и представляет собой русский голос, сохранённый в стеснённом состоянии в советские годы и свободно льющийся в наше время, уже почти лишённое идеалов, однако не способное заглушить ни благородную ярость сердца, ни память о Большой эпохе.

У Беседина есть одна поразительная по точности строка, определяющая, кажется, едва ли не всякий шаг России на её историческом пути. Беспредельный порыв и житейская разбросанность, сокровенный источник высоты и тяжкая доля страдальцы – эти приметы сконцентрированы в «крестьянском облике» родной земли и сжаты до словесной формулы: «Столько не сжала, сколько посеяла...»

Внимательный глаз и традиция русской пейзажной лирики, когда движения и предметы отчётливо видны, а сам автор незримо присутствует в картине, – одно из важнейших свойств поэтики Беседина. Берущее начало в давних акмеистических установках такое творческое правило – разумеется, в самом общем виде – было чрезвычайно распространённым в советской литературе. Конечно, каждый автор претворял подобные качества стиха в узнаваемые читателем образы по-своему, однако именно эта художественная тенденция позволяет

определить *поэзию советских лет* как прямую наследницу «золотого века» *русской поэзии*. Одним из первых об этом упомянул Борис Сиротин, говоря о творчестве Ярослава Смелякова.

Предметность слога не позволяет современным стихам окончательно провалиться в модернистские схемы, где за словами не угадываются ни вещь, ни глубокое переживание, а есть лишь отпечаток авторского «Я» – примечательный знак эгалитарного общества.

У Беседина природа очеловечена, олицетворена, и в том – его внутреннее желание чувствовать себя в единстве с отчей землёй, родным краем. В свою очередь живой окружающий мир, наполненный щебетом птиц и шумом листьев, вечерней зарёй и волнами колышущихся колосьев, способен поведать о человеке многое. Ещё и потому он так дорог открытому сердцу лирика-песнопевца.

*А что же за нами?
А кто же за нами
Затеplit поля и цветы?
Какую любовь осенит небесами
Во имя земной красоты?
Железная поступь компьютерных буден
Пройдёт, как Батыева рать.
И некому будет, и некому будет
Правду о нас рассказать.*

Человек без Бога в душе – это также и человек вне природы, удалённый за её пределы и воспринимающий свой природный дом лишь как объект приложения собственных рациональных усилий. Примечательно, что такие координаты существования почти однозначно предполагают катастрофическую потерю жизненного смысла, в особенности – для русского самосознания. И тогда бедняк становится разбойником, богач превращается в средоточие животного начала, гедонистического и смертельного – как в духовном отношении, так и в биологическом.

Надлом современной эпохи сказывается почти во всех стихах Николая Беседина. Свидетель великих событий, в современности он чувствует себя лишней фигурой, попавшей во времена мелкие и бесплодные: «*Мои старомодные вещи / Полны молчаливой гордыни...*»

Живущий

*<...> на обломках идей,
На развалинах Божьего храма,
В государстве усталых людей,
Посреди многоликого срама <...>,*

он всей кожей воспринимает самоубийственное движение России по навязанной ей исторической траектории: «*...Мне на память приходят киты, / Что выбрасываются на берег*».

Даже в картине поздней осени у поэта очевидны черты сегодняшнего дня: «*На теплохладные поля / Снега ложились по-хозяйски*».

Земля не вспомнила весенние *«заветы»*, *«не растопила, не сожгла опустошительную силу»*, но лишь убрала в белый саван *«свою могилу»*. Здесь ключевые (выделенные) слова филигранно определяют два противоположных действующих лица: бесцеремонный и беспощадный пришелец и равнодушный хозяин, забывший свой род и покорно принимающий собственную бесславную кончину. Таков образ современной России, приходящий на ум в горькую минуту почти каждому, кто любит свою родину. И ему соответствуют отчётливые приметы «теплохладного» современника:

*То ли паперть, а то ли перфон.
Молчаливо народ суетится,
То ли свой ожидая вагон,
То ли батюшку ждёт помолиться.
В каждом слепленном наспех лице
Было что-то тупое, покорное.
Пьяный мальчик рыдал об отце,
И шептал кто-то Слово Нагорное.
<...>*

*Не жалея минувших потерь,
Каждый в счастье грядущее верил.
И открылась за папертью дверь.
И никто не вошёл в эти двери.*

Говоря о текущем дне, Николай Беседин касается темы памяти. Во многом именно она определяет его отношение и к настоящему, и к будущему. Советский период истории теперь оболган, мифологизирован и предан анафеме. Несмотря на дежурные слова власти о позитиве тех лет, отряды олигархического агитпропа изо дня в день марают грязью достижения наших дедов и отцов, говоря, что тогда не было «высот» — одни только «провалы». Действительно, советское время крайне противоречиво, в нём есть чёрные пятна и светлые страницы, однако не гигиене вести речь о биографии льва. И если ты чувствуешь Россию своей родной страной, а не местом временного пребывания, то принимаешь и горечь её поражений, и славу её побед. А уж как уместить всё это в одном сознании, в одном сердце... В том-то и состоит достоинство или скверна нашего нынешнего русского современника.

*Что случилось с тобой, моя Родина?
Зашаманили душу твою,
Обольстила змея-подколотина,
Обещавшая жизнь как в раю.
Мне ответили сытые граждане,
Свысока озирая народ:
— Мы возмездья давно уже жаждали
За поганый семнадцатый год.
И сказали довольные граждане:
— Нам хватает достатка вполне,*

*Мы теперь никому не обязаны –
Ни отцам, ни великой стране.
...Мне ответили нищие граждане:
– Лишь бы не было только войны.
Да, мы голь, но не суки продажные,
Нет пред Родиной нашей вины.
И пошёл я один косогорами,
По путям, где ни зги не видать,
По лесам да равнинам, с которыми
Так легко обо всём забывать.*

Решённый в сказовом стиле, сюжет совершенно чужд публицистике с её ораторскими интонациями, но замечательно точен в портретном отношении, когда художником схвачен сам тип человека, о котором идёт речь. Кроме того, alter ego автора поставлено перед необходимостью не только ответить на вопросы о прошлом, но и определить духовно своих нынешних собеседников.

Говоря о «великой и грешной», ушедшей в вечность стране, поэт не делит её народ по формальному признаку на православных праведников и всех остальных – грешников разного разряда. Военский подвиг, трудовой, материнский – таких вершин человеческого духа было много в то время, они хорошо вписываются в определение «практический христианин». В подобном смысле Зоя Космодемьянская и Александр Матросов кажутся святыми мучениками. «Вера сумасшедшая» и «праведная вина» тех грозных лет у Беседина обозначены образно, однако интуитивно он нашёл единственные слова, которые применимы к эпохе и её людям – потому что сказаны они с любовью и уважением, с чувством принадлежности к русскому роду: «И прости её, Боже, что каялась / Не у тех, к сожаленью, икон»; «Но над всеми смертями и бедами / Было что-то, что небу сродни».

*И когда-нибудь праздные гости
Спросят новых вселенских святых:
– Что за звёзды горят на погосте?
И услышат:
– Молитесь о них.*

Заметим: не «новоначальные» скажут финальные слова стихотворения. Истинно святые, в числе которых и православные новомученики советских лет, произнесут: «Молитесь о лежащих под обелисками».

Тогда как вдохнувшие ветры «оттепели» всё-то будут показывать миру язвы «великой той державы».

*Мы думали, что мы молились
И за живых, и за распятых,
А мы смертельно простудились
На сквозняках шестидесятых.
И мир запомнил не победы –*

*Оставим в стороне лукавство, —
А наши жалобы и беды
В том неподвластном злату царстве.*

Исключительно важная характеристика Советского Союза: «неподвластное злату царство». Пожалуй, на сегодня в этом словесном абрисе сосредоточено наибольшее «портретное» сходство наших представлений о стране и времени, в которых жили отцы и деды, — с реальностью, что ушла под воды истории более двух десятилетий тому назад.

Но что же связывало воедино тех людей, которые все вместе составляли великое государство, идеи которого теперь, в капиталистической России, куда живет, чем на закате СССР? Стремление к правде и справедливости в настоящем и способность к жертве во имя будущего. В те годы образ завтрашнего дня во многом был окрашен в почти религиозные тона, хотя собственно религия была изгнана идеологией из повседневности. Сейчас сокровенный русский человек не мыслит жизни своих потомков без православной веры, и все идеалы минувшего обретают уже небесный отсвет.

Способность к жертве и таким образом утверждение личности героя — отчётливая черта поэзии Николая Беседина. Проявляясь то мимолётно, то развёрнуто, она являет собой, по существу, максимум: таким должен быть мужчина на Руси — воин ли, крестьянин, мыслитель...

*Не в смерти Истина.
Но не распявший плоть
На крестной дыбе самоотреченья
Не прикоснётся к имени — Господь.
Земного царства мимолётный гость,
Он не постигнет Истины значенья.*

Поэт, соединяющий слова в строки и скрепляющий их таинственным чувством, что берёт начало то ли в его сердце, то ли в мистических небесах, в обыденном распорядке, — колеблющийся человек. Он сетует, что устал от потерь, безропотно отдав «любовь свою, заветные могилы, / Свой край родимый, горестный и милый, / И дух побед, что дед мне завещал»... За дверью — смерть, пришедшая за ночной птицей, олицетворяющей душу певца, его вдохновенный дар.

*— Не открывай ей дверь!
Я знаю, ты не сможешь одолеть,
Ты не спасёшь и сам себя погубишь.
Ты ни во что не веришь и не любишь.
Ты не способен жертвенно сгореть.
Смерть только кровью можно превозмочь,
Чтоб новый день в огне зарю родился.
Но ты не воин.*

В сегодняшнем обществе эти доводы куда как убедительны, их транслирует ТВ, они пронизывают страницы либеральной литературы, напитывают, словно ядовитые соки, интернет. Однако способность к самопожертвованию не покинула душу нашего современника, она дремлет и ждёт чистого и властного веления совести, которая, как известно, есть эхо Гласа Божьего.

*Но ты не воин.
Я перекрестился
И дверь открыл.
И расступилась ночь.*

Таков странный нищий, одетый в камуфляж, со словами военного приказа на ремне и надписью на картонке: «Подайте на патроны!» А также тени советских солдат, лежащих в братских могилах по всей Европе. Погибший на Шпрее комвзвода поднимается из земли и обходит высотку, где «русские парни лежат», и снова зовёт их в бой за поруганную Родину. Безногий солдат, «беззлобно ругаясь, спросил», зачем он тревожит их прах, какая вина корёжит его пробитое сердце...

*И тихо комвзвода ответил,
Сдержав то ли боль, то ли злость:
– Мы, вроде, с тобой не в ответе
За то, что с Россией стряслось.
И жизнь не была нам дороже
Отчизны. На том и сошлись.
Чиста наша совесть.
И всё же
С тобой мы в ответе за жизнь.*

И поднялись павшие, и зашагали «незримые миру» войска:

*Десантники шли и пехота,
Штрафных батальонов ряды,
И чёрные дьяволы флота,
Поднявшись из тёмной воды.
Бросая свои пьедесталы,
И пушки, и танки ползли,
Все те, кто в войне той кровавой
От гибели спас полземли.
Безногий солдат неумело
Всё полз на культянках впотьмах,
И знамя Победы горело
В его беспощадных руках.*

Перед нами второе возвращение солдат домой: в 1945-м, на родину-победительницу – с радостью; теперь, на родину, втопанную в грязь, – со стальной решимостью. В этом «Марше павших» потря-

сают последовательное включение в поход всё новых и новых солдат и оружия и эпитет в самой последней строке стихотворения: «в **беспощадных** руках». Непреклонность суда мёртвых героев не кажется эмоцией экзальтированного современника-патриота: это святое право подкреплено жертвенным подвигом русского солдата («*Жизнь не была нам дороже Отчизны*»). Здесь присутствует та «ярость благородная», которой насыщена песня «Священная война».

У Беседина не один сюжет решён в жанре поэтического размышления, который был чрезвычайно развит в советской литературе. Интонационно автор выступал от лица своих современников, хотя словесно это нигде не оговаривалось. Само рассуждение предполагало, что его итог становится общим достижением поэта и его читателя, стихи неявно «дарились» всем, кого волновали вопросы, звучащие в душе певца, ставшего на короткий срок философом. В сравнении с поэзией текущего дня контраст разительный: огромное множество лирических опусов повествует только о коллизиях в сознании эгоистичного сочинителя и совершенно не становится актом взаимопознания поэта, читателя и общества.

В одном из упомянутых стихотворений Николая Беседина есть очень важная мысль о бытийном союзе веры и рода, что так важно для русского человека сегодня:

*Кто чужд истокам, чужд и небесам.
Проклявший семя будет проклят сам.
Возмездие судьбы неотвратимо
Над тем, кто делит то, что неделимо.
Кто чужд истокам, чужд и небесам.*

И автор обращается к древней русской истории, сказовым сюжетам, видениям, соединяющим современность с Русью.

В «Стоянии на Угре», полном предчувствий и воспоминаний, «*вызревает печаль над лугами в туманах. / И рождаются тени на том берегу, / В малахаях, со стрелами в жёлтых колчанах*».

*Прозвучал колокольный призыв вдалеке
И умолк.
Русь как в сон погружается в небыль.
Никого. Только мальчик стоит на песке
Возле самой воды, отражающей небо.*

Тут и надежда на новое поколение, и на очищение («*возле самой воды*»), и на небесную силу – всё те же упования исподволь характеризуют и наше время.

В «Братине» изображена картина житейского и духовного разорения родной земли. Мать попросила утолить жажду «влагой зоревой», но не стала пить «росы луговые» ни из серебряного ковшика, ни из туюска берёзового, а подала сыну братину:

*Людам отнеси.
Что нальют, насыплют ли –
Всё приму я, грешница.
Мало ли наварено яства на Руси?*

Здесь слышатся ритмические и образные отголоски великой некра-совской поэмы, однако сюжет баллады сжат символическим отображением реальности и решён в духовном ключе. Собрал сын в братину *«горе горькое», «слёзы да пожараща с кровью пополам», «голод и позор»,* вкупе с усталыми надеждами и тёмным похмельем *«злобу и раздор», «горсть золота: – Подавись ты, мать!»* Всё матушка *«выпила, не охнула»* и потом *«родимая, как травинка сохнула. / И стояла братина около икон».*

Заметим, что мать назвала себя грешницей и приняла все людские беды и зло как свои. Перед нами ещё один пример жертвенного пути грешного человека. Только жертва и молитва спасительны для Руси – как много веков тому назад, так и сейчас.

В «Братине» показано русское «лихо» (причём только в какой-то степени предметно, в основном – через житейские явления, но очень узнаваемо). А благо – или то, что русскому человеку стоит беречь в окружающем мире и в себе самом – представлено на редкость ассоциативно и выглядит скорее правилом либо наставлением в стихотворении о страннике (*«Шёл по свету странничек...»*). Его удивительный *«посох тоненький, крепости невиданной»* был сотворён не из *«дуба крепкого»* или *«камня лепого»,* а из *«рокота речек», «лесного шороха», «травы печалицы», «ржаного зёрнышка», «весёлой радуги в росах подорожника», «кровинки отчей»...*

Деревянный или каменный посох, скорее, свойствен западной мифологии и умонастроению – в таком походном атрибуте есть нечто инструментальное с набором функций.

Тогда как перед нами – опора, соединившая в себе звуки и картины, чувства и приметы, а также творящую руку – с землёй-кормилицей. Для рационального ума тут присутствуют неуловимые для практического применения атрибуты мира и жизни, за которые и сегодня порицают «неправильного русского человека». А ведь с таким посохом странник легко преодолевал горе и беду, перед ним склонилась *«вся земля широкая от горы до колоса», «поклонилось звёздами небо предрассветное»* – потому что он дарил им мистически необъятную *«надежду вечную в доброе и светлое».*

Вспомним упования человечества на Россию. Они звучат достаточно отчётливо в этом поэтическом мифе Николая Беседина.

Баллада-видение о княжеском гонце, заночевавшем на берегу реки Оскол, пронизана тревогой. Ещё звенит ночная тишина, пламя костра спокойно, а *«медлительная Русь спит в теремах и огнищах былинных».* Только *«мать склонилась над уснувшим сыном, / Предчувствуя всем сердцем смертный груз»,* и старый воин, *«в забытии тревожном, / Культяпой кистью проводя по ножнам, / Всё смотрит неотрывно на восток».* Но вот костёр догорел, и *«горизонт взметнулся от пожара».* Гонца сгребает тлеющие угли, *«идёт к лодье и достает*

багор»: оттолкнувшись от берега, по течению реки он «*далее понесёт беду*»...

А ведь в самом начале стихотворения автор, видя отблеск у речной воды, задаётся вопросом: «*Кто у костра? Турист ли отдыхает, / Или уставший княжеский гонец?*» И стягивает времена, тем самым напитывает древними приметамы настоящий день. Мастерски прописывая детали, будто живописец, погружённый в историю, он создаёт перед глазами читателя картину былого нашествия и словно говорит: общая на всех беда может быть преодолена лишь совместными усилиями.

В лирике Николая Беседина словарь, обнимающий собой традиционную предметность мира – семейную, крестьянскую, природную, воинскую, – составляет фундамент его стихотворной речи. Соединяясь с душевными коллизиями автора и публицистикой, этот словарь, будто якорь, удерживает поэта в пространстве важнейших традиционных понятий, которыми поверяются новые реалии.

В поэтической интонации Беседина есть ноты стиснутого волей страдания – угадываются и безмерная печаль, и внутренние душевные скрепы, что всё ещё держат её на полувздохе рыдания. Для русского жития это узнаваемое состояние. В нём затаённо присутствует вера в то, что сегодня всё не кончается. А также сосредоточена сердечная надежда на Промысел и на милосердие Божие к мужественному, смиренному и терпеливому человеку.

*И очнутся поля от сиротства,
Безверья и горя,
И о верности отчей земле
Возгласят небеса.*

**Галина
РОГОЖИНА**

ЗЕЛЁНАЯ ЛИРА ВИКТОРА ПОЛИТОВА

*Кому в наш век поэзия нужна?
Наш век жесток –
поэзия нежна.
Кому нужна поэзия?
Скажи!
Самообману иль красивой лжи?
Зачем она в жестокий этот век?
Чтоб был бессмертным
Смертный человек.*

«Жизнь поэта – это только первая часть его биографии, другую и более важную часть составляет посмертная история его поэзии», – так писал в статье о Пушкине Василий Осипович Ключевский, и это можно сказать о любом из поэтов.

*Усмешка судьбы – и на белый свет –
Не по собственной воле –
Один незадачливый русский поэт
Явиться изволил.
Он рос как дичок,
Был немножечко хил
И почему-то застенчив.
Он никогда б не писал стихи
И не касался женщин.
Но были разливы большими тогда,
Вода заливала у дома порожки...
Вы же знаете, что такое вода
И над водой с тополей серёжки?
И лодка у самых перил крыльца,
Тоскующая о вёслах.
Он думал, что нет у разливов конца
И что повторяются вёсны...*

-
- Галина Сергеевна Рогожина (Политова) родилась в 1936 году в Астрахани. Живёт в Саратове. Окончила экономический факультет Саратовского сельскохозяйственного института. Работала экономистом, учителем химии и биологии, журналистом. Автор статей о писателе Викторе Политове, опубликованных в журналах «Отчий край», «Подъём», «Волга–XXI век». Постоянный автор журнала «Волга–XXI век».

*И были таинственные острова,
И тёмно-зелёные гроты,
И облака, и вода, и трава –
И всё – его, не кого-то.
Наверно, почувствовал он тогда
Себя хозяином мира.
И где-то с ветки сорвал без труда
Свою зелёную лиру.*

Да, лира Политова была действительно «зелёной», и храмом его была природа.

*Хохочут совы там и жалуются волки
На волчье безнадёжное житьё,
Там неба синего холодное литвё,
Отлитое в озёрные осколки.
Чрезмерность солнца там,
И леса безмятежность,
И тишина невысказанных дум,
Там мудро отдыхает ясный ум
И душу снова наполняет свежесть.
Бегу туда...
Один средь редких птиц
И осторожно падающих листьев.
Бегу, язычник, идолам молиться
И падаю пред ними в травы ниц.
Мой храм просторен, боги величавы.
И слышат обнажённые слова
Осенняя пожухлая трава
И Мать-Земля – судьбы моей начало...*

Родился Виктор Политов 21 апреля 1935 года в станице Хрустальной в Донбассе, куда родители его бежали с Дона от раскулачивания. А записали, что родился в Камышине 22 апреля, и это Виктора всегда расстраивало. И не в том ложь, что родили в Камышине, а в том, что родили не на Дону, где жили все его предки. И место это он считал своей единственной родиной.

Стихи Виктор начал писать с детства. Первые увидел напечатанными в районной газете, ещё учась в школе. Имея способности и к математике, и к гуманитарным наукам, при уникальной памяти, полученной в наследство от отца, он учился безалаберно «между колов и пятёрков», получив в итоге аттестат троечника. Пропадая в лесу или на Дону, не делал домашних заданий, да и на уроке сидел, поглядывая в окно, на Дон. Получал «кол», а потом доказывал заданную теорему по-своему, едва успев её прочитать только перед вызовом к доске, и получал «пятёрку». Он доставлял много хлопот учителям. Зачитавшись на уроке чем-то увлекательным, мог расхохотаться громко, забыв, где он.

Поступая в Ленинградский педагогический институт имени Герцена, сдал всё на «отлично» и прошёл при конкурсе 8 человек на место.

Правда, через два года он расстался с этим престижным институтом. Незадолго до того староста группы отнёс тетрадь с его стихами в деканат, и Политова «разбирали» за «есенинщину». Однокурсники предлагали «складчину», но он не принял помощи, забрал документы, порвал их на глазах чиновников и бросил в урну. Уехал на Дон и стал рыбаком-профессионалом, как его дед по отцу, благо страсть эта тлела в нём с детства.

В стихотворении «Заповеди» он писал:

*Не возлагай надежд на рок и случай,
Трудись, твори и в меру, и сверх сил,
И никогда не думай, что получишь,
И ничего сверх меры не проси.
Ни от кого не принимай подачки,
Не унижайся ради всяких благ.
Когда дают, подумай об отдаче,
Когда зовут, не делай первый шаг.*

Звали его к себе секретари райкома. Он не шёл, ценил свою свободу, не хотел «петь на заказ». Он всю жизнь писал о том, что дорого в общечеловеческом плане, вне всяких партий и идей. Его первая тема – поклонение природе. Человека он воспринимал как часть природы, и потому даже его любовные истории не камерны, а стихийны, и происходят на лоне природы.

Судьба! Судьба слагается характером. А характер был противоречив и сложен. Даже внешность Виктора представляла интересное соединение черт двух незаурядных людей. Лицом, смуглотой, большущими серыми глазами он был похож на мать свою, но, как говорила мать, строение головы – «как две черепашки, надетые одна на другую» – это отцово. Отсюда и незаурядная память. Странно было видеть в его материнских глазах жёсткий, какой-то «стреляющий» отцовский зрачок.

Норов он перенял от обоих. Но отцовский авантюризм ему не достался, он унаследовал материнскую крестьянскую честность. Совесть усложняла его жизнь, он умел судить самого себя, и потому ему жилось непросто.

С самого первого стихотворения, что называлось «Вдаль», он мечтает открыть для себя «новые страны». Жил на Волге – в Волгограде и в Саратове, жил на Донбассе, подростком бежал с него зимой в декабре. Жил на Енисее, на Оби, на Амуре, мечтал о Сахалине, но везде умирал с тоски по Дону. Он не любил больших городов и толпы, где теряется ценность отдельной человеческой личности. Москву он называл «большой человеческой свалкой». Он был, что называется, «первобытным», вернее, самобытным человеком. Волгоградский поэт Василий Макеев назвал его «сокровенным». Но Виктор был щедро одарённым от природы, с богатым инстинктом, помогавшим разбираться в людях, в общественных событиях, в литературе и даже в технике. Он оберегал свою самобытность, понимая, как цивилизация обкатывает и нивелирует личность. Случалось же это и с выпускниками Литературного института.

Виктор был нелёгок для совместного бытия с ним. В быту он был скрытен, даже если казался открытым. И только в стихах, обнажаясь,

кажется, до предела, всё равно упрятывал своё последнее дно. И потому «слыхали обнажённые слова / Осенняя пожухлая трава / И Мать-Земля – судьбы моей начало». Однажды я сказала ему: «Витя, как тяжело жить рядом с тобой!» Он ответил: «Если бы ты знала, как тяжело жить во мне...» Ранимый внутри, снаружи он прятался в грубость.

Вот это о себе:

*Люби меня, любимая,
И не гляди с опаскою,
Лишь сверху нелюдимый я,
Внутри я очень ласковый.*

*Внутри я весь застенчивый
И даже робкий очень.
Одну лесную реченьку
Люблю я лунной ночью...*

*Быть может, там, над плёсами,
Тебя я видел часто
С распущенными косами,
Похожую на счастье.*

*Стояла ты над бережком,
Над синими туманами,
Тебя ласкал я бережно
Глазами окаянными.*

*Стояла ты, стыдливая,
Зари залившись краскою...
Люби меня, любимая,
И не гляди с опаскою.*

Ещё одно:

*Есть маленький хутор у Дона
С папахами чаканных крыш.
Там окна глазком затаённо
Глядятся в озёрную тишь.*

*И падают сумраки в омут,
И верба грустит у плетня.
Там песней казачки застонут,
За душу хватая меня.*

*А выйдет ли та, я не знаю,
Накинув пуховый платок,
И жгуче окинет глазами,
Струящими синий поток.*

*И вскинет томительно руки,
И к сердцу прильнёт, горяча,
На всю мою ревность и муки
Не станет никак отвечать.*

*Не выйдет она... И не надо...
Так что же ты, сердце, стучишь?
Безмолвна чужая левада,
Бездумна вечерняя тишь.*

Так же близок ему мир природы, и чуткость к ней до грусти – «хорошей грусти» – в стихотворении «Грусть», которое стало песней. У двух разных авторов-композиторов.

*Вхожу в вечернюю прохладу,
К лесным озёрам выхожу
И затаённо-грустным взглядом
За нашей юностью слежу.*

*Она прошла здесь осторожно,
Легко раздвинула кусты
И скрылась в трепете тревожном
Лесов осенних и пустых.*

*Туманом озеро дымится,
И неподвижно спит камыш...
Воспоминанья, словно птицы,
Плывут в безоблачную тишь.*

*Какие зори здесь бывали!..
И чудится: сейчас вот, вдруг
Вновь озарятся лес и дали
Далёким детством нашим, друг.*

*Но грустно здесь. Заря на плёсы
Малиной спелой прилегла.
Не стонут песней сенокосы,
И не кричат перепела.*

*И стог, никем не разворошен,
Стоит как необжитый дом...
Бывает грусть такой хорошей,
Что расстайшься с ней с трудом.*

Политов, конечно, не был «дикарём». Благодаря своей незаурядной памяти, он многому научился за два года пребывания в Ленинграде. Он знал наизусть – построчно – прозу Джека Лондона, О. Генри, Брет Гарта, Марка Твена, Ильфа и Петрова, все стихи Есенина, сатиру Маяковского. Он умел смеяться и над тонким юмором Дж. Джерома, и над пошлыми поэмами Баркова, которые он, конечно, тоже выучил наизусть. Такова была амплитуда его смеха.

Ему нравилась музыка Мусоргского, Римского-Корсакова и... Вагнера. Чайковского считал итальянцем, не русским композитором.

Став рыбаком-профессионалом, зиму Политов живёт в дощатом домике над Доном, рубит лёд, проверяя вентера и сети на своём

участке, рубит дрова, чтобы не замёрзнуть в хлипком жильё. С ним томик Есенина, на свободных листах которого он записывает своё. На Дону он свободен и независим, но рядом и тоска...

*Кто-то в окно постучался?
Синица.
Кто-то прошёл под окном?
Тишина.
Только стираются в памяти лица.
Только метель постоит у окна.
Я ли затерян,
Меня ли забыли?
Домик над Доном – мой странный уют.
Все мы любили,
Не всех нас любили.
Быть нелюбимыми все устают.
Я ли не бегал по белому свету,
Я ли судьбины другой не искал?
Но от Невы до амурских рассветов –
Всюду съедала по Дону тоска.
Сети мне спутали руки и ноги.
Чем-то мила мне судьба рыбака.
Только зовут меня снова дороги,
Только она не пускает – река.*

(«Домик над Доном»)

В 1968 году в Волгограде вышла его первая книжка стихов «Моя река» тиражом 10 тысяч на весь СССР.

*Не в моря впадают реки,
А в сердца людские.
У меня своя навеки
Речка есть в России...*

Потом рыбацкое – «Звезда рыбака»:

*Звёзды притаились в глубине,
Как бы их волною не спугнуть.
Стоит только руку протянуть,
Чтоб одна из них досталась мне.*

*Если верить в то, что есть звезда
В каждой человеческой судьбе,
Я бы подарил её тебе...
Но её похитила вода.*

*Ты меня опять не дождалась.
А вокруг спешит, бурлит весна.
Месяц чуть касается весла –
Золотой, непойманый карась.*

В этой же первой книжке поэта – большое стихотворение «Песня жизни». Виктора за него ругали, противопоставляя ему Межелайтиса. Политов стоял на своём, посмеиваясь, говорил мне: «Такое можно писать, только живя с такой сумасшедшей, как ты».

*В радости, звенящей на пределе,
Человек совсем забыл о теле.
Он пошёл, легко земли касаясь,
И к нему не липли грязь, усталость.
И к нему доверчиво, не дрогнув,
Звери выходили на дорогу.
А дорога шла над тихим Доном,
Расступался лес весенним звоном,
И в избытке ласковой печали
Глубь озёр вершины ив качали.
Он не шёл – летел легко, как радость,
И, казалось, не было преграды
Радости, звенящей на пределе.
Человек совсем забыл о теле.
Так бы он прошёл сквозь мир и вечность,
Радость жизни приподняв на плечи,
Поклоняясь солнцу, травам, рекам.
Человек был просто человеком...*

*А навстречу лёгкими шагами,
Напевая песенку беспечно,
По дороге солнечных прогалин
Шла она, закутав в дымку плечи.
И к её рукам склонялись розы,
На лице заря играла ало.
Что на травах росы – словно слёзы,
Этого она ещё не знала.
Девственная тайна шла навстречу,
А вокруг цвело земное ложе.
Взглядом он пронзил её тревожным,
Ну а ей закрыться было нечем.
Нервами пронизанное тело
Дрогнуло, запело, зазвенело!
И другие звучные аккорды
Человека повели в безбрежность
Всех страстей,
Где есть и боль, и нежность,
Унижение, стыд и рядом гордость...
И открылись человеку дали,
Свежим соком солнца налитые,
И легко на струны золотые
Две руки согласия упали.*

Это стихотворение 1964 года. В том же 1964 году написано ещё одно, такого же масштаба. Нежно и целомудренно написан Викто-

ром, человеком в жизни неровным и грубоватым, «Гимн гордости». Не знаю, кто был его Музой.

*Любовь не терпит униженья,
Любовь наивна и горда.
Ты объявила мне сраженьё
В те наши юные года.
Свободно, строго и надменно
Ты посмотрела сквозь меня.
Но вдруг лица коснулась бледность,
И в сердце ярость я унял.
Ты покорила непокорных,
Ты гордых бросила к ногам,
Не замечая лишь упорно
Во мне ни друга, ни врага.
И вот над заревом в осоке,
Когда едва дымился плёс,
Увидел я твой стан высокий
С волной распущенных волос.
Покровы пали с тайны бёдер,
И, в гордой прелести застыв,
Ты растворилась вся в природе
Травы, тумана и листвы.
Волна ласкалась о колени,
И взгляд, неясный в глубине,
Скользил подобно зыбкой тени,
Пронзая все сосуды мне.
Ты не казалась обнажённой
В своей сверхгордой нагоде.
И был я словно обожжённый...
Хотел уйти... И не хотел.
Нет, ты меня не окликала,
И я к тебе не подходил,
Лишь дрогнул воздух от накала,
Где ты – одна, и я – один.
И на струне желаний дерзких
Запела, зазвенела страсть!..
И в воду бросились мы резко,
Чтобы на землю не упасть.
Разбилось всё – заря и небо,
Ушли в безбрежье берега.
Ни я, ни ты – никто там не был,
Была там звёздная пурга.
Сгорали солнца, звёзды гасли,
Туманом неба ширь плыла,
И снова вспыхивали властно
Неостужённые тела.
И только девственно-стыдливо
Звучали нежностью слова,
Как вздох прилива и отлива,*

*Произнесённые едва,
В ключе печали величаво,
Лучась, мелодия росла
И изумления начало
В простор неведомый несла.
Но мир угас,
Упали звуки,
Ты тихо к берегу пошла,
Неся безжизненные руки,
И непокорна, и грешна.
Любовь не терпит униженья,
А страсть – хоть в омут головой.
И я поверил в поражение,
А не в победу над тобой.
С тобой мы изредка встречались
У этой жизни на углах,
И не могла ты скрыть печали,
И покориться не могла.*

В этой книжечке раскрывается и вторая тема творчества Виктора Политова. Война. Война началась для него 12 июля 1942 года бомбёжкой моста у города Серафимовича, по которому переправлялись за Дон наши отступающие воинские части, потому что днём раньше был разбомблён выше по Дону мост у станицы Вёшенской. Улица 2-я Нижняя, где жила тогда семья семилетнего Вити Политова, самая ближняя к Дону. Это её дом заливал Дон по самые окна, и лодка здесь «стояла у самых перил крыльца».

Когда страшно вздрогнуло небо, Витька спрятался под кровать. Скоро он и все его сверстники узнали, «сколько в пуле граммов, не зная, что такое мир». Война прошла по ним с кровью и смертями, прошла воочию, оставив рубцы не только на душе, у многих и на теле, а иных «игрушки войны» лишили и жизни. Виктор лишился только пальцев левой ладони. Зоркий детский взгляд и великолепная память, в том числе и зрительная, как у многих русских литераторов, сохранили пережитое до взрослости и обогатили творчество Политова.

Датой начала Сталинградской битвы стало 17 июля 1942 года, именно тогда немцы вошли в хутор Горбатов Серафимовичского района. В хуторе Меловом, который был уничтожен во время войны, снимался фильм «Они сражались за Родину». Даже разливы Дона за 70 лет ещё не заровняли окопы и блиндажи вокруг него. Ещё бывает, взрываются пахари на полях или скот на пастбищах; вызывают сапёров с военкомата, когда роют канавы для водопровода или канализации в городе. Так напичкана донская земля всеми «подарками» войны. Ещё приезжают на Дон к своим могилам немцы и итальянцы, чтобы перевезти прах на родину. Итальянцы были в 2011-м, немцы раньше.

Виктор видел эсесовцев, которых боялись рядовые немцы, видел брошенных при отступлении беспомощных румын, бродивших зимой в одних свитерах, видел гордых, а теперь голодных итальянцев.

А мы недавно так столкнулись
В большую силу и размах,
Когда в людей впивались пули,
Когда был страх в людских глазах.
Донская степь плыла снегами,
Кроваво небосвод горел,
Детей и женщин – всех согнали
Они в то утро на расстрел...
Расстрелян будет каждый третий!
И автомат глядит в упор.
Я, может быть, живу на свете
С душой, расстрелянной с тех пор...
Не зная, что война не вечна,
На «ИХ» и «НАШИХ» мир деля,
Какой судьбой твой путь отмечен,
Не понимали мы, Земля.
Мы объясняли мамам: «Рама»,
Мы говорили мамам: «Тигр»,
Мы знали, сколько в пуле граммов,
Не зная, что такое мир.
А вот когда их чёрной лентой
По снегу гнали чуть живых,
Мы просто так вот, незаметно,
Зачем-то вдруг жалели их.
Рождались мира в нас зачатки,
В нас, еле помнящих отцов,
И кукурузные початки
Кидали мы войне в лицо.

Витя Политов мечтал в детстве быть лётчиком, но «крылья не срослись».

Люди, люди – лебеди без крыльев.
И летать не каждому дано.
А меня охотники давно
На заре на утренней подбили.

И, роняя кровь, летел я ввысь,
Чтоб ещё полётом насладиться.
Всё равно душа осталась птицей,
Только больше крылья не срослись.

И когда алеет горизонт,
Я весны той самой отклик слышу.
Если б мне лететь тогда повыше!
Но в судьбе не каждому везёт.

Трудно с переломанным крылом,
Хочется туда, в простор небесный.
На земле для всех хватает места.
Что ж мы рвёмся к солнцу напролом?!
Или к солнцу напролом?!

*Люди, люди – лебеди без крыльев,
И летать не каждому дано,
А меня охотники давно
На заре на утренней подбили.*

Та же тема в стихотворении «Война»:

*А я ни разу не был на войне,
Война лишь только раз прошла по мне,
Оставила на память боль увечья,
Чтоб знал, как надо жить по-человечьи,
Кто б ни хитрил, ни мудрствовал в стране.
А я ни разу не был на войне.
Я осознать не мог её вполне,
Когда наш старый сад сминали танки,
Когда сжимали нас в тиски атаки,
Когда казалось, что весь мир в огне,
А я ни разу не был на войне.
Но обмирал я в жуткой тишине,
Когда вдруг умолкал обвальный грохот,
Когда не знал, что это ведь оглох я,
Когда всё безразлично стало мне.
А я ни разу не был на войне.
С тех пор я плохо слышу, зорче вижу,
С тех пор насилье, подлость ненавижу,
С тех пор от этой жизни в стороне
Я понимаю: был я на войне.*

И ещё на эту же тему отрывок из стихотворения «Дар»:

*Я видел немцев добрых и простых,
Терпел их ласки страхом одичалым,
Но на коленях ты меня качала
И прятала в чуланы и кусты.*

*И различить нельзя им было нас
Ни лаской, ни улыбкой, ни конфетой,
Они так ясно чувствовали это
По чистоте не детски хмурых глаз.*

*Любви к тебе никто мне не внушал,
Но, ту любовь из двух не выбирая,
Я всю тебя, Россия, принимаю,
Тобою жить мне и тобой дышать.*

Политову повезло с наставниками в литературе. Он удостоился внимания двух больших писателей-фронтовиков – В. П. Астафьева и Е. И. Носова, видно, почуввавших в Политове, кроме таланта, своего брата-фронтовика, несмотря на 11-летнюю разницу в возрасте. Писем Астафьева к Политову – 46, иногда одно письмо на двух-

трёх-четырёх страницах, от Носова – 42 письма, но таких дружеских и опекунских, что без них Политов просто не состоялся бы.

Получив книжечку Виктора «Моя река», Носов пишет: «Уже по стихам чувствуешь, что в тебе бьётся самобытное сердце русского человека... Особенно прилились по душе «Следы на воде», «Отцу», «Вероятность» и «Бабий век». Но во всех стихотворениях чувствуется твоя кипучая, неугомонная натура». Переписка с Носовым опубликована в журнале «Волга–XXI Век» № 9–10 за 2012 год.

По поводу собственной «натуры» Политов впоследствии напишет:

*Татарин, славянин и турок,
Во мне и запад, и восток.
Свою безумную натуру
Я укротил бы, если мог.*

*Смешались в ней порок и святость,
Безумство храбрости и страх,
В ней гордость дикая и слабость,
Христос в ней, дьявол и Аллах.*

Носов сразу заинтересовался повестью Политова «У затухающих костров», которую переслал ему Астафьев, предварительно прочитав. Астафьев в книге «Посох памяти» пишет о Политове: «Виктор Политов начинал со стихов и по сию пору не бросает их писать, да едва ли совсем когда-либо расстанется с ними. Мне представляется, что стихотворец остаётся в одарённом человеке на всю жизнь... Даже когда «года к суровой прозе клонят». Писатель, поработавший в поэзии, остаётся и в прозе поэтом – он точнее в выборе выразительных средств, цельнее в интонации и ритме прозы, лаконичнее в письме...»

В письме к Политову Астафьев восхищался повестью Евгения Ивановича Носова «Усвятские шлемоносцы»: «А Женя-то ВЕЛИКУЮ ВЕЩЬ написал!» А Евгений Иванович Носов заботится о никому неизвестном авторе, Викторе Политове, обращаясь к редактору отдела прозы воронежского журнала «Подъём» Ивану Евсеенко: «Ваня! Эта та самая повесть, о которой я говорил тебе. Почитай, пожалуйста: в ней много прекрасных, истинно поэтических глав и страниц, написана она со знанием дела, главное – с каким взволнованным сыновним чувством к родной стороне! Право, после Шолохова я ничего не читал подобного о Доне, хотя это, разумеется, и не «Тихий Дон».

И Астафьев, и Носов говорят о поэтичности прозы Политова. Вот отрывочек из его первого рассказа «Мой маленький остров». Напечатан он был М. Н. Алексеевым в журнале «Москва» № 3 за 1970 год: «...Стройные высокие ольхи немного качнулись в стороны и застыли. Когда я возвращался на остров, плавно пустив лодку по течению, то он всегда мне казался кораблём. Надёжным кораблём с распущенными зелёными парусами. Он плыл в вечность. Но тогда я этого не знал. Мой маленький остров перешёл ко мне по наследству от дедов и прадедов и прапрадедов. Тенистые плёсы, тёмно-зелёные ольхи и всё-всё здесь принадлежало мне...»

В хорошей прозе важен не только сюжет, но и то, как расставлены слова и даже знаки препинания, которые, на мой взгляд, служат в прозе подобием нот.

Наконец в 1976 году (Политову 41 год) в журнале «Подъём» выходит большая повесть «У затухающих костров» с прекрасным предисловием Носова: «Предлагаемая повесть по сути своей и пафосу – эпическая поэма о родном Доне, пропетая взволнованно, искренне, от всей полноты сыновнего чувства. Признаюсь, за последние годы я ещё не встречал произведений, столь переполненных ностальгией, щемящей болью и неизбывным патриотическим чувством к отчим краям. Автор любит свой Дон коленопреклонённо, язычески, как живое и близкое существо, которому можно доверить самое сокровенное...»

В 1978 году выходит в том же журнале повесть «По открытой воде», в 1980 году – «Следы на песке», в 1982 году – повесть «Река и звёзды», о детстве во время оккупации.

Эти публикации дали возможность Виктору стать в 1981 году членом Союза писателей Советского Союза, даже не имея двух отдельных книжек – его приняли по журнальному варианту, что подтверждало талант автора. Рекомендации для вступления в СП дали В. П. Астафьев и Иван Данилов, волгоградский прозаик, сверстник Политова. Принят Политов был как прозаик.

В 1978 году после долгой переписки (с 1972 года) Виктор побывал у Астафьева в Вологде.

Политов горюет, что у него нет книжек стихов, а он считает себя больше поэтом, чем прозаиком. Добрый Носов подгоняет его в письме: «А книжка выйдет – пришли. Я твои книжки чту, как хороших друзей. Сейчас такие открытые строчки, несмотря на гласность, редки, как и хорошие люди. Так что ты не сетуй и не ленись, а знай пиши: это не тебе нужно – это нужно миллионам немых, которым Богом не дано за себя сказать. Так вот ты говоришь за них – они тебе поручили. Это большое поручение. Исполни его... Обнимаю. Е. Носов».

В 1984 году выходит первая книга прозы в московском издательстве «Современник» тиражом 100 тысяч экземпляров.

В 1986 году в Саратове в журнале «Волга» опубликована прекрасная повесть «Ширина» – гимн человеческой доброте в послевоенное нищее время. Вот отрывок из этой повести:

«...А пока я думаю, возле накрывалки столбиком встаёт ласка. Её длинное нежное тело, покрытое тёмно-серой шёрсткой, слегка изгибается, покачивается. Передние короткие лапки висят у груди беспомощно и трогательно. Милая мордочка с тёмными бусинками глаз смотрит на меня лукаво, и мне кажется, даже насмешливо. Обычно появление чего-либо живого в досягаемости выстрела вызывало у меня одну реакцию: немедленно выстрелить. Но на этот раз моя рука не потянулась к ружью. Я сажу не шевелюсь. И ласка продолжает с любопытством разглядывать меня... Она стоит спиной к накрывалке и вдруг делает высокий лёгкий прыжок, плавно переворачивается в воздухе и скрывается в ней. Через несколько мгновений из накрывалки высовывается её лукавая мордочка. Она как бы спра-

шивает взглядом: «Ну как, ничего?!» «Вот это да-а!» – отвечаю я ей в восторге. Ещё один прыжок с кульбитом через голову, ещё, ещё, из накрывалки в накрывалку – каскад прыжков. И снова замирает, встав столбиком... «Попробуй-ка ещё раз!» Ласка не заставляет себя долго упрашивать. И она даёт мне настоящее представление... Благодаря ей у меня как будто тяжесть с души свалилась. А ласка, совершив последний каскад прыжков, мгновенно скрывается в камыше... Я вспоминаю её. Вспоминаю её гибкое тело, гордую плавную походку, и всего меня словно обволакивает нежность...»

В 1988 году в «Современнике» выходит вторая книга прозы – «К Большой Медведице» тиражом 50 тысяч. Это дало нам возможность поехать вместе на Дон, как на дачу, не порывая связей с журналом «Волга» и Союзом писателей. Но из-за раздора, начавшегося в стране, оказалось, что уехали навсегда. Я ещё не была на пенсии, Виктору до пенсии по старости было ещё семь лет, когда кончился гонорар, мы оказались неустроенными и нищими, так как в этом городе всегда было трудно найти работу. Хорошо, что купили дёшево двухсотлетний казачий курень с огородом. Вот и кормились с Дона да с огорода.

В 1989 году Политов пишет стихотворение «Россия», о котором волгоградский поэт Василий Макеев писал: «Сокровенный человек вырыдывал почти по-блоковски безумные стихи»:

*Идут дожди, холодные и злые,
Россия в пасмурной грязи.
И низко тучи грозовые,
А там хоть мёртвых вывози.*

*Уже обобрана до нитки,
С душой, надломленной от слёз,
Тебя вели вожди на пытки,
Босую, в гибельный мороз.*

*По лагерям, по зыбким тоням
Всходила, Русь, на плаху ты,
И снежные кружились хлопья –
Твои надгробные цветы.*

*Но – ты воскреснешь,
Ты воскреснешь!
Ты воскресала столько раз!
Не будет лжи и лживых песен,
Пропетых кем-то на заказ.*

В 1991 году в Волгограде снят первый фильм о Политове – «Верность». В 1995 году к 60-летию Политова тот же режиссёр Виталий Меньших снимает «Этюд на тему: Виктор Политов», и потом Волгоградское телевидение периодически показывает отрывки из этих фильмов перед литературными передачами.

Но рушится, казалось бы, несокрушимое здоровье Виктора, он с трудом доходит до Дона с резиновой лодкой, нет сил держать лодку на донском ветру, нет сил рубить дрова. Всё меньше друзей посещает наш дом. Запустение вокруг. Нет моторок на Дону – у людей нет денег на бензин. Жируют на Дону только «новые русские» на зарубежных моторках, оставляя на берегах банки от консервов да бутылки от дорогого импортного спиртного. Орут на весь Дон автомобильные проигрыватели, и нет нигде покоя на реке, когда-то принадлежавшей Виктору и другим дончакам. Мрачнеют и стихи Политова:

*За окраиной хутора
Всё пески да пески,
Одиноко и муторно
От щемящей тоски.*

*Чахнет хилое озеро –
Ряска, чакан, камыш...
Это наше Берёзово,
Эта глушь, эта тишь.*

*В родниках заболоченных
Еле бьются ключи.
Снят дома заколочены.
Дятел в стенку стучит.*

*Ах, картина печальная
Опустевших дворов!
Снят сады одичалые
На ладонях миров.*

Мы перебираемся в материнский дом в городе – тоже без газа, и ради этого продаём за бесценок свой курень.

В 2002 году после долгих и унижительных хлопот удалось с помощью волгоградских друзей выпустить в государственном издательстве Волгограда книжку стихов «Совесь», тиражом в одну тысячу экземпляров. Виктор был доволен, т.к. редактировал её сам.

Городишко, не имея никаких производств, после развала сельского хозяйства обнищал до того, что не было на чём и мусор вывозить. Лес в окрестностях города, озерца, где Виктор с друзьями купались в детстве, прыгая с тополей – всё было завалено отходами: бутылки, навоз, целлофан и прочее.

Мог ли человек, писавший пронзительное «Я до того люблю наш мир... что мне больно», равнодушно отнестись к происходящему? Как-то идём окраиной города по лесу к одному художнику, Политов идёт уже с палочкой мимо родного озерца, где купался и ловил свою первую рыбу. Всё загажено. Виктор говорит горько и раздражённо: «Сейчас здесь страшней, чем после войны, когда валялись снаряды и мины. Я больше не приду сюда».

И не пришёл. 2 мая 2004 года он ушёл из жизни по-есенински. Ещё в начале 2003 года он написал:

*Ни денег, ни славы, ни изданных книг,
А жизнь – лишь всего изувеченный миг.
О чём мне жалеть? Лишь бы взять умереть.
Была б лишь недолгой желанная смерть.*

И горький итог: «Всё ясно: в литературу я не пробился».

Последние два года он думает о смерти постоянно. Невольно вспоминаются слова Бунина: «Люди совсем не одинаково чувствительны к смерти. Есть люди, что весь век живут под её знаком, с младенчества имеют обострённое чувство смерти (чаще всего в силу столь же обострённого чувства жизни). Вот к подобным людям принадлежу и я». Видимо, из таких людей и Политов. Он жил бурно и не хотел жить убого. В конце 2003 года он написал «Реквием»:

*Пора, прощай!
Природа жертву просит.
Она одна любовница и мать.
А Дон меня куда-то вдаль уносит –
Не обернуться, не обнять.
Увы, напрасно задавать вопросы:
Кто я, зачем и почему здесь жил.
А Дон меня куда-то вдаль уносит.
Не удержатъ. И не держи.
Прости, прощай!
Ни гнева, ни упрёка.
Изъедена, истерзана душа.
Да, я устал от всех своих пороков,
Устал я жить, надеяться, дышать.
Нет-нет, меня не поминайте лихом.
Сотрётся память, канет без следа.
И на земле так будет тихо-тихо:
Весенний вечер, небо и вода.*

Он похоронен на хуторе Берёзки рядом с могилой его матери. Как завещание остаётся на память его стихотворение «Желание», последний куплет которого выбит на гранитном памятнике рядом с портретом Виктора:

*Когда бы мог я так запеть,
Чтоб вам на миг оцепенеть,
Чтобы мурашки по рукам
Струились легче ветерка,
Тогда и можно умереть.
И стать травинкой и росой,
И снова кто-нибудь босой
По ней бежит за счастьем дня,
Совсем не зная про меня*

*В краю над речкою лесной.
Пусть видит тихий дым лугов
И отраженье берегов
В глуби живого хрусталя,
И пусть не знает, что земля
Друзей покоит и врагов.
Лишь только б ветер доносил
До слуха тихий стон осин,
Чтобы напомнить обо мне
Лесной осенней тишине,
Я б эту землю попросил.*

Администрация района выделила деньги на памятник, администрация города – на мемориальную доску на доме деда, где мы с Виктором начинали жить вместе и откуда он ушёл. В 2005 году за счёт средств района выпущена книжка «Реквием» со всеми прежде не издававшимися и последними стихами. Там две статьи о Викторе: моя и его друга-одноклассника.

В 2008 году за счёт средств госбюджета в государственном издательстве Волгограда издан двухтомник «Избранное» Политова, обошедшийся почти в 400 тысяч, хотя Политов до сих пор числится в Саратовском отделении Союза писателей. В Саратове Виктор прожил – незаметно – семнадцать лет.

На вечере памяти в г. Серафимовиче, 21 апреля 2005 года, посвящённом 70-летию Политова, волгоградский поэт Василий Макеев говорил (цитирую по фильму): *«Как всегда случается в России – знали автора, а относились не так, как надо... А между тем ушёл из жизни лучший за последние десять лет – уникальное явление в истории российской литературы, известный в литературных кругах, а в родных пенатах недооценённый. Он был самодостаточен. Ему ни от кого ничего не надо было – ни славы Евтушенко, ни славы Вознесенского. Он писал про то, что знал хорошо».*

В 2010 году был проведён праздник «Политовские рыбалки», с вручением двух премий имени Виктора Политова – за стихи и за прозу. Материалы, книги, вещи Политова, письма Астафьева хранятся в литературно-краеведческом музее города Серафимовича, где для этого выделена отдельная комната.

Валерий
КРЕМЕР

Прикосновежье к счастью бытия

Впечатления. Литературный альманах № 1, Саратов, 2014.

Несмотря на сложность и боль бытия, жизнь всё равно прекрасна. Об этом убедительно говорят читателям авторы альманаха «Впечатления», появившегося недавно в Саратове. Это редкое явление в местной литературной жизни: обычно появляющиеся издания ставят целью сводить счёты со своими литературными противниками или печатать тексты графоманов, решивших во что бы то ни стало опубликоваться.

Авторы, которые решились быть предельно откровенными, искренними – что в наше время само по себе выглядит неожиданным и ценным, – не новички в литературе. Они долго и упорно искали свой творческий путь и многого добились, не в смысле премий и наград, а в создании по-настоящему интересных произведений, главное в которых, кроме безусловной

эстетической ценности, – попытка понять необъяснимое счастье бытия. В обращении к читателям сказано: «Говорить всю правду о творящихся на земле бесчинствах, добиваться справедливости является важнейшей задачей и для писателей. Но разве не менее важно показать жизнь во всём её блеске, показать её солнечную сторону? Понять и передать словом искрящиеся светом счастливые мгновения». Эту радость, нежность, пронзительность бытия пытаются передать читателям Светлана Кекова, Иван Шульпин, Яша Удин, Виктор Бирюлин, Иван Васильцов.

Если вам не всё равно, если вы способны чувствовать и мыслить, откройте это издание и прикоснитесь к душевным движениям чутких, неравнодушных и талантливых людей.

Михаил
ЦАРТ

Журнал «Аргмак» как флагман современной литературы

Литературный журнал «Аргмак». Татарстан. № 1 (14) 2013

Открывая этот хорошо изданный, хорошо оформленный журнал, прежде всего обращаешь внимание на то, что в его редколлективу входят представители разных творческих союзов, из разных городов, что и становится предпосылкой высокого уровня опубликованных материалов. Печатаются в «Аргмаке» не только писатели из Татарстана, но со всей России. Москва, Петербург, Елабуга, Воронеж, Самара – далеко не пол-

ная литературная география этого номера. Хотел бы обратить внимание уважаемых господ литераторов из Саратова, желающих «изолироваться» в своих изданиях от писателей других регионов: «Аргмак» – это ещё один пример хорошего нестоличного журнала, который печатает не только местных авторов из Набережных Челнов, а представляет всю Россию, современную её литературу, литературный процесс и самых значимых

его творцов. У них есть чему поучиться – и в плане художественного уровня, и в плане умения объединяться.

Номер открывается рассказом о самых значимых событиях Фонда возрождения памятников истории и культуры республики Татарстан за 2012 год, о поэтическом фестивале имени Лобачевского в Казани и о многом другом.

Представляют интерес публикации читательских писем, причём из самых разных городов – Волгограда, Новокуйбышевска, Красноярска, Воркуты, Москвы, и даже из разных стран – США, Германии, Италии. Неравнодушное прочтение словно бы перебрасывает «мостик» от одного номера к другому.

Нестандартны и названия рубрик: «Музы русской поэзии», «Витязи русской поэзии» и др. Впрочем, это разделение по гендерному признаку никак не сказывается на качестве материалов. В номере – прекрасные стихи Светланы Голубевой, Дины Садыковой, Андрея Фролова, Алексея Борычева.

Через весь номер связующей нитью проходит тема сохранения Литературного института имени Горького, в 2012 году признанного Министерством образования и науки «неэффективным». В журнале помещены архивные фотографии Николая Старшинова и Семёна Шуртакова, Юрия Казакова, Юлии Друниной, Виктора Астафьева, Николая Рубцова, Владимира Соколова, Евгения Евтушенко; фотографии с литинститутских семинаров 60–80-х годов, современные фото (из архива Литинститута). Эта же тема заявлена в анонсе главного редактора Николая Алешкова, ей же посвящена беседа писателя С. А. Грачёва с Б. Н. Тарасовым, ректором Литературного института, заслуженным деятелем РФ, доктором филологических наук, писателем. Основная мысль ректора заключается в том, что «творческое образование является национальным достоянием... и одной из наших национальных ценностей...»

Высокий уровень творческого образования и его ценность подтверждают и публикации выпускников Литинститута (для них в номере выделена специальная рубрика «Тверской бульвар») Очень сильная проза и стихи: лирическая, исповедальная повесть Айдара Сахибзадинова «Магический кристалл», лирические, похожие на стихи прозаические миниатюры Ольги Кузьмичёвой-Дробышевской, песенные, хрестоматийные, объединённые темой Родины стихи Константина Скворцова, стихи Магомеда Ахмедова («Небесный Дагестан»): «Синие песни синих небес! / Разве я смогу бы жить без вас? / Гляну на небо – там горы

и лес, / Там, в облаках, мой второй Кавказ». «Петербургская поэма» Геннадия Морозова опровергает миф о том, что поэмы сейчас не актуальны, это вымирающий жанр и никто их теперь не в состоянии написать профессионально.

Кроме того, представлена в журнале публицистика, актуальная не только для жителей Татарстана, но и написанная в острой, сатирической манере, например, статья Вячеслава Лютого.

Чувство Родины, любовь к жизни, позитивное отношение к окружающему миру объединяют художественное пространство «Аргамака». У журнала чётко выдержанное патриотическое направление.

Направленность журнала прочитывается по эпиграфу: «Поэзия – это отнюдь не частное дело (...) поэзия даже не столько литература, сколько один из видов служения России, поле духовной брани за неё» (Диана Кан). Как выяснилось в дальнейшем, каждый номер журнала имеет свой эпиграф, подчёркивающий тематическую и общественную направленность.

Один из самых ярких материалов – «Заметки», как их называет автор (а на самом деле – полновесный очерк) Дианы Кан о Юрии Кузнецове. Всё, что пишет Диана Кан, близко и знакомо, написано с душой, с любовью – к поэзии и к тем людям, которые помогли поэтессе на творческих путях.

Много внимания уделено и творчеству молодых поэтов. И они действительно стоят того. Об этом говорит статья Геннадия Красникова, доцента Литературного института им. А. М. Горького «Четыре пути – четыре надежды». Эти четыре надежды – Наталья Иванова, Дарья Ильгова, Снежана Холодова, Роман Ненашев. Из четырёх надежд – Роман Ненашев, по мнению Красникова, продолжает линию Давида Самойлова и Владимира Соколова.

Присутствует и краткий профессиональный и неравнодушный разбор авторских полётов (рубрика «Издано в России»). Это обзоры литературно-художественных журналов, альманахов и книг, вышедших за последнее время в России, доброжелательные и объективные одновременно.

Украшением журнала является цветная вкладка, на которой представлены работы известных художников, рядом публикуются статьи искусствоведов.

Стоит отметить и профессиональное оформление журнала художницей Ольгой Беловой-Недовизий. Она тонко чувствует дух и своеобразие каждого проиллюстрированного ею произведения и в то же время сохраняет неповторимый авторский стиль.

**Евгений
БАЖАНОВ**

СВЯЩЕННАЯ РЕКА РАСА (ВОЛГА) И СИМВОЛ ЛАБАРУМ

РАСА

У древних росо-ариев были две особо почитаемые реки – Самара и Раса (Волга). Это самые священные реки Древнего мира. Культ обожествления родников, источников и рек родился среди россов, развился среди них и отчасти перешёл к индийцам и иранцам вместе с ведами. Но только в России с каменного века через эпоху бронзы, эпоху железа до наших дней дошли многие приметы водосвятия, культовые гидронимы и топонимы.

Священная река Самара (Самарка) впадает в Волгу. Происхождению имени «Волга» достаточно места уделено в моей книге «Священные реки России». Прислушаемся к её древнему имени. Каково же оно?

У некоторых античных авторов старое название Волги записано «со слуха» и потому несколько разнится, но, по сути, идентично.

Так, Клавдий Птоломей, греческий географ, картограф, астроном, историк, автор знаменитого труда «География», во II веке нашей эры величайшую реку Европы называет то Ра, то Pha, то Pho. Он же утверждает, что между Волгой и Кавказом жили серв (сербой) и хрваты. По Плинию, в I столетии от Рождества Христова (информ. Шафарика) по Дону жили serbi (сербы) и gessi (россы, русские). Дополнительно уточним, что на Волге и Дону две тысячи лет назад жили россы и этнографические группы россов – сербы и хорваты. Позднее сербы и хорваты, вытесненные Римом с Балкан и Дуная, вернутся в свою Отчину,

-
- Евгений Александрович Бажанов родился в 1955 году в селе Черниговка Приморского края. Окончил Куйбышевский инженерно-строительный институт. Автор многих публикаций по краеведению и истории культуры, в том числе в журналах «Москва» и «Наш современник». Автор документальных книг «Священные реки России», «Обитель богов», «Жигулёвская вольница», «По законам Дикого поля» и других. Сценарист и режиссёр двух десятков документальных фильмов. Живёт в Самаре.

но и там будут причислять себя к россам и хранить русскую топонимику и гидронимы.

Норманистская школа историков и «робкие» интернационалисты (читай – глобалисты) всячески замалчивали и замалчивают историю России. К чести отечественных историков, среди них были такие, кто не боялся говорить правду и при том достиг и званий, и высокого положения. В их числе профессор Егор Иванович Классен (1795–1862 гг.), немец по происхождению и славянофил по духу. Е. Классен в числе первых смело и объективно писал о росо-сербах:

«Река Серпа, или Сарпа, текущая между Доном и Волгою, и река Морава – у греков Моравиос, по Птолемею, боковая река Дона, – свидетельствуют, что тут действительно жили сербы и моравы». Классен заключает, что сербы – самый близкий русским народ: «Римляне называли сербов *Rassiani* (рассияне; у нас и теперь «Россия» выговаривается как «Рассия»; разумеется, что римляне взяли название сербов с выговора, а не с письма), некоторые называют их *Ruizi* (руссы), сами они зовут себя *рассане* (от *Раса* или *Рса*) и *рашане*; у них есть и город *Раса*; жупан сербский носил титул: *расский*. Иллирийские сербы даже и вышли из галицкой, или червонной Руси. Одноплеменность сербов с руссами доказывается и тем, что сербский язык ближе всех к древнему русскому» (Е. И. Классен. «Новые материалы для древнейшей истории славян вообще и славяно-руссов до Рюриковского времени в особенности с лёгким очерком истории руссов до Рождества Христова», М., 1854 год).

Как видим, вполне оправдано то, что Волга в древности носила имя, связанное с самоназванием русского народа.

Другой древнегреческий историк, Агафемер (в 215 г. по Р. Х.) ещё точнее называет древнее имя Волги – *Рос* (*Rhos*).

Известный дореволюционный историк С. О. Гедеонов в труде «О варяжском вопросе» справедливо замечает: «От Волги – Рось, до Немана – Рось и до Куршгафской Русны, всё пространство земли, занимаемое словено-русскими племенами, покрыто реками, носящими названия *Рось, Русь, Роса, Руса*».

Дадим ещё большую цитату из С. Гедеонова:

«1) На древности существованія имени Рось для Волги указывает и название *Роксалановъ*, т. е. приволжскихъ *Алановъ* (*Schafar. SL. Alt. I. 352 – Abk. D. SL. 107*); этому имени Рось отвечает может-быть и название Волги у Геродота «*Оарос*» (*IV. 122, 125*), напоминающее венгро-монгольскую форму имени *Русь Orosz, Urus* (См. *Mannert, Geogr. IV. 110. – Muller, Stromsyst. D. Wolga, 84, 103, 104. Klaproth, tabl. Hist. 23–24*).

2) *Осколь-Рось* (*Harbutt. I. 176*).

3) *Неманъ-Рось*. Такъ называется часть этой реки, протекающая *Волковскій поветъ* (тамъ же).

4) *Неманъ-Русь*. Название нижняго Немана (праваго рукава его) до самага устья; иные называютъ его также *Рось* (тамъ же)¹.

¹ Любопытны слова Герберштейна: «*Da Rindt das wasser die Mumel, nach Teutscher sprach, Dan. Die Rindt durch Preysen ab. Litisch nennt mans Nemen. (Selbstbiogr, 122)*».

5) Рось, впадающая въ Наревъ съ праваго берега ниже Остроленки (Narbutt, I. 176).

6) Рось, впадающая въ Szesczur съ леваго берега не далеко отъ Новаго Места (тамъ же).

7) Русь или Руса (Синоп. Роса) въ Новгородской губерніи, впадающая въ озеро (Нест. Шлец. I. 150). По сохранившемуся въ некоторыхъ спискахъ летописи преданію, Славяне прозвались Русью отъ этой реки. Царевич Иоаннъ передъ службою Св. Антонію Сійскому: «Приписано бысть сіе... многогрешнымъ Иваномъ, во второе по первомъ писатели, коле на Августова, отъ племени Варяжскаго, родомъ Русина, близъ восточныя страны, межъ предель Словенскихъ и Варяжскихъ и Агаряньскихъ, иже нарицается Русь по реке Русь» (Карамз. IX., прим. 612). Густинскій летописецъ (с. 236) говоритъ, что имя Русь производять «иныи отъ реки глаголемыя Рось».

8) Рось украинская, впадающая в Днепр съ праваго берега, ниже Конева. По этой Рси завель Ярославъ поселеніе изъ пленныхъ Ляховъ и ставиль города (Лавр. 65).

9) Руса, впадающая въ Семь (Кн. больш. черт. 91).

10) Рось, впадающая въ озеро Jeziorozy (Narbutt, I. С.).

11) Эмбахъ-Рось, по Кожину у Шлецера (Нест. II. 328).

Сверхъ того: Роска въ Волини (см. Карамз. III., прим. 77); Порусье или Порусья, падающая въ Полисть (Кн. б. черт. 182) и множество другихъ»²

С. Гедеоновъ точно отмечает:

«Название Русь, Рось для славянскихъ водъ проявляетъ особое религиозное начало и значеніе святости». Гедеоновъ путаетъ росоланъ с аланами, не указываетъ, отчего происходитъ «значеніе святости», но суть почувствовалъ правильно и очень точно торилъ тропу къ древнему имени Волга-Рось...

Рекъ с именемъ Рась, Рось, Русь... в действительности очень много. Значительное ихъ число упомянуто в главѣ «Рось» (кн. «Св. реки Россіи»), но и в те списки можно добавлять и добавлять.

Мы можемъ вспомнить и восточнаго писателя Аль-Идриси, который называлъ Волгу именемъ «Русіи». У него же Волга именуется Ross Athel. И имя это русское. Массуди (около 956 года) в сочиненіи «Золотые луга» называетъ Волгу «хазарской рекой», но Чёрное море зовётъ Русскимъ моремъ.

С. А. Гедеоновъ («Отрывки изъ исследования о варяжскомъ вопросе», 1862 год) собралъ восточныя названія знакомыхъ намъ рекъ: хазары звали Волгу Итиль; монголо-уральскія названія рекъ: Яик – Идель, Дон – Тана-Идель, Кама – Чолпан-Идель, Волга (Рось) – Атель, Етель.

А вотъ у сербовъ и хорватовъ за тысячи километровъ есть не только река Рась (Рось), но и местечко Роса, в Дубровникахъ упомянуто под 867 годомъ (Раса), в Словенцахъ – около 838 года (Roctorf – Ros-dorf).

Если в случаѣ с сербами нетъ вопросовъ с опредѣленіемъ ихъ истоковъ, то про окатоличившихся хорватовъ (чьё самоназваніе идѣтъ отъ веди-

² Къ тому-же началу должно отнести и встречающіяся у арабскихъ писателей названія русскихъ рекъ: Ras (er Ras), Nehrer-Rusiet, flumen Rusiu и т.д. (см. Fraehn, Ibn-Foszl. 34. Schafar. Sl. Alt. I. 496).

ческого бога Хорс) написано меньше. Потому ещё раз укажем, что в Дубровнике, где живут хорваты (Истрия), в X веке люди в подписях на документах ставят имена Rosso (Росс): Роусин Петровк, Роусин Бельчик и т. д. (В. Ламанский «О славянах в Малой Азии...», СПб, 1859 г., стр. 209–210). И труды академика В. Ламанского ведут нас к древнему имени Волги, к имени Рось.

Сербы – этнографическая группа русского народа. Их прозвание связано с серебром и кузнечно-металлургическим промыслом. Мас-суди в X веке пишет о русских мехах и русских серебряных рудниках. В этом нет ничего удивительного. Россы, жившие во Фракии, знали горное дело и до нашей эры, добывали серебро и в начале нашей эры, до вторжения римского цезаря Траяна. В курганах России находят каменные и серебряные наконечники стрел. У академика В. Ламанского видим сравнение: сербы – сребры – серебряные. Вместе с тем у сербов есть самоназвание, несущее имя отеческой реки Раса. У величайшей реки Европы совсем не случайно русское имя.

А что же до нашей эры известно о Рась (Волге)? Тут сложнее и проще. От её загадки нас отделяют толща времени и масса уничтоженных документов.

Уже писалось об уничтожении ведических рукописей и библиотек в России. Норманисты уничтожили не только библиотеку Ивана Грозного, но и архивы выдающихся учёных – Михаила Ломоносова и Василия Татищева. В Гранаде епископы сожгли 80000 арабских рукописей. В Чехии иезуит Коняш сжёг 60000 чешских рукописей (написанных до 1760 года). Кто сказал, что рукописи не горят?

Когда-то язычники уничтожали христиан. С утверждением христианства стали сжигать последователей старой веры. В 1917 году в России победили материалисты-марксисты и начали уничтожать христианских священников, храмы и книги.

А этому ли учили нас древние провидцы? Нет. Учили творить добро и сохранять народную самобытность.

Из уцелевших древних рукописей мы можем сослаться на индийские и иранские сборники вед. Старейшие из них написаны на ведическом санскрите (отличающемся от классического санскрита), подчеркнём ещё раз, они имеют в своих названиях русские имена: Ригведа (т. е. рига вед, хранилище вед) и Авеста (Вести).

Что сказано тут относительно Волги?

В Ригведе, в X книге, в Гимне рекам не однажды встречаем реку Раса (и у сербов Раса, и у россов – Рась, Рось, Рассея). В Авесте воспеваётся река Ранха (Рангха, Раха), стекающая с высокой горы. Её верховья («бреги») бывают схвачены сильными морозами – «бичом этой страны».

Дадим слово специалисту по Индии профессору Н. Р. Гусевой:

«Зороастрийцы в Авесте уподобляют реку Ранху великой богине Ардви-Суре, т. е. «реке-богине Ардви». Они воспевают её как Ардви полноводную, широкую и целебную, растящую жито, кормящую стадо и величиною равную «всем водам, вместе взятым». Но всё это ещё не значит, что слово «Ардви» является гидронимом, т. е. названием реки. Нет, это мифологизированное, небесное её имя. Это богиня реки, и часто бывает трудно понять в гимнах, о ком из них идёт

речь. Например: «...течёт благая Ардви от своего Творца: прекрасны руки белые в просторных рукавах», или она же: «...в колеснице, узду держа, стремится», и в то же время она стекает с той же горы, что и река Ранха, и имеет тысячу протоков. Ясно, что воспевается один и тот же объект под реальным и небесным именем.

О богине Ардви-Суре говорится, что ей следует приносить обильные жертвы (жертвоприношение, сопровождающее каждое обращение к богам, – это древнейший обычай всех племён арьев), и в Авесте количество приносимых в жертву животных доводится (как и в Ригведе) до небывалых, явно мифологизированных объёмов, вроде ста жеребцов, тысячи коров и мириада овец. Но не достигают цели даже такие жертвы, если к Ардви обращаются с просьбой помочь победить арьев – в этом случае она неизменно отказывает просящему. А значит, рекой-богиней, покровительницей именно арьев, считалась Ардви-Ранха-Волга.

Это нельзя не признать бесспорным свидетельством пребывания арийских племён, причём длительного, в Восточной Европе; и именно в приволжских, приуральских землях. О северной природе ясно говорится в гимне Ардви-Суре, в Ригведе, что ей даны четыре жеребца: «Дождь и Ветер, Облако и Град, они постоянно льют влагу... Числом неисчислимым ей сыплют снег и град... Молюсь горе Хукарья, с которой к нам стекает благая Ардви-Сура».

Это всё слишком похоже на Волгу, особенно в её верхнем течении, в «стране морозов». Но известное сомнение здесь может вызывать описание большой высоты горы Хукарья... Где же эта гора? Так вспомним о том, что до сравнительно недавних пор у нас началом Волги считались реки Кама или Белая. Эту последнюю русские называют и Белой Воложкой, т.е. Белой малой Волгой.

Эта река действительно берёт начало у горы Ирмель, одной из двух высочайших вершин Южного Урала (в Авесте река Ранха стекает с горы ростом в «тысячу мужей»). Значит, и в этом вопросе сомнения в идентичности Ранхи и Волги должны отпасть.

Интересно и то, что Ранха воспевается в Авесте и как прекрасная женщина, одетая в роскошную шубу из шкур 300 бобрех.³

Во-первых, уже сам факт необходимости «надевать меховую шубу» резко отодвигает реку-мать от южных стран на север. И, во-вторых, следует вспомнить о том, что бобры не водятся в Иране, и только арьи-андроновцы могли принести сюда и воспоминания о необходимости прибегать зимой к тёплой одежде, и память о бобрах, изобильно водившихся во всём водном бассейне Волги.

Собрав все указанные выше данные воедино, мы неизбежно приходим к выводу о неопровержимости и идентификации Ранхи и Волги, а также к подтверждению мысли о том, что ираноязычная ветвь арьев – андроновцы – пришла в южные страны именно из региона Волжско-Уральских земель, где они жили вплоть до конца II–начала I тыс. до н.э.» (Н. Р. Гусева «Русский Север – прародина индо-славов»).

³ Здесь уместно указать, что «бабхру» на санскрите означает животное с тёмно-коричневой шерстью, подобное бобру.

Профессор Н. Гусева в общем идёт в правильном направлении и вполне убедительна в части доказательств того, что Волга есть русская река в самой глубокой древности. Вместе с тем исследователя смущает, что река Раса (Рась) «всего один раз упомянута» в Ригведе (хотя она там упомянута не однажды), и она сосредоточивается на ирано-арийском варианте названия реки.

Однако в русской традиции обожествляется река. Жертвоприношение рекам осуществляется возлиянием священных напитков, посвящённых солнцу. И ещё чисто русская традиция (не индийская, не германская, не греческая, а чисто русская!) именовать реки именами богов, названиями священных напитков, священных даров, званиями волхвов-чародеев, брахманов (рахманов) и личными именами волхвов, служителей рода и солнца.

Как христиане совершают богомолье по монастырям, так и поклонники ведической веры совершали паломничество по рекам, родникам, истокам и колодезям.

Мы уже отмечали, что древнее название Волги – Раса, Рась, Рось... По сборнику вед Махабхарата известен и священный напиток раса (rasa). Раса – питьё, молоко. Раса в современном русском письме – роса. Говорим, произносим «раса», а пишем «роса». Но суть от этого не меняется. То, что в Индии осталось только в «архивах», у русских, как в древности, присутствует в живом языке.

В конечном итоге и Н. Гусева признаёт: «...в древности и эта река (Волга. – Прим. Е.Б.) называлась Rasa (Raha, Ra, Rha), что сохранилось в мифах индоиранцев». При этом опять сбивается от «росы» в сторону «египетского» Ра.

Уточним: не Ра, а Rasa, Роса или, в более позднем звучании, – Рась, Рось. Рась – священный напиток солнца. Раса – священная река, и раса – священный напиток. В Ригведе Раса называется матерью:

«Да поможет мать, великая Раса, нам...» (РВ, VII, 36–2).

Россы, росоланы, сарматы, савроматы, венды – дети Расы, Роси. Некоторое разноречие Рась–Рось–Русь нам известно по многим словам и по названию нашей страны: Россия–Расея–Русь. Это связано с разделением русских говоров на «окающие» и «акающие». Остатки этих говоров в русской глубинке и сейчас можно слышать.

Более того, даже название нашей страны отражало вариативность говоров. Так, на монетах, выпущенных во времена Ивана Грозного и Бориса Годунова (клад найден во Владимире), везде значится «Роуси» (Россия и Русь одновременно). На монете видно: «Изр. Великий князь Иван всех Роуси».

То же видим и в Ригведе (РВ, VIII, 20–17):

«Как хотят сыновья Рудры

(Мужь) неба – Асуры, устроители (обряда)

Юноши, так пусть и будет».

В оригинале стоит не Асуры, но asurasya. Имеем слово, образованное наложением двух культовых слов «sura» и «gasya», т. е. «сура» и «расуа». Оба слова есть в разговорном русском языке, есть в русских гидронимах, в русских именах и фамилиях, в русских обрядовых напитках и являются кондовыми русскими словами. А Расия она и есть Ра(о)ссия.

Именно в России Раса (Волга) и Сура соединяются в один поток. И соединение суры и богатырей автор знает только в русской поэтике, в песне, посвящённой новгородцу Садко:

«Удалой молодец был Волгский сур» (А. Попов. «Пиры и братчины». «Архив историко-юридических сведений, относящихся до России», М., 1954, кн. 2, пол. вторая, стр. 37).

В Ригведе (РВ, V, 62–2) есть выражение «svasarasya ahena», у которого несколько толкований: тучи и дождь, молоко, поэтическая речь. Вместе с тем видим явные корни «ar» и «rasya», ар(ий) и рас(ия), что, очевидно, соединяет ариев и расию в эпоху бронзы и даже ранее.

Подтверждение данному выводу найдём и в другом гимне (РВ, VIII, 97–6), где видим слово-образ «arusam (арусам)», что составлено наложением двух слов «ар(ий)» и «рус(а)». Переводчики подают слово «арусам» как «рыжий». Рыжий, русский цвет волос, который прямо ассоциируется с русскими.

Раса, Рась, Расея, Рось, Русь – этапы истории великой страны.

Однако отметим, что раса – напиток, приготовляемый с добавлением молока или его растительных «заменителей». То есть река Раса – есть река Млечная, река Белая. Впору опять вспоминать русские сказки с элементами древнейшей архаики, где говорится о молочных реках с кисельными берегами.

Рась-Волга – есть Млечная река и «всем рекам река». Волхвы-рахманы («поученные») были звездочётами, астрономами. И можно с уверенностью сказать, что из числа их образов многие известны и в наши дни. Например, крупнейшее созвездие в виде «звёздной дороги» в России зовётся Млечный Путь или Река Вечности.

Итак, имеем небесную Реку вечности – Млечный Путь, и земную Млечную реку, Рась-Волгу. Тут всё символично, всё закономерно и, по воззрениям волхвов, всё оправдано.

Главная Рась-Рось – это Волга. Священная река, несущая «млеко» богам и народу. В священную реку изливали священный напиток «раса», «рось».

В ночь перед днём солнцеворота (24 июня), на Ивана Купалу (в христианские времена Иоанна Предтечу), россы отмечали праздник Росы, ходили «на расу», «на росу». Росой обтирались, росу собирали платками для приготовления ритуальных блюд. Раса по народным поверьям есть Небесное млеко. Потому Рось и роса одного корня, по сути, одноимённые.

Раса-Волга имеет не только мистическое, но и физическое воплощение образа Молочной реки. Причём наблюдается это в культовые числа.

Летом Волга под солнцем и в пасмурь имеет оттенки от голубого до синего. Поздней осенью волжские воды тёмные, свинцового цвета.

Но в священное время священная река приобретает молочный, белёсый цвет. Среди культовых дней ведической веры у солнцепоклонников декабрьские дни солнцеворота – начало роста светового дня. В это время, если нет льда, Раса-Волга нередко приобретает белый, молочный цвет. Этот момент не каждый год удаётся поймать. Но когда всё сходится, то вид Волги поражает своей необычностью.

Вот и 21 декабря 2008 года, последующие дни перед ледоставом, Волга была «молочной». Ясно, солнечно и морозно. Уже плывут первые редкие льдины. Ближе к полудню, когда зимнее солнце невысоко поднималось над восточным берегом, волжские воды имели белый цвет, местами (где края льдин) поднимался лёгкий пар, но видимость с возвышенности у Барбошиной поляны на расстоянии двух-трёх километров ясная. Деревья и кустарники на противоположном, правом, западном, берегу – заиндевелые. Далее перспектива закрыта светлой дымкой.

Молочная Раса-Волга в «хрустальных» берегах – картина, достойная кисти Айвазовского. Есть ли в этом что-то мистическое или просто явление природы? Как бы то ни было, но Млечная река в сочетании с явлением Народившегося Солнца правды не могли не производить впечатление на волхвов, да и на всех очевидцев, в каком бы тысячелетии они ни жили.

Малые реки и озёра давно подо льдом, а на Волге у Самарской луки происходили явления, подобные тем, которые когда-то дарили вдохновение поэтам и сказителям вед.

И летом над Волгой бывают удивительные атмосферные явления. Случается, кругом ясно, а над Волгой, над петлёй вдоль Самарской луки, такая же атмосферная река из белых облаков. Длинная узкая лента над Волгой, а кругом солнце. Ещё одна небесная Раса. Может быть, и это явление можно толковать с помощью метеорологических законов, но вот в других местах нами такого не наблюдалось. Конечно, и такие явления способствовали обожествлению Расы-Роси-Волги и Самарской луки.

Ряд исследователей (в т. ч. и Н. Гусева) повторяют друг за другом, что «Волга»-де от слова «влега» (влага). Тут ошибка. Категорически не согласимся с таким утверждением. Священная река не может носить имя безликой влаги. В конце первого тысячелетия, когда княжеские дружины зачастую силовым порядком крестили русские селения, наметилось укрепление союза волхвов и скоморохов, волхвов и вольных воинских братств. И неслучайно в архаичных былинах почти все русские богатыри имеют свойства волхвов (превращение в зверей, птиц, муравьёв...). Богатырь Вольга часто именуется Волхом Всеславичем. Пальма первенства по поименованию Волги, конечно, у воинских братств.

СИМВОЛ ЛАБАРУМ

Однако роль волхвов-брахманов и в древности, и в первые века по принятии христианства оставалась высокой. Известно, что волхвы летом ходили в белой одежде. Неизменным спутником волхва был посох. На вершине посох имел символ в форме крючка, месяца или креста-солнца, а также конской головы (савра). Тут мы выходим на некие таинства, до конца не расшифрованные.

Труд английского исследователя начала XX века Г. Бейли «Потерянный язык символов» имеет и слабые, и сильные стороны. В вопро-

се исследования христианского символа Лабарум Бейли проявил себя как провидец и вплотную приблизился к таинствам.

Дадим цитаты:

«Название греческой буквы Рхо (Rho), вероятно, произошло от имени египетского бога Ра (Ra)».

«Главным божеством у народов Северной Европы был когда-то Радегост или Радегост».

«Буква Р, символ Великого Пастыря, является первой буквой имени Пан (Pan), Бога всех Пастухов, и это имя, несомненно, происходит от слова оран, Солнечный Диск, или раан, Отец Солнце» (Г. Бейли «Потерянный язык символов», М., 1996 г., 283).

Г. Бейли скромно назвал Радегоста богом «народов Северной Европы». Перед этим вспомнил англичан, скандинавов, итальянцев... Но ни слова о том, что Радегост – бог балтийских россов и только россов. Ни слова о реке Рась-Рось и русском ритуальном напитке раса-роса. Да и упоминаемое им в «Потерянном языке символов» «Ре-Ексе» не «Рах, мир», а «речь, слово»: здесь видим русское «рекше», изрёк, сказал. И в христианских книгах сказано: «В начале было Слово». Славяне, слово, веды, веныды – ключ и к «христианскому» символу Лабарум.

Вместе с тем видим у Бейли мысль о перетекании ведического символа Отец Солнце в христианские символы. Б. А. Успенский, филолог, знаток мировых религий, профессор Московского университета и нескольких европейских университетов, достаточно обстоятельно рассмотрел крест и круг как символы Солнца и Христа.

Процитируем Б. Успенского (кн. «Крест и круг». М., 2006 г.):

«Практика «воцерковления язычества», восходящая, как мы видели, к первым векам христианства, сохранилась в византийской, а затем, последовательно, и в русской церкви» (стр. 257).

«Целый ряд обрядов, как общих, так и местных, – и вообще целый ряд моментов культового поведения – обнаруживает несомненное языческое происхождение. Сюда относятся, например, обычай носить нательный крест, заменивший языческие наузы, культовая роль яиц, а также восковых свечей и т. д.» (стр. 257).

В литургических текстах Христа называют «Солнце правды», «Солнце праведное» (см. тропарь Рождеству Христову). Образ «Солнце правды» присутствует в Библии:

«Возсияет вам... Солнце правды» (Мал. IV, 2)».

«Выражение «Новое Солнце» (Sol novus) применительно к Рождеству Христову является достаточно обычным в католическом обиходе» (стр. 287).

«Солнце праведное Христос на ада наступи и смерть связя и души свободи...» (стр. 119).

«Ассоциация креста и Солнца в своё время, как кажется, могла отражаться и в крестном знамении...» (стр. 237).

«Христос ассоциируется с Солнцем и, соответственно, крест – символ Христа, так и Солнца» (стр. 239).

«Язычники праздновали 25 декабря рождение Непобедимого Солнца, христиане к этому дню приурочили празднование Рождества Христова, научившего людей «поклоняться Солнцу правды, его позна-

вать с Востока». У язычников 6 января был праздник – Богоявление; эта же дата стала датой и христианского Богоявления» (стр. 254).

«Достоинно внимания вообще, что оба основных христианских праздника – Рождество и Пасха – оказываются связанными с солярно-лунарной символикой: праздник Рождества связан с рождением солнца, между тем праздник Пасхи соотносится как с солнечным, так и с лунным циклом (весенним равноденствием и полнолунием)» (стр. 255).

«В древнерусских церквях прослеживается ориентация церкви на восток (а не на восход), положение которого определялось, видимо, не по солнцу, а по Полярной звезде» (стр. 281).

«Собор св. Софии в Константинополе ориентирован на восход солнца в день Рождества Христова, который был престольным праздником этого храма» (ст. 282).

Б. А. Успенский с привлечением огромного числа источников убедительно говорит о преемственности Солнца и Христа и их солярного символа – креста (круга).

Деятели западных течений христианской церкви упрекают православную церковь в потакании и приспособленчестве в отношении язычества. Однако западные исследователи немало интересного видят в истории церкви, в том числе и католической.

«В первые три века распространения христианства церковь не была единодушна относительно даты рождения Иисуса. Числа колебались между 18 и 19 апреля и 28 и 29 мая. В 336 году, во время правления Константина – первого христианского императора, церковь установила 25 декабря в качестве официальной даты рождения Христа, чтобы противопоставить христианского бога языческому Митре» (Ф. Трёмотье, К. Ричи «От античности до средних веков». М., 2002 г., стр. 126).

Католическая церковь отмечает Рождество Христа 25 декабря, в день солнцеворота. В России 25 декабря колядовали, славили бога Коляду, Солнце. Единение Солнца и Христа, Круга и Креста проповедовалось задолго до появления христианства. О единении Солнца и Луны говорили провидцы за тысячелетия до н.э.

То же мы видим в культовых местах России, где на горках и рукотворных марах, курганах (преимущественно не погребальных, но культовых), олицетворяющих солнце (солунь), стояли каменные кресты. Один из таких крестов видим на фотографии, сделанной на городище Лукомль (Л. В. Алексеев «Западные земли домонгольской Руси», кн. 1. М., 2006).

На Самарской луке у села Смолькино стоит камень с солярными знаками, где крест помещён в круге.

В образе Солунь крест (солнце) и месяц (луна) имеют историю, идущую к первым векам христианства. Широко известны и ведические лунницы-подвески с изображением кругов и крестов.

Вернёмся к Волге и её древним именам Раса, Рась, Рось, Русь. У Птоломея встречаем Ρho. Видим прямую связь Расы и знака Лабарум. Эта связь видна не только в звучании и правописании древнего символа, но и в его намерении, в солярном знаке Крест-Солнце.

Знак Лабарум состоит из соединения двух элементов: посох с крестом – всемирное древо и знака «R» – пастырь. На мой взгляд, «R» не просто пастырь, а Волга – Раса (Rasa). Волга-Раса – это и мировое древо росо-ариев, и пастырь в белой одежде (священный млечный поток). По этому древу ходили волхвы и богомольцы по святым криницам. Посох волхвов – есть символ мирового древа.

Посох волхвов действительно часто завершался крестом – символом солнца, скобой – символом луны, конской головой – символом солнечного коня Савра. Христианство переняло от волхвов и пастухов посох как символ власти: «Архиерейский посох, жезл как символ власти при пасении паствы» (В. Даль). У рядовых священников носить этот распространённый в древности символ не принято. И всё же преемственность видна и тут.

Дохристианская традиция прослеживается в народных поговорках: «У Горыни посох – сосна красная». У ведического богатыря Горыни не старческий посох – но символ силы и значимости. Помним народное: «Припаси посох на путь, а слово – на ответ». Связь слова и символа понималась отчётливо. Посох с крестом – это символ мирового древа с Солнцем, символ Расы-Волги.

И само слово Лабарум вполне предсказуемо разделяется на два русских слова: «лаба» (белая, солнечная) и «рум» (Русь). В Ригведе (RV, VIII, 4–2) есть слово «рума», которое переводчиками с санскрита трактуется как заказчик жертвы, что лишний раз подтверждает его прямое отношение к традициям россов (см. гл. «Огнебог и св. реки России»). Лабарум – Белая Русь. Из Расы вышла Рассия, Млечная, Святая Русь. Каким-то чудом символ и слово «лабарум» соединились и подсказывают, что и тут всё не случайно, но закономерно. Лабарум – это и Солнце правды, и Солнце Руси.

И в Библии Солнце правды – Христос, Бог. Всё по ведам, написанным задолго до Рождества Христова.

Знаем реку Лабу в Центральной Европе. После того как немцы здесь вырезали россов, Лаба стала Эльбой. Но на территории Чехословакии река до сих пор зовётся Лаба. Такая же река есть в Краснодарском крае в России...

Лаба – священная река Россов. Имя Лаба равнозначно имени Белая, молочная. Раса (Волга) тоже река Млечная, молочная. Более того, священная река Кама, приток Расы, тоже имеет значимый приток – священную реку Белую (Белая Воложка), которая считается историческим истоком Расы. Символ Лабарум всеми своими гранями подтверждает, что Волгу и волхвов объединяет посох – образ мирового древа. Посох волхвов изготавливался выше человеческого роста.

Всемирное древо – это образ мира, известный многим народам. Для древнего росса всемирное древо представлялось в виде великой реки Раса, Роса, Рось-Волга. Другие реки с именем Рось, Рась, Росица, Росава, Роскуда, Роставица – тоже священные реки, потоки священного жертвенного напитка раса, роса. А мировое древо, оно одно – Волга. Именно по нему, по реке-древу (где дельта – корни, а притоки – ветви) ладьи россов поднимались к божественному миру, к Северу, к природе...

Да и Урал (Камень, Каменный пояс) выглядит как посох Пастыря, Большого Волхва – вероятно, рассматривался древними как ось мира. И по-своему они были правы.

Но не только Юг и Север соединяет Рось-Волга. По ведам, Рась-река одним берегом омывает Явь (мир живых), а другим берегом – Навь (мир предков), то есть разные миры. Возможно, волхвы имели в виду небесный Млечный Путь, но верхний мир проецировали на Рось-реку. Тут всё символично. Рось-Волга разделяет Восток и Запад, Восход и Закат.

Вместе с тем Самара-Уса, лесостепь образуют горизонталь. Горизонталь эта идёт от Западной Сибири и Южного Урала до Днепра и Дуная. На этой горизонтали не однажды встречаются реки Рось, Рась, Сура, Бузулук, Самара... Своего рода пунктирная линия. Волга и Самара с лесостепью образуют огромный крест – коло, знак Лабарум, знак Христос.

В центре этого огромного креста-круга есть символы меньшего размера, но тоже впечатляющие. Рась-Волга делает огромную петлю в двести километров. Эта петля напоминает луну, месяц. Такое природное явление, даже если оно случайное, не могло не привлечь внимания волхвов-астрономов. И в ведах (сохранённых в Индии), и в русских былинах-ведах Луна называется другим именем – Дыв, Дев, Див. Волга совместно с Усой образуют почти замкнутый круг – Коло-Солнце-Арко-Сурья. Наложение месяца (луны) и солнца образует знаковое положение, солнечное затмение. Что бы это значило? Кто бы нам сказал?

В центре огромного «креста», океанического круга, и в центре меньшего круга (Самарская лука) есть святилище в виде кругов-валов, явно рукотворных. находка сенсационная, требующая изучения, но интерес к ней пока не пробудился...

Тут имеем святилище с астрономическими задачами древних звездочётов, чьи религиозно-астральные представления о мире всё время соприкасаются с Коло, Солнцем, т.е. с круглыми солярными знаками...

Небесный Пастырь и волхвы доили тучи – небесных коров – ночью, в предрассветной тьме, когда виден Млечный Путь. И на земле пастухи и посвящённые волхвы доили коров в предрассветный час. Традиция, сохранённая во всех русских селениях. С первыми лучами зари и солнца божественный напиток раса приобретал целебную силу. И вода в реке Рось в этот час считалась целебной.

Там, где Рось, там священные воды россов. Многие из этих рек мы знаем. Иные из них, например, Неман, стали предметом борьбы за название, за имя большой реки. Академик М. Ломоносов реку Неман называл её историческим именем – Русь. Профессор Н. Гусева пишет о Немане: «...Русс, как именовался Неман в летописях и как он именовался на картах ещё в начале XX века (и именуется на современных польских картах)». «Русские сквозь тысячелетия», стр. 106). Немцы, захватившие Пруссию в XV веке, Неман называли Мемель (Memel). Советские «агрономы» после 1945 года, с возвращением Пруссии (Поруссии), провели границу между Калининградской областью и Литовской ССР по Неману, причём устье реки отписали

литовцам. Тут Неман сразу стал Нямунасом. Между тем в верховьях Немана (Белоруссия) есть приток Росс и стоит селение Росс.

Рось – священная река, как Волга-Раса. И в устье Немана один из двух крупнейших рукавов называется Рось. Но не стоит забывать о прародине, пусть и подаренной «агрономами» Литве.

Существует и масса малых рек и источников (криниц) с тем же корнем. Некоторые из них пересохли, названия других утрачены, но и сохранилось немало. Даже в Германии (в областях прежнего проживания россов) сохранились города с русскими именами. Скорее всего, и тут были реки с похожими названиями. Ибо приходили россы, именовали реки согласно ведической вере, а потом строили города и селения.

А есть ли в бассейне Волги, в культовом месте, на стрелке со священной рекой Самарой, какие-либо следы её древнего названия? Удивительно, но такие следы сохранились спустя тысячелетия.

После вторжения в VII веке волжских булгар, потом покорения их хазарами и нашествия монголов в XIII веке Рось в нижнем и среднем течении звалась Итиль, Атель. Активизировавшиеся воинские братства и рыбаки с верховьев реки закрепили новое русское имя – Волга, Волга.

Река Самара, на стрелке с Волгой, в дельте принимает реку Моча и речушку Ростошь. Характерная повторяемость гидронима с именем священной реки Рось.

В Самарской области есть ещё река с родственным названием. Параллельно Самаре в Волгу течёт Большой Иргиз, и в его верховьях есть речка Росташа, с устьем у села Украинка, и две деревни – Верхние Росташа и Нижние Росташа.

На Тамбовщине есть село Росташа. В Ростовской области есть две реки Россоши. Росташа – имя, составленное из двух слов: «рос» – это «рось» – священный напиток и может читаться как «русский», и «таши» – грубая ткань для простой одежды, полог для сушки зерна или палатка. Через многослойную ткань могли цедить священный напиток. Итак, Росташа – это палатки россов и место, где через таши цедают рось. Всё чётко и ясно. Тут всё напоено древнерусской архаикой, её ведами и традициями. Архаика эта отразится в Ригведе и Авесте за несколько тысячелетий до нашей эры.

Волга-Раса хранит много тайн и загадок. Например, и сейчас непонятно, как река в районе Самарской луки прорыла возвышенность, которая выше её истока. Но главная загадка – загадка имени – уже ясна.

Подсчитано, что Волга принимает в себя около семи тысяч притоков. Это целый мир... В тысячелетиях народ сохранил к Рась-Волге уважительное, любовное, трепетное отношение. Повторим вслед за гениальным поэтом Александром Пушкиным: «Уж Волга, рек, озёр краса...», «Ой ты гой еси, Волга, мать родная!» Народная память сохраняет этот образ. И сейчас народ зовёт реку Волгой-матушкой.

Раскрыть бы бетонные плотины, дать бы волю Волге – вернётся рыба, вода перестанет цвести, улучшится экологическая обстановка... Однако начинать надо с возвращения исторической памяти.

Ольга Черенцова. «Мать и дочь»

Журнал «Волга–XXI век» зарегистрирован МПТР РФ,
свидетельство ПИ № 77-16080 от 6 августа 2003 года.

Учредители: Министерство информации и печати Саратовской области, Саратовское региональное
отделение Общероссийской общественной организации «Союз писателей России».

Издатель: ГАУ СМИ СО «Саратов-Медиа».

Директор – Марина Елгаева.

Редакция:

Главный редактор – Елизавета Данилова.

Работы художников Ольги и Сергея Черенцовых.

Дизайн и вёрстка – Лилия Баранова.

Корректор – Елена Березина.

Подписано в печать 20 февраля 2014 года.

Дата выхода в свет 28 февраля 2014 года.

Журнал отпечатан в типографии ГАУ СМИ СО «Саратов-Медиа».

Адрес типографии: 410031, г. Саратов, ул. Волжская, 28.

Заказ № ГЗ/2002/01.

Цена свободная.

Почтовый адрес: 410005, г. Саратов, а/я 3535.

Адрес редакции: г. Саратов, ул. Волжская, 28, к. 6.3.

Тел. (факс): (845-2) 23-24-81.

E-mail: lizamart@yandex.ru

Электронная версия журнала: www.saratov-media.ru/add2/php

Сайт: www.saratov-media.ru

Подписной индекс 14320

При перепечатке ссылка на издание обязательна.

Редакция не рецензирует рукописи, а только сообщает о своём решении.

Формат 70x100 1/16. Усл. печ. л. 15,4.

Бумага типографская. Печать цифровая.

Тираж 1020 экз.

© ГАУ СМИ СО «Саратов-Медиа», 2014.

© «Волга–XXI век», 2014.